

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

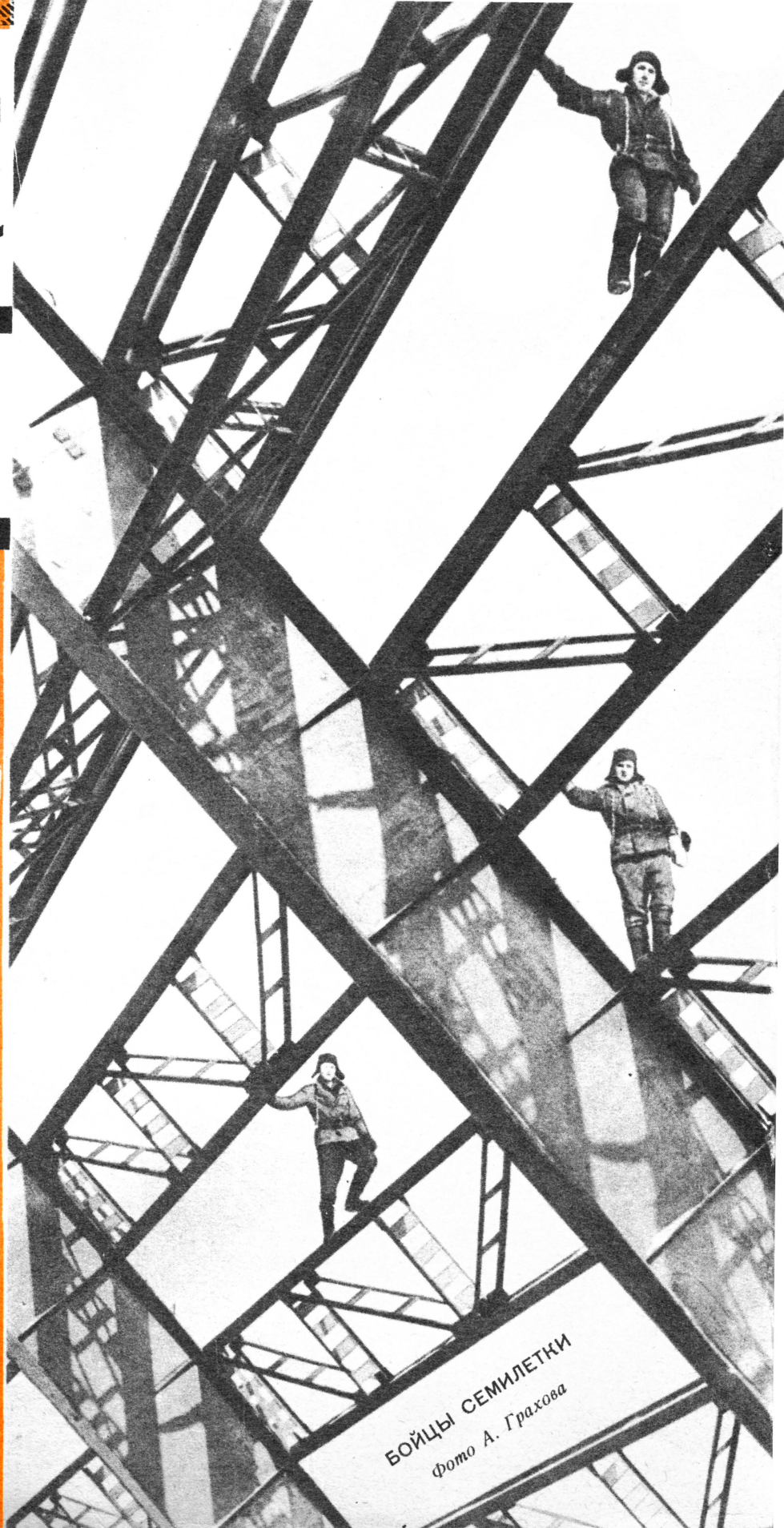
М Е Ч Т Ы
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
Д Е Л А

БОЙЦЫ СЕМИЛЕТКИ
Фото А. Грахова

ПИСЬМА С ФРОНТА

Имя магнитогорского сталевара Алексея Николаевича Грязнова в тридцатые годы было широко известно не только на Урале. Коммунист Грязнов стал зачинателем в стране скоростного сталеварения и первым получил звание сталевара-мастера Советского Союза. Это он в 1936 году внес казавшееся фантастическим предложение перевести стопятидесятитонные печи на тяжеловесные плавки — в двести пятьдесят — триста тонн и блестяще осуществил его.

Человек неумемной энергии, Алексей Николаевич всегда был на переднем крае борьбы. Когда фашисты посягнули на жизнь и свободу советских людей, он настоял, чтобы его отправили в действующую армию. В схватке с заклятым врагом в сентябре 1944 года он пал смертью храбрых.

Жизнь Алексея Николаевича Грязнова была подобна чистейшему пламени. Человек широкой души и доброго сердца, он глубоко ненавидел фашизм и беспредельно верил в победу советского народа. Таким предстает перед нами Алексей Грязнов в своих письмах с фронта, подготовленных для печати писателем Яковом Резником.

Алексей Николаевич Грязнов. Ленинградский фронт. 1943 г.

Фронтовые письма Алексея Грязнова... В конвертах и просто сложенные треугольничком, написанные характерным энергичным почерком... Девяносто три письма, присланных с фронта, и одиннадцать фотографий. Здесь публикуется только часть писем — к жене и дочери.

Словно сейчас вижу коренастого веселого человека, хлопчущего у печи или шумно врывающегося в редакцию и протыгивающего корреспондентку для газеты. Отмеченные духом новаторства, начинания Алексея Грязнова в наши дни переживают второе рождение. Молодые металлурги Магнитки, ВИЗа и других заводов подхватили и успешно развивают их дальше.

Так в шеренгах советских людей, строящих коммунизм, продолжает шагать Алексей Грязнов — рабочий и воин.

В начале Великой Отечественной войны Алексей Николаевич был направлен на Тихоокеанский флот, где когда-то служил, в дивизион морских охотников. Но это явно его не устраивало. «Как, читать и слушать сообщения о боях с фашистами, а самому сидеть и ждать у моря погоды?!» На имя командования сыплется рапорт за рапортом. И Грязнов добивается своего: в июле 1942 года его отправляют на Ленинградский фронт. Здесь комиссар пехотного батальона вскоре стал душой бойцов.

В январе 1943 года началась операция Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву вражеской блокады. Четвертый батальон получил задание: форсировать Неву и овладеть 8-й ГЭС на левом берегу. Комиссар Грязнов первым подбежал к реке и, подняв над головой карабин, крикнул:

— За мной, ребята! За Родину умереть не страшно!

Навстречу наступающим несся огненный смерч. Широкая ледяная лента реки казалась непреодолимой.

Но вот одной группе уже удалось зацепиться за противоположный берег. Грязнов карабкался на крутизну. Колючая проволока рвала лицо, руки, но он, словно не ощущая боли, продолжал продвигаться вперед. «Стоп, а где же первая рота? Что она там замешкалась?» Грязнов ползком добрался до залегшей роты, приподнялся и тут же почувствовал удар в грудь. Сознание померкло...

Очнулся в одном из домов деревни Манушкино. Врач обрадованно сказал:

— Все в порядке. Вы счастливый. Чуть правее — и пуля прошила бы сердце.

«Вот, Клавденька и Галочка, — писал Алексей Николаевич из госпиталя жене и дочери, — теперь я себя узнал полно-

стью. Человек я не для кабинета... В кабинете я грубоватым выгляжу, а в бою — как раз то, что требуется... На Неве, у ГЭС, я видел: некоторые крестились. Если бы и мне креститься и дрожать, всех бы до одного положили на льду.

Больше писать не могу: рука отекала. Скорей бы вылечиться да в бой. Осталось четыре километра, чтобы соединиться с Синявинским направлением, разорвать кольцо блокады».

Больная рука заставляет Грязнова сетовать: «В холод — рука чужая. Сую в карман, а она мимо. Некрасиво получается. Как я буду работать сталеваром? Пожалуй, лопату в руки и ту не возьмешь. Тренируюсь. Два пальца захватывают черенок, другие не хотят».

Но тренировал он руку не для работы у печи — то была дальняя цель, — а для того, чтобы снова взяться за оружие.

Дважды — после первого и второго ранений — комиссия предлагала Алексею Николаевичу вернуться на завод.

«Ты знаешь, Клава, — признается Грязнов в письме домой, — как я душой стремлюсь к тебе, к Галочке, как я хотел бы варить сталь! Но... здесь тысяча тысяч идут на смерть ради жизни детей, ради нашего будущего, а я что — сбегу?!»

Среди писем Алексея Николаевича особое место занимают письма к приемной дочери Гале.

«Здравствуй, дорогая Галочка! — пишет он 28 сентября 1941 года. — Первое слово хочу сказать тебе... Ты у нас восприимчива к музыке, любишь ее. Но этого мало. Надо упорно учиться.

Музыка всегда и везде с нами. Она выражает нашу жизнь. По-настоящему учишься музыке. Не формально исполняя на рояле пьесы, а с душой, чтобы музыка дошла до рабочего, до народа.

Ты знаешь меня. Знаешь мою гармошку. Простая русская гармошка, и та, если с сердцем играешь, поднимает дух, разливает кругом бодрость, веселье. Помнишь, как я ее возьму, растяну — и сразу заулыбаюсь, запою песни. И товарищи, и мама, и ты запоют, заулыбаются. И это — несмотря на то, что

приходил домой усталый — рубашка в соли, лицо соленое. Ты, когда поцелуешь, сморщишь носишко и говоришь: — Фу, папка, какой ты соленый...

Навсегда запомню твоё первое выступление. Тебе было восемь. Ты исполнила «Болезнь куклы»... Нам хотелось броситься на сцену и целовать тебя, малытку нашу.

Тебе 12 лет. У тебя все прекрасное впереди. Ты человек будущего. Нам выпали на долю годы войны и революции, а тебе дорогу расчистим, победу завоюем. Твоё дело будет музыка — победная, горделивая, героизмом наполненная...

Плавал по океану, и ветер пел грозную песню. Мачты чертили облака...

Привет рабочим Магнитки. Пусть надеются на армию и флот. Сила наша огромная. Целую тебя и маму.

Твой папа».

А вот письмо из госпиталя, написанное 1 февраля 1943 года:

«Здравствуй, милая дочка Галочка!

Хочу спросить тебя, кого из композиторов ты полюбила? Чей портрет ты повесила в комнате — Баха или Бетховена, Чайковского или Шопена, или я не знаю,

кто душе твоей ближе? Я — за добрую новую музыку так же, как за добрую старую...

Галочка! Конечно, время тяжелое. Идет война. Я уже ранен. Вам очень трудно с мамой. Вы голодаете. Казалось бы, не до музыки. Нет! Сознание, что ты, дочь простого сталевара, познаешь прекрасное, помогает мне здесь жить и биться с врагом.

Дней через десять я выпишусь из госпиталя и опять пойду в бой. Когда кончится война, возвращусь к тебе, и под твою музыку забудем все невзгоды. Звуки, которые рождаются под твоими пальцами, самые мне дорогие и милые.

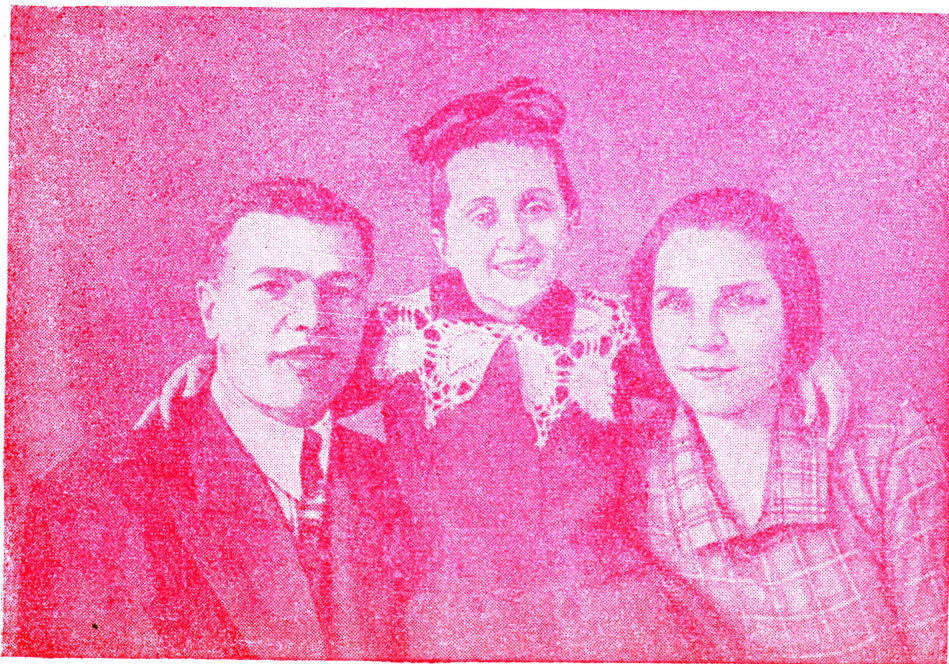
Галочка, что ты прочитала за январь?

Поцелуй маму.

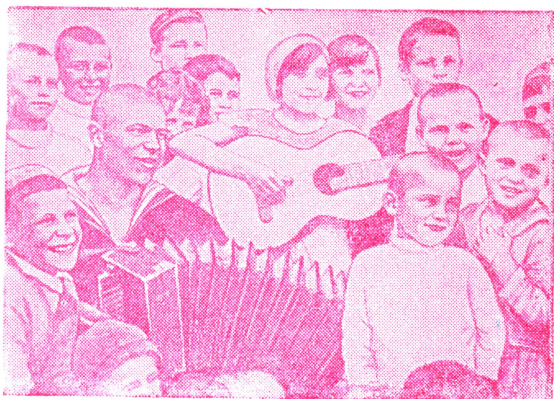
Твой папа».

Следующее письмо отправлено из батальона выздоравливающих.

«...Галочка! Я хочу тебя видеть образованным, культурным человеком, достойным имени: дочь сталевара, солдата войны. Впитывай сердцем все, что есть лучшего в жизни, а главное — знания. Поставила целью музыку — добейся.

Алексей Николаевич с женой Клавдией Ефимовной и дочерью Галиной. 1936 г.

Детская художественная самодеятельность под руководством Алексея Грязнова выступает в мартеновском цехе. 1935 г.

Поставила целью овладеть ленинизмом — добивайся. Год, как ты комсомолка. Читай больше. Я в боях, и то за месяц перечитал Суворова, «Мои университеты» Горького и еще одну книгу об Америке.

Быть комсомольцем — значит быть идейно выше других, учиться лучше, работать лучше. Уж быть, так быть! Читай о комсомоле, о замечательных людях нашей страны, читай книги Ленина, которые находятся в моей библиотеке. Познавай, как сделать лучше жизнь народа, как укрепить еще больше Советскую власть.

Закаляй себя, приучи себя к холодной воде. Полезно. Я ежедневно два раза моюсь холодной водой в любую погоду, летом и зимой, — конечно, если бои разрешают. Иные одеты во все теплое и дрожат, а я голышом моюсь, как утка. Красота!

Не будь высокомерной к людям — ты всегда была вежливой, чуткой, и это мне нравилось. Не рассеивайся. Будь сосредоточенной. Вникай во все решения партии и комсомола. Выполняй их.

Знай: ты мой соратник, моя подмога в боях. Твое доброе отношение к матери, к учебе, к людям греет, воодушевляет меня.

Обнимаю, целую.

Папа».

Находясь в осажденном Ленинграде, Алексей Николаевич, думает о формировании характера дочери.

«Добрый час, Галя, — пишет он. — Мама сообщила мне, что ты стала грустить, печалиться. Отчего бы это, дорогая Галочка? Неужели у тебя не хватает силы воли, чтобы бодро преодолевать тягости, которые переживает весь народ?»

Ты даже меньше стала говорить с мамой. Этого нельзя делать. Я на фронте и прошу тебя перенести чувства, которые ты питала ко мне и к маме, на нее одну. Любишь меня — люби маму. Не всегда она в настроении. Пойми, как трудно ей без меня, и будь к ней ласковой. Она дышала над тобой, ночами не отдыхала, когда ты болела. Ласкай ее, как она ласкала и голубила тебя.

Заботливая у нас мама! Она сумела перешить тебе свои платья, сделать тебе наряды, чтобы ты не выглядела хуже других. И разве только это она делает для тебя!

Хочу и не могу вообразить тебя, дочка, большой. Все вспоминаю, как брал за вытянутые руки, вертел вокруг себя... Ты была бойкая, поворотливая, ловкая. Редко ты приходила с улицы в слезах. Обычно мальчишки от тебя удирали — и правильно, что не жаловалась, а расплачивалась сама. Я не люблю вахлаков — ни больших, ни малых. Человек должен уметь постоять за себя».

И дальше идут замечательные строчки о единстве целей и задач старшего и младшего поколений.

«Послезавтра двадцать шестая годовщина Красной Армии. Ее день рождения мы будем праздновать в разных местах: ты в Магнитогорске, я на Ленинградском фронте. Ты — член нашего Ленинского комсомола, я, твой старший брат, — член большевистской партии, в которую вступил за три года до твоего рождения. Возраст наш различный, но мысли, чувства, цели у нас едины. Мы с тобой — советские люди. Мы с тобой — большевики. И я верю: ты никогда не уронишь чести дочери сталевара и воина...»

Письмо, помеченное 1 января 1944 года, звучит как завещание.

«Дорогая моя доченька Галя! Милая! Поцеловать бы тебя и радоваться, радоваться, радоваться...»

Твое письмо от 16 декабря получил. Спасибо, что поздравила, что не забываешь папу.

И я от всей души поздравляю тебя. Желаю счастья не только на 1944 год, но и на все годы — до 2044-го.

Я хочу с тобой сегодня поговорить на тему душевную.

Ты, Галочка, как раз в таком возрасте, когда человек сильно меняется, когда появляются новые мысли и привязанности. Это естественно. И кругом тебя много хороших ребят. Умей отличить хорошее от показного. Бывает, внешность самая раскрепасная да и язычок подвешен, а копнешь — гнильцой попахивает. Девушка должна уметь убеждать от плохого, не давать себя опутать лестью, сладкими обещаниями. Умей чувствовать, угадывать мысли и стремления людей, их подлинную сущность. Это не значит отделиться от молодых людей — ни в коем случае. Имей друзей. Не стесняйтесь повеселиться, поохотать, но чтобы это было открыто, правдиво. Чтобы мама знала твое состояние — она умница, у нее богатый жизненный опыт. Говори маме о своих чувствах, желаниях. Не стесняйся ей говорить всю правду, даже горькую, для других — самую секретную. Жизнь прожить — не поле перейти. Не всегда приятно. Бывает и горько. Одной тяжело — мы поможем. Никогда не носи переживаний в душе. Не будь замкнутой. Мы с тобой, мы — друзья. Я твой друг, как и мама. Не стесняйся и мне писать самое сокровенное. Я тебя пойму.

Мне было труднее в жизни. Отец мне не был другом. Я не мог ему сказать, что у меня болит, не мог показать рану. А маму я не помню... Да я же тебе рассказывал, как с десяти лет работал у богачей по 12—14 часов в сутки и ласки никакой не видел...

Вырастешь, выйдешь замуж, будут у тебя дети — расскажи им о моем безрадостном детстве. Чтобы сравнивали со своим, чтобы ценили свое счастье. Будет сын или дочь спрашивать тебя о дедушке, скажи им: он видел жизнь, он в тяжкие времена работал у мартеновской печи Магнитки, бился с фашистами на Ленинградском фронте. С годами они поймут, что это означало.

Счастья тебе большого и радости в жизни.

Твой папа».

Еще письмо — от 10 июля 1944 года. Оно всего в несколько строк. Но как весомы эти строки!

«Дорогая дочка Галочка!

Эта бумага испачкана моей кровью, которая у меня шла после ранения в схватке за Выборгом 6. VII. 1944 года.

Я не стал переписывать на чистую бумагу, пусть она послужит тебе памятью обо мне, о войне...»

* * *

В рукопашной схватке на Карельском перешейке из роты, которую вел Алексей Грязнов, осталось девять человек.

«Враг метит мне в грудь, — писал он 7 июля 1944 года из госпиталя. — Возле двух пятен прошлого пулевого ранения — рана от гранатного осколка.

Бой был жестокий. Гранатами обменялись, как камнями».

В госпитале Алексей Николаевич пишет стихи. В них — его страстная мечта дожить до часа, когда

Шихтой в мартен
пойдут осколки.

Через некоторое время было отправлено еще одно письмо. Оно напоминает телеграмму.

Балтийский вокзал. 1 августа 44.

Здравствуйте, Клава и Галочка!

Еще раз крепко вас целую и обнимаю. Погружаемся ехать скорее. Пожелайте мне еще раз удачного боя.

Готов опять драться.

Будьте здоровы, дорогие мои.

Ваш Алексей».

Этому письму суждено было стать последним:

11 сентября 1944 года в бою у деревни Пикасилла Эстонской ССР Алексей Николаевич, шедший впереди атакующих, был смертельно ранен в сердце.

* * *

Материал уже был заверстан в номер, когда редакции сообщили, что одна из новых улиц Магнитогорска названа именем Алексея Грязнова.

ЗНАМЯ

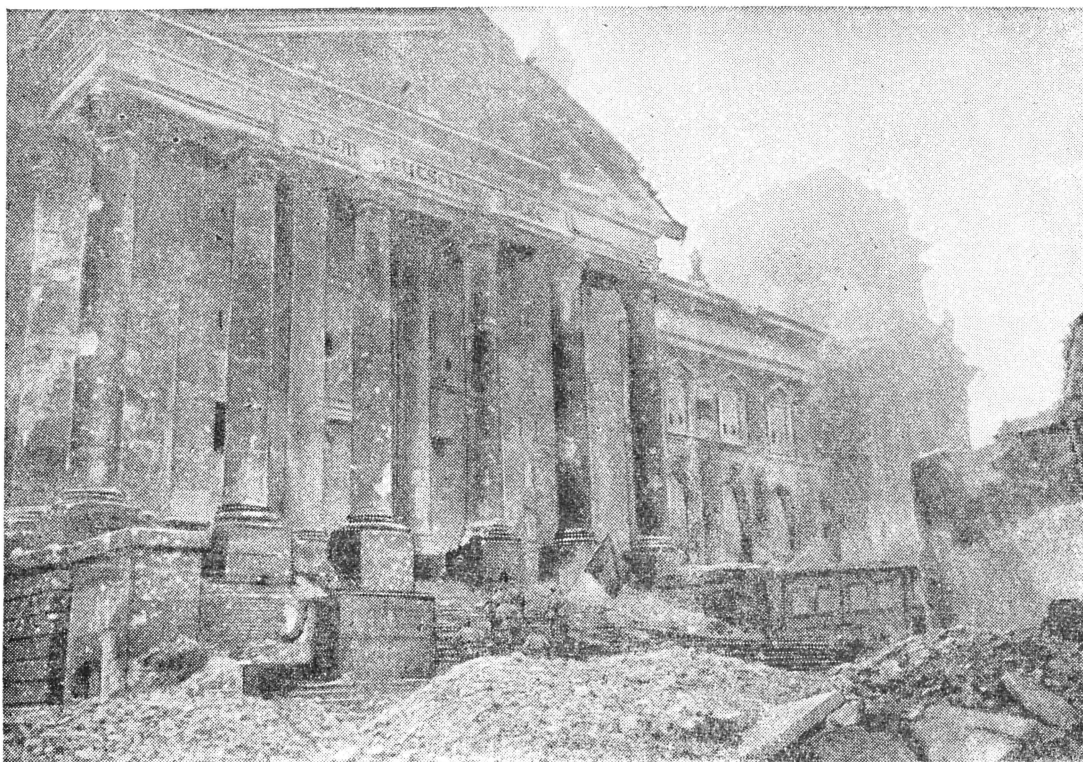
«Мы в Берлине! — говорилось в специальной листовке, выпущенной политотделом 3-й Ударной армии 6 мая 1945 года. — Величественное событие совершилось. Пройдут годы, зарубятся раны войны, сотрут следы боевых походов, а народ никогда не забудет людей, водрузивших над столицей Германии Знамя Победы. Потомки наши откроют торжественную книгу побед и увидят в ней выведенные золотыми буквами имена героев, принесших человечеству свободу и счастье, спокойствие и мир. И среди имен богатырей будет стоять простое имя — Степан Неустроев...»

Уралец, капитан Степан Андреевич Неустроев командовал стрелковым батальоном, который 30 апреля 1945 года одним из первых ворвался в фашистский рейхстаг.

— А где знамя под номером пять, врученное нам Военным Советом Армии? — спросил капитана Неустроева командир полка полковник Зинченко.

— В штабе полка!

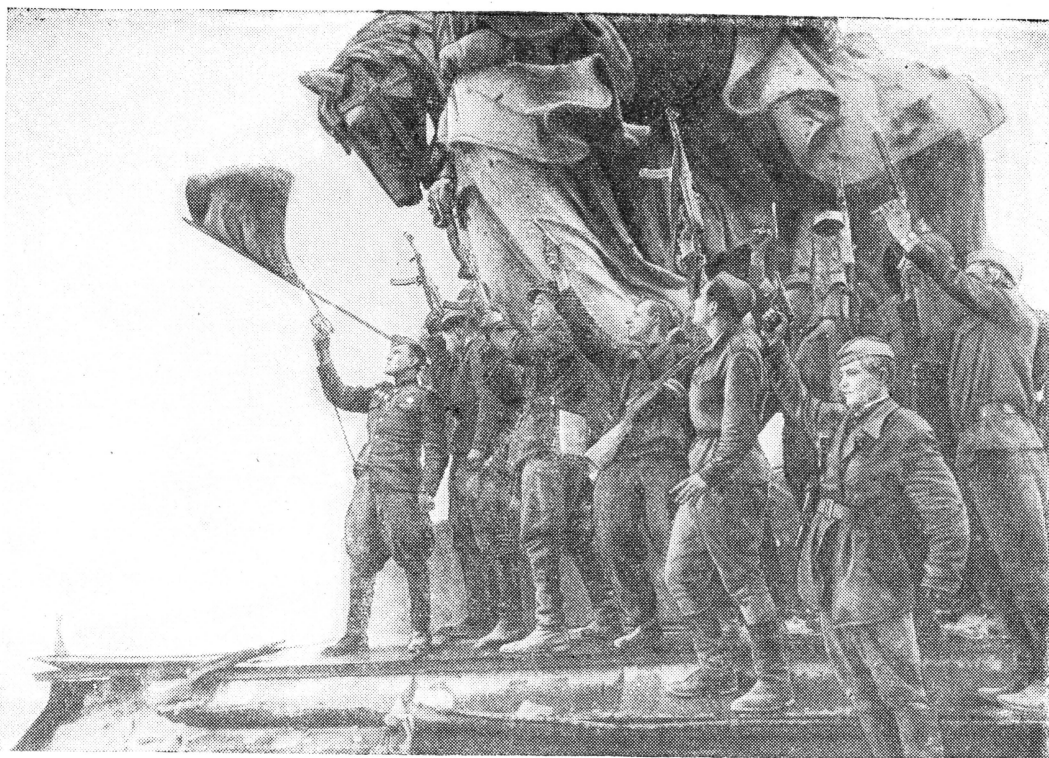
Зинченко по телефону связался с начальником штаба (штаб помещался напротив рейхстага, в бывшей канцелярии Гиммлера) и приказал:

Разведчики М. Егоров и М. Кантария в сопровождении автоматчиков направляются в рейхстаг.

ПОБЕДЫ

Салют Знамени Победы, установленному над рейхстагом. Первый слева С. Неустроев.

— Немедленно доставить к Неустроеву знамя. Направьте его с проверенными, надежными солдатами. Лучше, если они будут из взвода разведки...

Знамя понесли известные всему полку разведчики Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Их сопровождали автоматчики.

— Мы видели,— рассказывал позднее Степан Андреевич Неустроев,— как они выпрыгнули из окна «дома Гимmlера» и, где перебежками, где ползком, стали пробираться к рейхстагу. Неподдалеку от них разорвался снаряд. Знаменосцев завалило землей. Однако они поднялись и побежали дальше...

На верхних этажах рейхстага гитлеровцы продолжали отчаянно сопротивляться. Лестницы внутри были разрушены. Лишь поздно вечером при поддержке автоматчиков, которыми командовал лейтенант Беркут, Егоров и Кантария взобрались на крышу и водрузили Знамя Победы над поверженным Берлином.

Когда об этом доложили Неустроеву, он взглянул на свои часы. Было 22 часа 50 минут...

Сейчас это Знамя хранится в музее Советской Армии.

Л. СЕМЕНОВ

АТАКУЮЩИЕ ПРАВДИСТЫ

Виль ДОРОФЕЕВ

Рисунки С. Кирпина

И СЛОВО, КАК ПУЛЯ...

Ветром разлохмаченные волосы, плотно сжатые губы, глаза, устремленные в безбрежную даль, которая простирается за синим лесом, за убегающим к горизонту шоссе...

Зоя Космодемьянская—это имя вырубил резец мастера на пьедестале памятника, установленного на Минском шоссе, недалеко от деревни Петрищево. И как бы ни опаздывал маршрутный автобус Минск—Можайск, шофер обязательно сделает здесь остановку. Выйдут пассажиры из машины, молча постоят у развилки дорог—и вспомнит каждый суровое военное время, подвиг этой девушки.

О смелости Зои написаны поэмы, сложены песни. А кто первым рассказал о ней, кто по крупицам собрал и бережно донес до нас историю ее подвига?

27 января 1942 года в газете «Правда» был опубликован очерк «Таня». Написал его военный корреспондент Петр Лидов.

...Уже три дня, как семья перебралась к Лидову в Минск. Сегодня, оставив девочек в гостинице под присмотром дежурной по этажу, жена и Петр сбежали в театр.

За последнее время они так мало были вместе... Сначала длительная командировка в Прибалтику, а потом это неожиданное назначение в Минск, собственным корреспондентом газеты «Правда» по Белоруссии.

После спектакля еще немного побродили по городу.

Чудесный вечер начинающегося белорусского леса. Как терпко пахнут тополя! Он раньше не замечал этого. Где-то вдаль гудят самолеты.

— Почему им сегодня не спится?— спрашивает Галя.

— Развоевались,— отвечает он.

— Не надо так шутить, Петя.

— Слушаюсь, товарищ семейный главнокомандующий!

Сегодня им очень хорошо, этим двум молодым уже людям.

Открыта заветная бутылка «массандры», привезенная в прошлом году из Крыма. Галя ставит на стол граненые гостиничные стаканы. Они пьют за все хорошее в прошлом и за отличное в будущем. Звучит тост журналистов, геологов, моряков—людей всех беспокойных профессий:

— За тех, кто в пути!

За стеной, в соседнем номере, кто-то включил радио. Гулко отбивают начало нового дня кремлевские куранты. 22 июня 1941 года.

* * *

Лидов пытался попасть в Брест. От встречных беженцев он знал, что там идут ожесточенные бои. Но гитлеровцы перерезали дорогу. Пришлось вернуться назад.

В блокноте Лидова появилась первая фронтальная запись:

«Кто мог предвидеть, что в Брестской крепости, где была перевернута последняя страница русско-германской войны, начнется битва, быть может самая страшная во всей истории...»

* * *

Последние часы Минска. Пепел сожженных бумаг хлопьями кружится в воздухе, оседает на мостовой. Пора уезжать. Сегодня утром Лидову принесли телеграмму:

«Срочно прибыть редакцию».

Редакционная машина медленно пробирается через людской поток на шоссе. Сгорбившись по-стариковски, идут с небольшими заплечными мешочками воспитанники детского дома. У этих ребят Лидов был в гостях на первомайском вечере.

Угрюмо насупив брови, шагает старик-художник. Месяц назад Лидов присутствовал на открытии выставки, где были показаны его работы. Едва поспекает за стариком загорелый малыш с кутенком на руках. Щенок доверчиво прикрыл глаза, спит...

Лидов распаивает дверцу.

— Садитесь скорее, подвезу.

Протяжный вой самолетов надвигается с запада. Люди тревожно смотрят вверх. Три черные точки стремительно растут. «Мессеры» с волчьим завыванием пронесются над головой.

— Ничего страшного. Они не трогают мирных жителей. Все-таки немцы, культурная нация... Гете, Гейне, Бетховен,— рассуждает художник, усаживаясь с внуком в машину.

Снова нарастает вой моторов. Тень самолета закрывает небо.

Петр Лидов. Июль 1942 г.

— В кювет! Быстро!— кричит Лидов, рывком открывая дверцу автомобиля.

На бреющем полете фашистский стервятник пронесится над дорогой, расстреливая беженцев. Мальчуган, будто споткнувшись, падает рядом с машиной, и лужица крови растекается у его головы... Старик поднимает внука, еще не понимая, что случилось...

В Вязьме Лидов догоняет семью. Никто из родных не знает о том, что он видел в пути. Только младшая, Наташа, вдруг захлопав в ладоши, говорит:

— У меня чулок рваный, а у папы вся машина в дырочках.

* * *

Осенью фронт вплотную подошел к столице. Теперь Лидов добирается на передовую трамваем и попутной машиной. Положение на фронте очень тревожное: оставлены Можайск, Нарофоминск, Руза, Звенигород. У Лидова на первой газетной странице появилось свое, постоянное место. В заголовках его корреспонденций будничная суровость. 13 октября 1941 года: «Ожесточенные бои на западном направлении»; 26 октября 1941 года: «Противник готовится к решающей битве»; 29 октября 1941 года: «Ожесточенные бои на подступах к Москве»...

* * *

Лидов и Галина идут по забеленному первым снегом Тверскому бульвару. Как рано в этом году пришла зима!

Мерный глуховатый топот солдатского строя. Шагают девятнадцатилетние стриженные мальчишки. Юность уходит на фронт.

Двое стоят, двое молчат, двое смотрят солдатам вслед. Когда где-то далеко топот стихает, Галина спрашивает:

— А ты веришь, Петя, мы... выстоим?

— Да!

В блокноте четкая запись:

«21 октября. Не надо паники. Больше спокойствия. Пора понять и усвоить: у нас лучший в мире солдат. Мы воюем на своей земле, вблизи своих баз, а противник — на чужой, враждебной земле и в огромном отдалении от своей страны. Нужно только уметь ждать и работать...»

И он работал.

* * *

Самолет, тяжело урча, оторвался от взлетной дорожки и, покачав крыльями, взял курс на запад. За ним другой, третий. Всего 25 машин. Их цель — важный жизненный центр фашистской империи.

На одном из бомбардировщиков вместо стрелка-радиста летит Петр Лидов.

Вокруг машины заплясали разрывы зенитных снарядов. Уходя от огня, бомбардировщик полез вверх. Тяжесть наваливается на плечи. Минута, вторая, и вот уже линия фронта осталась позади. И снова в прозрачный самолетный колпак смотрят звезды.

Звезды... Манящие спутники детства. В четырнадцать лет Лидов мечтал подняться высоко-высоко, проникнуть в таинственные звездные дали. Тогда к ним в город прилетел самолет. Он прострекотал над Харьковом, сделал круг и, скользнув вниз, сел за садами в степи.

Им было четырнадцать, они давно считали себя взрослыми, хотя для многих только прошлым летом закончилось время коротких штаншек на помочах. Не сговариваясь, ринулись хлопцы в степь. Они прибежали первыми. Вокруг самолета ходили двое в черных хромовых тужурках. Было несказанно радостно смотреть во все глаза на этих людей. Хотелось сделать что-то необычное. Петр решил, что станет летчиком.

Всю ночь просидел он за столом. Писал. А наутро отнес письмо в редакцию городской газеты. Заметку о полете самолета в Харькове, к удивлению Лидова, напечатали.

Через 10 лет Лидов стал журналистом. Работал в «Правде», ездил в командировки, исколесил всю страну. Видел такое, о чем не думалось и не мечталось в те четырнадцать мальчишеских лет...

— Прошли Варшаву, скоро объект,— доносится голос пилота.

Скоро — это еще три часа ожидания.

Наконец звучит команда. Громадный бомбардировщик ныряет вниз. Там яркими огнями сияет большой город. Никакой маскировки. Ведь фюрер сказал, что ни один русский самолет не потревожит «голубой небосклон фатерлянда».

Вниз, вниз! Теперь для этой громадной птицы нет ничего, кроме сверкающих огней вниз.

Они быстро растут. Сейчас бомбы полетят вниз, и огни погаснут. Погаснут непременно.

Самолет пикирует на город. Почему молчат вражеские зенитки? Сейчас они откроют

огонь, сейчас... Бомбардировщик слегка качнуло: это пошла вниз первая бомба. Второй заход. Яркими факелами пожаров запылал город. Запоздало бьют зенитки противника.

Пора! Развернувшись, самолеты уходят на восток, домой.

В «Правде» была напечатана большая корреспонденция о замечательном, дерзком полете в логово врага.

В записной книжке Лидова можно прочесть полустершуюся запись:

«Летчики говорят, что изучали мою корреспонденцию о полете, как учебное пособие. Приятно узнать об этом...»

* * *

Второй месяц отступают гитлеровцы от Москвы. Школой ненависти назвал эти дни Лидов.

«На смоленской дороге, на месте бывших подмосковных деревень, кладбищенскими памятниками стоят занесенные снегом печные трубы. Прокопченные, почерневшие, они словно говорят бойцам: «Отомстите!»»

Лидов не знал отдыха. Он замучил шофера своим беспрестанным «давай». Однажды, под вечер, махнув рукой на сломанную машину, журналист один пошел в Можайск. На ночевку остановился в чудом уцелевшей придорожной избе.

* * *

Лидов прилег на полу. Ему надо было хорошо отоспаться, но заснуть не пришлось: загремела тяжелая дверь, и в избу вошел старик. Люди потеснились, кто-то уступил деду охапку соломы. Но старик никак не мог уговориться. Он кричал, ворочался и все время бормотал что-то себе под нос. Не по себе было и Лидову: слишком устал за эти четверо бессонных суток.

— Не спится, отец?

— Не спится! Видел я много страшного, сынок, оттого и не спится.

И старик рассказал о своих скитаниях. Жил он в деревне Красновидово, недалеко от знаменитого Бородинского поля. Как и многие жители Подмосковья, не желая оставаться «у немцев», покинул родные места. Теперь шел старик вслед за Красной Армией, возвращался домой.

В эту беспокойную бессонную ночь он поведал Лидову быль, которую слышал от жителей Петрищеве.

Дед точно помнил название, потому что деревня эта уцелела: враги не успели ее спалить.

Это был рассказ об отважной партизанке, которую фашисты повесили в Петрищеве. Он был похож на легенду, но дед клялся, что все сказанное — правда, и беспрестанно повторял:

— Ее вешали, а она речь говорила. Слышь-ка, ведь вешали — и речь говорила!

Он не мог сказать, за что повесили девушку гитлеровцы. Но знал старик, что смерть приняла она мужественно.

Теперь не до сна. Подробно расспросил деду о дороге, Лидов отправился в Петрищеве. Только сейчас он почувствовал, как устал. А до незнакомого села, говорят, двадцать с лишним километров.

Около часу Лидов уже в пути. Ноги вязнут в снегу, жарко в полушубке. Попить бы. Он разбивает хрустящую корку наста. Колочий лежалый снег холодит руки. Если его пососать, жажда пройдет. Серееет небо, скоро рассвет. Лидов смотрит на часы: семь утра. Надо сегодня же попасть в Петрищеве.

* * *

В то утро на пути в Петрищеве он встретил своих товарищей — Михаила Калашникова и Сергея Любимова. Они передали ему приказ из редакции: срочно побывать в деревне Пушкино. Все трое поехали туда на машине. Они помнили Пушкино по довоенным годам. Это была большая зажиточная деревня — семьдесят три избы. Сейчас их можно сосчитать по печным трубам, которые сиротливо торчат из-под снега. Пепелище. Уцелело только три дома.

Сколько страшного рассказали журналистам жители этой деревни о своей жизни при «новом порядке», о днях, полных горя и ужаса! И снова среди повествований о нелегкой жизни «под немцем» Лидов услышал рассказ о неизвестной партизанке.

— Ей лет восемнадцать, казнили партизанку фашисты с месяц назад. На допросе она не сказала ни слова. Только перед казнью, когда уже надели петлю, девушка крикнула людям, чтоб били они фашистов.

В тот же день Лидов, Любимов и Калашников выехали в эту деревню.

* * *

В Петрищеве журналистам показали большую избу, в которой во время оккупации оставался командир 332-го пехотного полка 197-й пехотной дивизии подполковник Рюдер. Сюда приводили на допрос девушку, назвавшую себя Таней.

Уже четвертый час сидит Лидов в этой избе. Перед ним на столе лежат добротные ремни из прочной воловьей кожи.

Этими ремнями избивали фашисты партизанку. На широких полосах кожи клеймо: «Сделано в Германии». Достойный атрибут «нового порядка»!

Давно закончили свой рассказ очевидцы. В блокноте появились первые записи с пометкой «Таня». Пора уходить, а Лидов все сидит в избе, где в октябрьскую ночь пытали девушку. Ее били, ее жгли раскаленным железом, а она молчала. Ей обещали сохранить жизнь, если она предаст товарищей. Но Таня молчала, молчала все четыре часа, пока продолжался допрос.

— Пора, Петя, — говорит Калашников.

Лидов, тяжело поднявшись с лавки, прощается с хозяевами. Неширокая деревенская улица утонула в сугробах. По протоптанной тропинке они идут к хате Василия Кулика, где девушка провела свою последнюю ночь перед казнью.

Снег сухой, колючий, он скрипит под ногами. Где-то здесь босиком, в одной рубашке, фашисты гнали по снегу Таню.

Журналисты слушают рассказы Василия и Прасковьи Кулик о чудовищных издевательствах, которые вынесла юная героиня.

Партизанку мучила жажда. Прасковья Кулик почерпнула ковшом воды, но фашистский головорез выбил его из рук. Потом поднес к губам девушки горящую лампу и пытался заставить ее пить керосин...

Записаны рассказы очевидцев казни, запротоколированы объяснения людей, хоронивших героиню. Лидов выяснил все о последних двух днях Тани. Неизвестно только, кто была эта девушка.

В ту страшную ночь перед казнью партизанка сказала Прасковье Кулик, что она родом из Москвы, а зовут ее Таня.

Нить обрывалась. Теперь о безвестной героине можно было что-либо узнать только в Москве.

И Лидов продолжает поиск.

Он читает списки, бесконечно длинные списки особых партизанских отрядов Московского горкома комсомола. Имя, фамилия, дата вступления в комсомол. Мальчишки и девчонки, вчерашние школьники, они стали в это суровое время бойцами партизанских истребительных отрядов. Они уходили в леса и забывали на время свои имена: так было нужно. Сколько их, безвестных и безымянных, погибло в смертельных схватках с врагом!

Кто из них Таня?

* * *

Снова Петрищево. Петр Лидов и фотокорреспондент Сергей Струнников прибыли сюда из Москвы вместе с комиссией МГК ВЛКСМ. Решено вскрыть место захоронения партизанки, чтобы проводить ее в последний путь с воинскими почестями. Лидов стоит у разрытой могилы, смотрит на истерзанное, измученное пытками, но все еще прекрасное лицо партизанки.

Сергей Струнников уже в который раз фотографирует её.

Резкий декабрьский ветер пронизывает насквозь. Но Лидов не чувствует холода. Он неотрывно смотрит на Таню, стараясь запомнить ее навсегда.

Уже позже, 8 августа 1943 года, журналист писал в своем дневнике:

«Есть много портретов Зои Космодемьянской. Одни художники добились портретного сходства с оригиналом, другие за сходством не гнались, старались постичь и выразить внутреннюю сущность этого человека, его порыв, его идею. И те и другие портреты хороши, пока на них смотришь. Но, когда я закрываю глаза, то представляю себе Зою, какой я видел ее в первый и последний раз: на снегу, у разрытой могилы...»

* * *

Десять дней пробыл Лидов в Петрищево. Никогда еще ему не приходилось так напряженно работать.

«Хочу знать всю правду о Тане,— записал он в блокноте,— и всю правду рассказать о ней. Я в ответе за память об этой девушке перед людьми.»

Он рассказал всю правду о юной героине. Его очерк «Таня», написанный без громких фраз, построенный только на фактах, потряс весь мир. 28 января в окопах и цехах — всюду, куда только пришла газета, можно было услышать:

— Читали о Тане? Какое мужество! Какой подвиг!

На следующий день после опубликования очерка в редакцию пришли школьные друзья партизанки.

— Мы знаем ее. Это наша Зоя. Зоя Анатольевна Космодемьянская.

* * *

Месяц спустя был опубликован второй очерк Лидова: «Кто была Таня?». Начиная работу над этим очерком, Лидов записал в дневнике:

«Еще там, в придорожной избе, слушая рассказ старика, хозяйка сказала: «Неужто все это правда, неужто бывают такие?» Да, «такие» были, есть и будут. Я хочу рассказать в этом очерке, откуда берутся «такие». Хочу показать, что не порыв чувств, а большая любовь к Родине, к своему народу помогли Зое совершить подвиг.»

* * *

«Отомстим фашистам», — все письма, которые Лидов получал в те дни, кончались этими словами. Все письма были проникнуты гневом и ненавистью к врагу. Бойцы частей Северо-Западного фронта прислали журналисту свою резолюцию, которую они приняли на митинге, посвященном памяти Зои. Один из студентов писал в своем письме:

«Вам, второму отцу Зои, я обещаю отплатить врагам за смерть мужественной дочери нашей страны.»

Мстил за юную партизанку весь народ. Пробыл час расплаты для ее палачей. Уже пойман и допрошен унтер-офицер 332-го полка, один из тех, кто пытал Зою. Разоблачен и приговорен к расстрелу фашистский прихвостень Свиридов, который помог схватить отважную партизанку. Очередь за самым главным истязателем — за подполковником Рюдером, который допрашивал Зою. Сохранилась запись Лидова:

«Я верю, что мне удастся допросить подполковника Рюдера. Как знать, может быть, мне посчастливится и расстрелять его.»

Фотографий было пять, пять небольших твердых квадратиков бумаги фирмы «Кодак». Их принес в редакцию один из разведчиков, который приехал в Москву всего на два дня. В кармане убитого фашиста нашли бумажник. В нем оказался пакет фотографий. По сним-

кам можно было проследить, как вместе с фашистской армией шагал по Европе Курт Овельц. А на пяти фотографиях гитлеровец с методической последовательностью садиста запечатлел моменты казни Зои Космодемьянской.

Пусть эти фотографии зовут к мести, пусть они пробуждают ненависть к врагу! Этого хотел Лидов. Этого он достиг, создав свой очерк «Пять фотографий». В его дневнике мы читаем:

«Ни одна из моих статей не досталась мне такой дорогой ценой, как эта. Я вместе с Зоей вновь прошел ее последний путь от избы Василия Кулика до места казни. Какая это короткая, но трудная дорога».

Запись заканчивается словами:

«Мстить за Зою!»

Он мстил. Его оружием было слово, и он беспощадно разил им врага. В архиве семьи хранится свыше ста записных книжек Лидова, исписанных бисерным почерком. На первом листке многих из них пометка: «1943 год». В этот год Лидов «надолго обосновался в блиндаже с толстенным, в три наката потолком».

Шли ожесточенные бои за великий город волгарей. Корреспонденции, которые Лидов передавал в редакцию, были правдивыми и жизненными — чувствовалось, что их писала та же рука, которая держала и автомат, и гранату.

В том же 1943 году Лидов летит на самолете к партизанам Белоруссии, совершает дерзкий поход в оккупированный Минск.

Как переполошились фашисты, когда в «Правде» появился очерк «В оккупированном Минске» за подписью Петра Лидова!

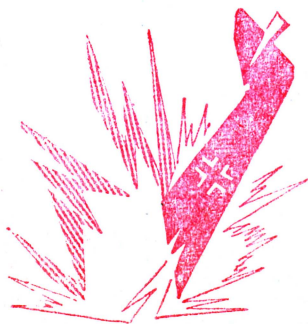
В военные годы Петр Лидов был одним из самых боевых и оперативных корреспондентов «Правды». Его знали читатели газеты, его знали и враги: слишком много неприятных воспоминаний у фашистов было связано с именем этого журналиста.

В архиве семьи Лидова хранится пожелтевшая вырезка из газеты сорок третьего года. Уже после войны кто-то из друзей погибшего журналиста принес Галине Яковлевне Лидовой эту газету.

— Мы узнали, что вы собираете материалы о муже. Так вот здесь о Петре Александровиче... В свое время он читал этот пасквиль.

Статья была напечатана в газете, издававшейся фашистами в оккупированном Крыму. По этому поводу Лидов заметил:

«Появился в одной нацистской газетенке фельетон на меня. Читал, много смеялся. Враг разъярен. Ну что ж, тем лучше».

* * *

Июнь сорок четвертого года. Давно отгремели орудия на Курско-Орловской дуге. Последние противотанковые ежи под Москвой свежены на переплавку. По дорогам страны бредут колонны пленных гитлеровцев.

Лидов снова готовится в путь. Вместе с Александром Кузнецовым и Сергеем Струнниковым он летит на аэродром, где в это время были американцы.

* * *

Приземлились на аэродроме союзников уже поздней ночью. В эти часы американские летчики вылетали бомбить врага.

Первые беседы, первые интервью, первые возгласы восхищения: «О да, русские парни — молодцы! О кэй!».

Советские журналисты пробыли на аэродроме три дня. Сергей Струнников извел все свои кассеты. Лидов с Кузнецовым исписали все блокноты.

Друзья лежат на бархатистой траве, у самого края летного поля. Здесь колеса тяжелых машин не мнут траву; она сочная, мягкая. Если лечь на спину и смотреть в небо, не отрывая глаз, то очень скоро от облаков, несущихся неизвестно куда, от голубого неба, которое видно в прорехе между облаками, закружится голова. Лидов осторожно снимает с травинки пятнистую божью коровку. Он слышал, как пела когда-то Светлана: «Божья коровка, полети на небо, там твои детки кушают конфетки...»

Забавные девчонки. Сколько он их не видел, года три?

Лидов приподнимается на локте, смотрит, не подъехал ли за ними командирский «джип». Ровными рядами, задрав свои тупые носы, стоят на летном поле американские самолеты.

Бесшабашный народ эти американцы. Когда журналисты впервые увидели незамаскированные боевые машины, то крайне удивились. Но им кто-то из американских летчиков объяснил через переводчика: «Немцы далеко. Американцы не боятся фашистских налетов, русский майор зря тревожится».

Из штаба выбегает молодой лейтенант. Он что-то кричит дежурному. Через минуту над аэродромом несется протяжный вой сирены.

Все несутся в укрытия. В небе показались четыре черные точки. Они стремительно вырастают, превращаются в «юнкерсов».

Первый заход. Ослепительно сияют на солнце незащищенные машины. С оглушительным грохотом рвутся бомбы. Горят три самолета. Молчат зенитные пулеметы: американцы отсиживаются в убежище.

— Что же вы сидите? — возмущаются советские журналисты.

Союзники, оправдываясь, что-то бормочут об опасности. «Юнкерсы» разворачиваются, делают второй заход. Еще минута, и снова бомбы полетят на беззащитные машины.

Лидов первый выскакивает из блиндажа и бежит к самолетам. До зенитного пулемета рукой подать. Низко, ничего не боясь, идет над аэродромом «Юнкерс».

«Целиться чуть-чуть вперед...» — Лидов лихорадочно вспоминает стрелковое наставление...

Раскаленный веер пуль бьет по мотору. Оставляя дымный след, машина падает.

— Сережа, смотри: сбили! — кричит Лидов.

— Ложись! — командует Кузнецов.

«Юнкерс», охваченный пламенем, упал; рвутся бомбы сбитого самолета. Взрывная вол-

на накрывает Лидова, Струнникова и Кузнецова...

Вскоре прозвучал отбой воздушной тревоги. Из укрытий выбираются люди. Они молча стоят возле троих, которые были смелее их, сильнее духом.

Американский майор расстегивает у одного из погибших потайной карман кителя. Документы впрессованы взрывной волной в грудь. Темная струйка крови обагрила две небольшие книжечки.

Кто-то из американцев читает медленно по складам:

— Лидов Петр Александрович, военный корреспондент газеты «Правда».

На втором документе написано:

«Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков».

С «ЛЕЙКОЙ» И С БЛОКНОТОМ

Пограничники выполняют последние формальности. Специальный состав из четырех «международных» вагонов отходит от платформы. С Германией заключен договор о ненападении, и правительственная делегация СССР с ответным визитом направляется в Берлин. Ничего не поделаешь, дипломатическая этика!

Одно из окон третьего вагона, где едут сопровождающие делегацию журналисты, неярко освещивает желтоватым светом настольной лампы. Чтобы не разбудить соседа, Михаил Калашников накрыл абажур колпаком из газеты. Он, специальный фотокорреспондент «Правды», заносит в свой путевой дневник:

«Это граница. По ту сторону — другая страна, с другим политическим укладом. И рано или поздно, но мы должны с ней драться.»

* * *

Прием у Риббентропа, ни к чему не обязывающий разговор о погоде с одним из представителей крупнейшей нацистской газеты.

На следующий день фотокорреспондент присутствовал на обеде, который давал Гитлер в честь гостей из России. Тогда-то и сделал Калашников свой знаменитый снимок-кариатуру.

Оскаленная в улыбке массивная челюсть дегенерата, прядь набриолиненных волос свисает на лоб. С лакейской услужливостью пожимает фюрер руку главе советской делегации.

В распоряжении фотокорреспондента были секунды, он работал «на вскидку». И все же Калашников сумел блестяще решить тему. Его снимок обошел все газеты и журналы мира. Оценили фотографию по достоинству и в фашистской Германии. Когда через несколько месяцев Калашников должен был снова посетить «фатерлянд», ему отказали в визе.

Покидая Берлин, Михаил Калашников написал:

«Первое впечатление о фашистской столице — это обилие полицейских и переодетых шпиков.»

Всюду настороженные глаза профессиональных убийц, готовых всадить тебе нож в спину...»

Он вспомнил эти глаза июньским днем сорок первого года, когда впервые услышал о варварском налете на Киев, Минск, Севастополь, когда повсюду зазвучало суровое и обязывающее слово: «Война!».

* * *

Калашников сидит в кабинете главного редактора.

— Ведь нет же незаменимых людей! Не расшейте — сам уеду.

— Нельзя, ты нужен здесь. Кто будет руководить работой отдела иллюстраций? Нет, мы не можем сейчас отпустить тебя на фронт.

Первое партийное собрание в военное время. Свое выступление Калашников заканчивает словами:

— Сейчас наше главное оружие — дисциплина и организованность. Многие рвутся на фронт, но с командировками на передний край придется подождать. Будем работать здесь...

Сразу же после собрания Калашников едет в одну из частей Московского Военного Округа и сдает в секретариат хороший снимок красноармейцев — отличников РККА. Этот снимок был опубликован в газете 23 июня 1941 года.

* * *

В лаборатории полумрак. Сушатся проявленные пленки. Первые дни войны он не приходил домой даже ночевать — спал на диване в редакции. Только за первые три военных дня в газете было опубликовано шесть его снимков. Он сделал их на одном из заводов столицы, в колхозе Московской области, на призывном пункте военкомата.

Но такая работа не удовлетворяла Калашникова.

«Мне мало этого, я хочу быть там, на переднем крае, хочу взять в руки винтовку, хочу бить фашистскую нечисть.»

Михаил Калашников (слева) и писатель Владимир Ставский перед поездкой на фронт около редакции «Правды», ноябрь 1941 года.

В начале июля Калашникова вызвал редактор. Разговор занял немного времени.

— Вы готовы ехать на фронт?

— Да!

Домой Калашников забежать не успел. На душе было беспокойно: ведь дома осталась больная жена. Может быть, надо было вообще отказать от поездки? Нет, Мария поймет. В поезде он написал ей письмо:

«Я делаю плохо, что оставляю тебя в таком состоянии. Но пойми: я не могу иначе. Мирная жизнь кончилась. Она сейчас кажется такой счастливой и далекой. Она была действительно счастливой и, надеюсь, будет еще счастливой. Расправимся с фашизмом, этой гадиной, уничтожим варвара Гитлера и заживем по-прежнему. Может быть, это будет не так скоро, может быть, придется перенести много трудностей. Но надо из этих трудностей выйти победителями, и мы выйдем победителями!».

Вскоре Калашников прислал свой первый снимок из действующей армии: резко очерченные на фоне заходящего солнца самолеты, маленький силуэт стартера с флажком на переднем плане. «Советские бомбардировщики на старте» — с такой подписью эта фотография была напечатана в «Правде» 6 июля 1941 года.

Каждому фотокорреспонденту присущ свой «почерк», свои излюбленные темы, своя манера подачи материала. Михаил Калашников был до войны портретистом. Он умел видеть человеческое лицо в наиболее характерном для

него ракурсе. Это был фотожурналист номер один, которому поручались правительственные съемки. Портреты, сделанные Калашниковым, отличались от работ других фотокорреспондентов особой продуманностью, основательностью. Порой, чтобы сделать один хороший портрет, Калашников готовился к съемке несколько дней. Он приходил на работу к человеку, которого должен был сфотографировать, часами наблюдал, как трудится его герой, стараясь подметить в человеке что-то свое, особенное, присущее только ему одному.

* * *

Первые же снимки, присланные Калашниковым с фронта, удивили его друзей. В них чувствовался тот же уверенный почерк, и в то же время что-то новое появилось в фотографиях.

Раньше многие корреспонденты наших газет применяли в работе так называемый постановочный или игровой метод. Иными словами, фотокорреспонденты искусственно «лепили» композицию снимка. Довольно часто применял этот способ в своей работе и Михаил Калашников. Но война потребовала от фотожурналистов новых форм работы. В боевой обстановке уже не было времени «лепить» композицию. В те дни в своем фронтовом блокноте Михаил Калашников записал:

«Снимать все самое интересное, самое важное».

День за днем создавал журналист фотолетопись фронтовой жизни. В дневнике Михаила Калашникова идет запись:

«Пройдут годы, и об этой войне будут слагать легенды. Их уже сейчас создают люди. Я снимаю теперь будни фронта. Хочу оставить память об этой суровой войне в моих снимках».

«Будни фронта» — эта тема наиболее выразительно прозвучала в военных фотографиях Михаила Калашникова. На первый взгляд, простой снимок: «Прием в члены партии перед боем в энском соединении Юго-Западного фронта». Нехитрая композиция вначале кажется даже не совсем удачной. Но снимок привлекает внимание. Суровость и собранность бойцов, мужество и чистоту их помыслов сумел увидеть и донести до читателей Калашников.

Другой снимок, опубликованный в «Правде» 28 июля 1941 года. Под ним подпись: «Фашистский танк, подбитый нашими бронейщиками». На переднем плане — вытянувшаяся гусеница танка и дальше — застывшая машина врага. Это одна из первых фотографий в годы войны, где вражеский танк, о котором рассказывались небылицы, показан «простым смертным», поверженным. Лишь недавно стало известно, как Калашников сделал этот снимок.

* * *

Палец комдива скользит по двухверстке.

— Высота 192. Здесь, пожалуй, вы найдете интересный материал. Оборонять высоту будет рота капитана Быстрова. В роте отличные, опытные бойцы. С самой границы воюют. Там у них есть один автоматчик... Впрочем, отправляйтесь на место, сами разберетесь.

Так Михаил Калашников попал на высоту 192, недалеко от Харькова. Он сфотографировал бойцов, занимавших оборону, и остался еще на день, так как хотел заснять эпизоды боя.

Противник пошел в атаку. Были убиты командир роты и политрук. Когда фашисты принялись снова атаковать высоту, капитан Калашников принял командование на себя.

Неширокая, отрытая в рост щель мала Калашникову: ему приходится стоять полусогнув ноги. Перед самым бруствером, чуть прибитый комьями выброшенной из окопа земли торчит кустик седого ковыля. Рядом, в таком же окопе, расположился бронейщик. Вчера, когда Калашников фотографировал его, спросил, откуда родом солдат. Бронейщик солидно ответил:

— Клищинские мы, может, бывали?..

Фашисты опять идут в атаку. На этот раз они бросили на высоту большие силы. Веером ползут пятнадцать вражеских танков. За ними, не отставая, бегут автоматчики — человечки в мундирах цвета болотной тины. Калашников никогда еще не видел вооруженного врага так близко.

Почему-то стали потными ладони. Захотелось спрятаться в окопе. Но он взял себя в руки.

— Огонь! — кричит Калашников. Безмолвный склон высоты оживает. Рядом гулко хлопнуло противотанковое ружье. Дернулся и застыл на месте немецкий танк. На подступах к высоте сосредоточила огонь наша артиллерия. Какая-то внутренняя сила вынесла Калашникова из окопа.

— В атаку!..

Он бежит вниз по склону, скорее чувствует, чем видит, как поднялась за ним вся рота.

Очередная атака гитлеровцев на высоту отбита. В минуту затишья Калашников фотографирует подбитый танк.

А через три недели в списке награжденных орденами бойцов и командиров военный фотокорреспондент «Правды» прочел и свое имя. Его отвaga в бою на высоте 192 была отмечена орденом Красной Звезды.

За два месяца пребывания на фронте Калашников опубликовал более шестидесяти фотоснимков из серии «Будни фронта». Особенно запомнился читателям снимок «Колонна пленных немцев», напечатанный в «Правде» 5 сентября 1941 года. На одной из прифронтовых

дорог фотокорреспондент увидел необычное в обычном.

Обычный русский пейзаж. По полевой тропинке, мимо колхозниц, которые жнут хлеба, проходит колонна пленных немцев. Сопоставление явления войны (пленные солдаты) с картиной мирной жизни (жницы) и противоборство этих явлений поражает зрителя.

* * *

В ноябре сорок первого года Калашников побывал в дивизии генерала Панфилова. Это были самые напряженные дни обороны Москвы. Подтягивались к столице наши войска. Красная Армия готовилась к своему первому наступательному удару по гитлеровцам. В штабе дивизии разрабатывались планы предстоящего наступления. Работал тогда Панфилов очень много, день его был загружен до предела. И все же он согласился принять фотокорреспондента и внимательно выслушал его. Калашников просил «добро» на посещение передовой.

— Нет, и не просите. Тут, в штабе, снимайте, сколько душе угодно. Надо — людей из частей вызовем, а на передовую не пущу, — сказал генерал.

Калашников попросил Панфилова выйти из штабной избы и сфотографировал его вместе с комиссаром. Сразу же после съемки генерал ушел в избу. Неожиданно на пороге снова появился фотокорреспондент. Панфилов поднял голову.

— Ну что еще, капитан?

— Надо мне на передовую, товарищ генерал.

— Нет. И не просите!

— Товарищ генерал!..

Долго стоял навтыяжку перед Панфиловым журналист. Он просил, убеждал, умолял:

— Товарищ генерал, прошу как солдат: разрешите!

— Нет!

— Товарищ генерал! «Правда» ждет боевой снимок. Через семь часов он должен быть там.

— Ладно. Как солдату я вам не разрешаю идти в окопы, а как корреспонденту нашей «Правды» — отказать не могу. Идите. Только не рисковать. А то я вас знаю... Сначала один снимок, потом второй, а там, глядишь, и погиб. Приказываю вернуться живым. Да оставьте свои аппараты в штабе. Хватит вам одного.

— Нет, товарищ генерал. Солдату не положено без винтовки. А мое оружие — аппараты.

* * *

Длинная траншея протянулась от лесочка к шоссе. Здесь заняла оборону одна из стрелковых рот панфиловской дивизии. Бойцы оседлали шоссе на Москву.

Калашникова сопровождал адъютант генерала. Первая атака фашистских танков. Сделан снимок горящих танков, заснят бронебойщик.

Стало слишком жарко. Командир приказывает Калашникову и адъютанту уходить. Огонь очень плотный. Они ползут, не поднимая головы. Пуля разнесла телеобъектив. Охнув, привалился к земле лейтенант, Калашников потащил его на себе.

Сдав раненого санитарам, он отправился в штаб. Там ему сказали, что от осколка мины погиб генерал Панфилов. Своей жене Калашников писал:

«Я плакал тогда вздохом. Тяжело, Маша, видеть, как гибнут люди, но еще обиднее, когда от ничтожного кусочка металла умирает умный, талантливый, интересный человек».

* * *

В декабре сорок первого года советские войска нанесли фашистам сокрушительный удар под Москвой. Под натиском Красной Армии вражеские дивизии стремительно откатывались на запад. С передовыми частями наших войск продвигался Михаил Калашников. Калуга была первым крупным освобожденным городом, где ему довелось побывать. Прямо с танка, на котором он вместе с десантниками въехал в город, журналист снимал брошенные врагом тяжелые орудия, из которых немцы предполагали обстреливать Москву, застрявшие в снегу бронемашин, подбитые немецкие танки.

На главной площади Калуги Калашников своими глазами увидел, на что способны фашисты.

Перед тем как покинуть город, гитлеровцы согнали сюда всех жителей ближайших кварталов и учинили кровавую расправу. Еще раньше на этой площади были расстреляны пленные красноармейцы. Фашисты собирались уничто-

жить следы своих злодеяний, но наши автоматчики помешали им. На площади остались трупы замученных и расстрелянных мирных жителей — стариков, женщин, детей... В отдалении — обугленные тела пленных красноармейцев, на снегу — пятна крови.

Стиснув зубы, снимал Калашников следы «нового порядка».

* * *

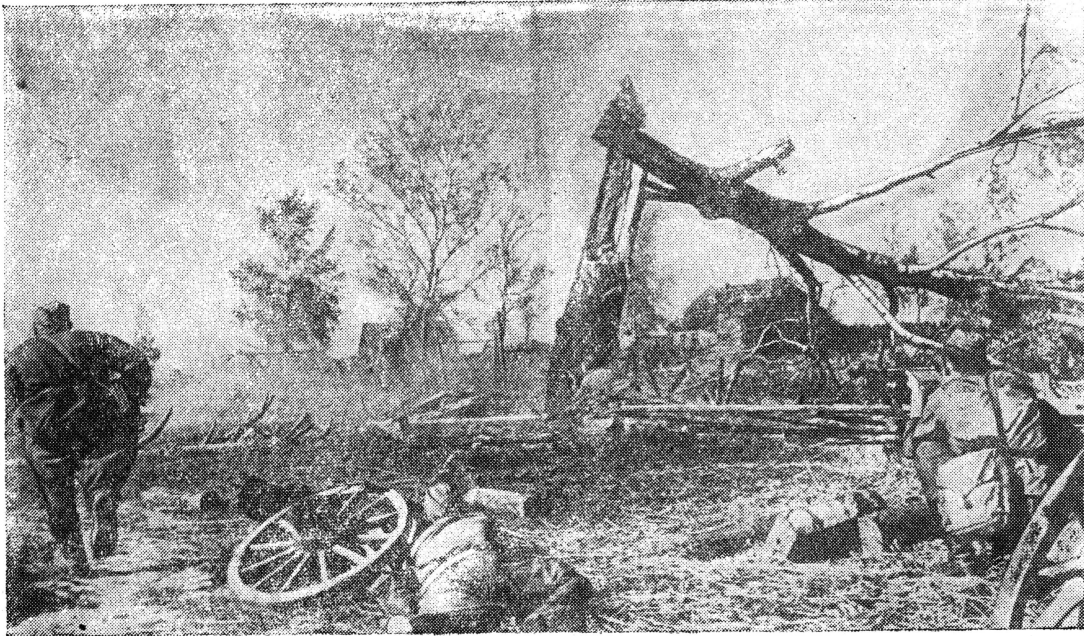
В январе сорок второго года наши войска завершили разгром гитлеровцев под Москвой. На фронте наступило временное затишье. В эти дни Михаил Калашников с одним из партизанских отрядов совершил свой первый рейд по тылам врага.

Конец февраля. По утрам еще стоит крепкий мороз. Но по-весеннему яркое солнце уже основательно греет днем. Снег подтаивает, а потом застывает на морозе упругим твердым настом. Идти по нему легко.

Согнувшись под тяжестью оружия, вещевых мешков, уходят на задание партизаны. Им предстоит пройти пятьдесят километров. Они должны взорвать одну из железнодорожных магистралей. Вместе с партизанами идет Михаил Калашников.

Это был дальний и опасный поход. Лишь через неделю вернулась на основную базу группа подрывников. На следующий день Калашников улетел в Москву. В его полевой сумке лежали кассеты с отснятыми пленками.

Партизанские снимки фотокорреспондента были напечатаны в «Правде» 16 марта 1942 года. Газета поместила три лучших из тридцати пяти. Еще пять фотографий автор отобрал для альбома «Фронтовые будни», над которым начал работу уже в те дни. Судьба остальных снимков, сделанных Калашниковым в этом походе, неизвестна.

Бой за населенный пункт. Фото Михаила Калашникова, Белоруссия, осень 1943 года.

Партизанские фотографии — яркая страница в творчестве Калашникова. Он показал на снимках нелегкую, полную лишений и опасности жизнь народных мстителей, взглянув на нее глазами лирика и романтика.

Теплотой и глубокой человечностью овеяны эти правдивые снимки. При встрече Сергей Коршунов сказал Калашникову.

— Миша, а ведь ты снимаешь по-новому. Не родился ли ты второй раз, дружище?

* * *

На второй год войны Калашникову разрешили участвовать в полете на Данциг. Командир экипажа внимательно оглядел могучую фигуру корреспондента, задержал взгляд на двух орденах, прикрепленных к гимнастерке, и сказал:

— Ладно, возьму в стрелки. Только фотографией чересчур не увлекаться, а хорошенько смотреть за воздухом, товарищ майор.

Полет прошел отлично. Самолеты, отбомбившись, возвращались на аэродром. До линии фронта оставались считанные километры. И вдруг откуда-то из-за облаков выскочил фашистский истребитель.

Бросив машину вниз, пилот бомбардировщика ушел от трассирующих снарядов противника. Журналист приник к пулемету. На секунду в прицеле мелькнула плоскость крыла фашистского самолета. Калашников нажал гашетку. Забился, задрожал в руках тяжелый пулемет. И вдруг в наушниках раздался голос летчика:

— Молодец! С первым тебя, корреспондент! Посмотри вниз...

Чуть-чуть снижаясь, наш бомбардировщик делал круг победителя, провожая сбитый, стремительно падающий самолет.

Калашников отчетливо видел, как врзался в землю истребитель, как взвилось над ним облако огня и дыма.

18 апреля в «Правде» появились снимки, сделанные Калашниковым на аэродроме и в полете. В самом начале, из кабины самолета, он успел заснять бомбардировщики на старте. Затем с высоты двух тысяч метров сфотографировал горящий Данциг.

В тот день, когда фотографии появились в печати, Калашников вместе с Петром Лидовым находился недалеко от Москвы, в отдельном чехословацком батальоне. Незадолго до этого Советское правительство наградило командира батальона полковника Свободу орденом Ленина.

Это была одна из последних поездок фотокорреспондента на фронт в сорок третьем году. Ожидалось открытие союзниками Второ-

Встреча на фронтовой дороге. Первый слева Михаил Калашников, первый справа Петр Лидов, август 1942 года.

го фронта. Калашников собирался на запад. Пришлось срочно засесть за изучение иностранного языка.

* * *

Только через год Калашников снова попал на фронт. В апреле сорок четвертого года он вылетел в Крым. Наши войска с боями продвигались к Севастополю. Фотокорреспондент прибыл в штаб дивизии 18 апреля, накануне штурма Сапун-горы. Журналист решил вместе с бойцами участвовать в штурме Сапун-горы. Иначе, какие же у него будут снимки? Репортаж только тогда хорош, когда его ведут из атакующей цепи.

В 6.00 взлетела красная ракета. Бойцы пошли в атаку на опорный пункт врага. Калашников продвигается вперед с одним из стрелковых отделений.

Цепь залегла. Перебежка. Еще одна. Фашисты усилили огонь. Нельзя поднять головы. Только бы доползти до сбитого снарядом дерева. За ним можно укрыться и сделать фотографию боя.

Калашников готовится к съемке. Наведен аппарат. Сквозь призму наводки отлично видна картина боя. Журналист нажимает спусковой крючок. Щелкнул затвор. Сейчас еще один снимок...

Что-то вспыхивает перед глазами. Тяжелый удар обрушивается на Калашникова...

В маленьком домике, в бреду, без сознания лежит Михаил Калашников. У него две раны в легком, перебит позвоночник. На минуту раненый очнулся, просит пить. Потом, опять забывшись, что-то торопливо говорит о непроявленных снимках.

Под фотографиями, опубликованными в «Правде» 21 апреля 1944 года, подпись Михаила Михайловича Калашникова была обведена траурной рамкой.

В одном цехе

Просто теряешься в этом огромном цехе среди огромных деталей. И там и здесь на железобетонных плитах змеями вьются электрокабели, ослепительно вспыхивает пламя сварки, веселыми бенгальскими огоньками рассыпаются искры под пневмомашинками, зачищающими швы, отверстия. По центру пролета проплывают на тросе трубы, заготовки. В застекленной будке мостового крана виднеется лицо крановщицы.

На стене броско:

*В 1963 году выпущено 287 вакуум-фильтров.
План 1964 года — 390 вакуум-фильтров.*

И рядом возвышается громада фильтра Б-50 (площадь фильтрации 50 квадратных метров) для Горьковского нефтеперерабатывающего завода.

Фильтры!

С ними хозяйки постоянно сталкиваются в быту. Нужно процедить молоко — берется воронка с кусочком марли: фильтр! Понадобился творог — ставится простокваша в печь, потом откидывается на решето. Творог остается на сетке, чистая сыворотка стекает в кастрюлю. Это тоже своеобразная фильтрация.

Но фильтр Б-50 — огромный барабан с отверстиями на внешней стороне.

В эти отверстия нефть после перегонки засасывается и фильтруется через сетку, которая находится внутри. Из фильтра по специальной трубе выходит очищенный бензин — парафин остается на сетке.

Барабан фильтра — это только деталь. А когда всю установку будут отправлять на предприятие, то потребуются четыре железнодорожных вагона.

Цех вакуум-фильтров Уралхиммашзавода выполняет индивидуальные заказы на фильтры различного назначения. На участке сборки только бригада Михаила Яковлевича Нехорошкова в первом квартале года даст план — фильтры и вакуум-фильтры для химкомбинатов страны.

Котельный участок цеха подает узлы аппаратов на сборку. А раз больше план, значит, и больше сварочных работ.

— Трудно было бы нам справиться с новым заданием, — говорит мастер участка Владимир Иванович Смирнов, — если бы работали по-старому. Но мы внедряем автоматическую и полуавтоматическую сварку на углекислом газе, сами сделали подъемник, изготовили стенд для сварки вакуум-фильтров с площадью фильтрации 50 квадратных метров. Каждый рабочий цеха знает, что и для какого предприятия изготовляется. Иначе нельзя. Так и трудиться интересней, и повышается ответственность.

Э. ЕРМАКОВА

Уралхиммашевский час

Час — единица времени. Это известно всем. А что такое «уралхиммашевский час»? Тоже мера, но не времени, а труда. Придумали ее заводские новаторы Николай Первушин, Виктор Хропатый, Маргарита Лощинина.

Дело было так. Пришли все трое к секретарю партийного бюро Геннадия Яковлевича Петунину и сказали:

— Решили выполнять дневное задание за шесть часов — один час отдаем на сверхплановую продукцию. Пусть называется он «уралхиммашевским часом». Открываем лицевой счет. Посмотрим, что в конце года получится.

В соревнование за «уралхиммашевский час» включились многие рабочие. Девизом их стало: «За день сэкономим

ВНУКИ ИЛЬИЧА

*Летит ветерок весенний,
Пламя знамен полощет.
Ленин,
Великий Ленин
Вышел сейчас на площадь!*

*Радуюсь вместе с нами,
Смотрит Ильич с портрета
Взволнованными глазами,
Прищуренными от света.*

*Как мудры они и юны,
Солнечны и лучисты!
Машут ему с трибуны
Старые коммунисты.*

*Те, что в кружках читали
Ленинские листовки,*

*Стальной стеной вставали
На стачки и забастовки.*

*...Мы галстуки надевали
Из жаркого кумача.
С детства нас называли
Внучатами Ильича.*

*Счастье, как эстафета,
Нам вручено отцами.
Знамя Страны Советов
Гордо шумит над нами.*

*Солнце на флагах пламенных,
В ясном сиянье глаз.
Ленин — на нашем знамени,
Ленин — в сердцах у нас!*

Н. НОВОСЕЛОВ

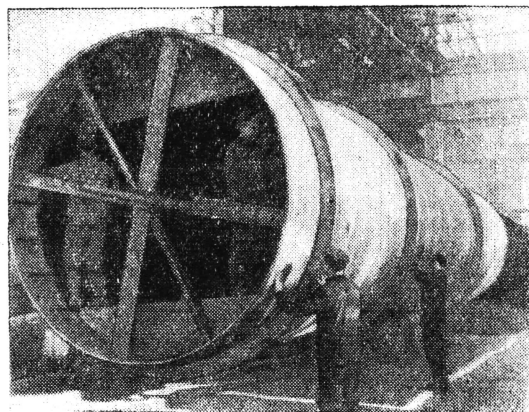
час, за неделю — семь, за год — два месяца!».

Шестнадцать машин и аппаратов для химических предприятий собрали слесари-сборщики бригады коммунистического труда Павла Александровича Болкова. Кажется, обыкновенная цифра. Но десять лет назад такое количество оборудования выпускал целый цех — несколько сот рабочих.

За счет «уралхиммашевского часа» бригада изготовила для Березниковского содового завода сложную большую машину — ячеиковый выгрузатель, хотя по нормативам ее должны были собирать восемь человек в течение месяца.

Бригадир слесарей-монтажников Василия Ивановича Медведева называют на заводе следопытом. Казалось бы, проще всего вести сборку машин и аппаратов по раз и навсегда установленной технологии. Но Василия Ивановича это не устраивает. Каждый раз он думает: а как быстрее? Бригада собирает узлы раздельно, а потом соединяет их сразу вместе. За счет этого она изготовила сверх плана скруббер.

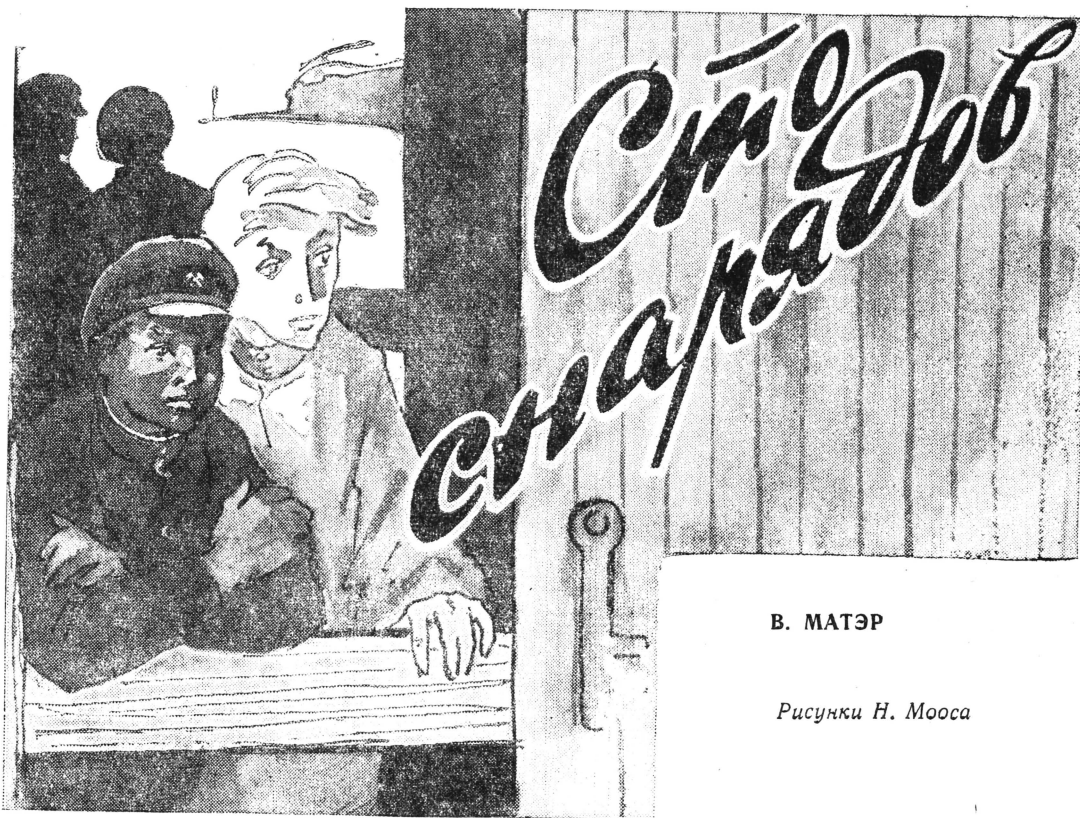
Уралхиммаш выпускает оборудование для самых разнообразных химических процессов. В некоторых аппаратах развивается давление до 2000 атмосфер, в других, наоборот, создается «космиче-

ское» разрежение. Одни аппараты работают при температуре плюс 1000 градусов, а другие создают холод до минус 196. Сделать их быстро, надежно — главная задача машиностроителей.

У многих уралхиммашевцев в лицевых счетах сейчас записаны сотни часов сэкономленного времени, а это означает, что новостройки Большой химии получили оборудование досрочно и быстрее выдадут стране продукцию. Вот это и есть «уралхиммашевский час», по которому ведут отсчет времени новаторы.

А. МАГНИЦКИЙ

В. МАТЭР

Рисунки Н. Мооса

Военный журналист Владимир Матэр написал повесть о юношах, самостоятельная жизнь которых начиналась в суровые годы Великой Отечественной войны.

Книга во многом документальна — автор сам прошел тот же путь, что и его герои. Нашим молодым читателям стоит напомнить, как закалялись характеры их старших братьев и отцов, как любовь к родной земле и священная ненависть к фашизму вели на трудовые и ратные подвиги тогдашних ребят.

Мы публикуем отрывок из этой повести.

Затянулась наша поездка. Никто уже не вступает в спор за лучшие места на скамье перед дверью вагона, хотя и стоят теплые осенние дни.

Когда же Зауральск — цель нашего путешествия? Можно ли вообще добраться до него? Этот город кажется сказочным. В учебнике географии, который как-то оказался среди книжек, захваченных в дорогу Сережкой Новиковым, Зауральск именуется крупным промышленным центром. На рисунке — огромные корпуса заводов. Трубы уходят к облакам.

Заманчиво поработать на одном из таких гигантов. Ведем на эту тему бесконечные разговоры. До сих пор наше знакомство с производством не выходило за пределы училищных мастерских, которые были укомплектованы стареньким оборудованием. Нам хотелось встать за настоящие станки.

Но Зауральск, казалось, не приближался, а уходил все дальше от нас.

Как-то под вечер эшелон остановился на

глухом лесном разъезде. В дверях вагона показалась всклокоченная и белобрысая голова Мишки Козла. Хмуро оглядев всех, он полез на нары.

Мишка ни с кем из нас не разговаривает. Целыми днями он пропадает у новых друзей из кузнечной группы. А дует из-за того, что не даем ему курить и тащить на нары грязь.

Однажды Козел появился в вагоне в ботинках, на которых налипло глины и гнилой травы больше пуда.

Пашка Ромашкин — его все у нас зовут Пиером, потому что его инициалы совпадают с формулой площади круга, а еще потому, что он и сам, как круг — толстый, краснощекий, — вдруг возмутился:

— Куда ты лезешь с грязными копытами!

Мишка уставился на Пиера круглыми глазами. Он не ожидал от маленького Пашки дерзости. Сунув чуть не в самый Пашкин нос кулак, Мишка рыкнул:

— Но-о-о!

— Не лезь к Пашке,— сказал я.
— А ты чего? Это тебе не дома. Там ты был старостой, а здесь...
— Вытри ноги, Козел,— сонно пробурчал Романыч, самый старший в нашей группе токарей, самый большой, самый сильный и самый ленивый.

Мишка нехотя слез с нар. Но с тех пор перестал разговаривать с ребятами и враждебно поглядывал на всех из-под рыжих бровей.

Он как-то сразу после отъезда из дому изменился. Курить начал, задирается.

Сейчас Мишка сидел, насупившись, в своем углу на верхних нарах. Громко вздыхал и зачем-то взбивал подушку, явно пытаясь обратить на себя внимание. Однако никто не сказал ему ни слова, и Мишка не выдержал, пробурчал:

— Василий Кузьмич сказал, что к ночи, может, прибудем в Зауральск.

Зауральск! Мы много о нем думали.

Мишка ожидал, наверное, возгласов, но их не последовало, и он, не вымолвив ни слова, прямо на ходу вылез через окно на крышу вагона. Эти фокусы Мишка проделывал и раньше.

Тотчас же раздался его стук в крышу.

— Эй,— закричал Мишка.— Зауральск на горизонте!

В прозрачной синеве густеющих сумерек мы увидели огни города. Рядом с мерцающими звездами ярко светились красные точки лампочек на высоких заводских трубах. Нас поразило, что здесь не было светомаскировки. До сих пор мы проезжали через города, которые ночью погружались в крошечный мрак.

* * *

Дня через два после прибытия в Зауральск к нам в общежитие зашел Василий Кузьмич. Окинув взглядом помещение, спросил:

— Как дела, токари?

И мы рассказали ему о «всемирном потопе», который случился минувшей ночью. Лопнула водопроводная труба, и наш подвал стало заливать. Спросонья никто ничего не мог понять. Первая струя ударила Пашке в лицо. Он с перепугу взлетел на подоконник и закричал: «Братцы, тонем!»

— Заказаны двухъярусные нары,— отшутился мастер.— Следующие потопа будут не страшны.

— Нам бы еще лампочку поярче,— пробасил Романыч.— Солнцу до нас не добраться.

Общежитие, конечно, нельзя было сравнить с тем, в котором мы жили раньше. Но ведь все понимали: война...

Василий Кузьмич присел на чей-то деревянный чемодан.

— Знаете, где будем работать?— спросил он и нарочно сделал паузу, разжигая наше любопытство.— На инструментальном заводе вместе с земляками. Завод эвакуирован из-под Ленинграда. Работа предстоит тонкая и ответственная. Оборонная промышленность нуждается в точном инструменте.

Сергея толкнул меня локтем.

— Инструментальный...— с презрением прощелтал он.— Не настоящий. Ответственная работа там, где делают танки и пушки...

* * *

Наш завод и в самом деле трудно было назвать настоящим. Два четырехэтажных здания, которые он занимал, смотрели своими окнами на одну из главных улиц города и подходили на обыкновенные дома, если не жилые, то, во всяком случае, такие, в которых обычно размещаются конторы, тресты и прочие управления. Мы пришли в цех, когда большинство станков было уже установлено и готовилась к пуску вторая трансмиссия. Нас встретил бригадир— огромный, сутулый и, как показалось, злой. Через всю его правую щеку проходил красно-белый шрам. А глаз закрывала черная повязка.

Я выстроил ребят в две шеренги. Бригадир, окинув нас взглядом, сказал:

— Станки, как видите, в большинстве не новые. Собрали в цех все, что осталось от двух бомбежек. Меня зовут Алексеем. Вопросы есть?

Встреча показалась нам не слишком приветливой. Я ответил за всех:

— Нет вопросов.

Но тут Анька Савицкая подняла руку.

— Ну, что у тебя?— спросил бригадир.

— Скажите: вас ранили на фронте, да?

Бригадирские брови полезли одна на другую, а лоб разрезали две продольные складки. Он уставился на Аньку. Мы замерли. Но бригадир вдруг рассмеялся. Мы тоже.

— Ранили,— добродушно сказал он.— Если бы не ранение, не стал бы возиться с вами.

— Возиться...— недовольно прощелтал стоявший рядом со мной Мишка.— А шрам у него знатный!

— Станки у нас старые,— повторил бригадир,— но работа тонкая. Это намотайте на ус сразу. У кого, конечно, есть этот самый ус!

Василий Кузьмич, который теперь еще исполнял и обязанности мастера нашей группы, разбил нас на пары. За каждой парой был закреплен станок. Моим сменщиком оказался Пашка Ромашкин.

Бригадир сказал, что нам двоим предстоит точить резьбофрезы. Что это такое, мы представляли смутно.

* * *

Те, что работали в дневную смену, поднимались в половине седьмого утра. Будила комендантша общежития— Тоня. Она прихотила еще затемно и железным прутом колотила в медную гильзу. Мы вскакивали, таращили друг на друга глаза, плохо соображая, что происходит, и торопливо умывались, боясь опоздать на завтрак.

На завтрак выдавали триста граммов тяжелого, с изрядной сырнкой хлеба и пол-оловянной миски похлебки-затирухи, пригодной больше для расклейки афиш, чем для пищи.

Густая затируха приводила нас в восторг. Жидкая повергала в уныние. Но и в том и в другом случаях она казалась вкусной.

В восемь начиналась дневная смена. Она продолжалась двенадцать часов.

...Я пришел в цех без десяти восемь. Трансмиссии уже не крутились. Стояла непривычная тишина. Пиер убирал станок, готовя его к сдаче. Еще издали я увидел, что Пашка чем-то озабочен. Масленка в его руке нервно вздрагивала.

— Здорово, Пиер.

Пашка скривил нос и чихнул.

— Две порции тебе добавочной затирухи! — пожелал я ему вместо положенного «будь здоров».

— А тебе осколок сверла.

Пиер вытащил из тумбочки коротенькое спиральное сверло из быстрорежущей стали, положил его на станину.

— Сломал...

Я не на шутку испугался. Что теперь будет? Чем сверлить? Ну, еще смену, допустим, проработаю, а потом?.. Как нас предупреждал бригадир? «Последнее, — говорил он. — Когда получим — еще неизвестно. Берегите. На углеродистых далеко не уедете».

— Как же это ты?

— А так...

Пашка швырнул ветошь в ящик и торопливо заговорил:

— Валька, понимаешь! Если торец фрезы не подрезать... а сразу сверлить. Сделать упор для сверла из толстой пластины. Понимаешь?.. Сколько времени сэкономим!

— Пробовал?

— Пробовал, — вяло ответил Пашка. — Бригадир кричал. Думал, он мне голову отвернет.

В самом деле, положение создавалось не веселое. Сверлить быстрорежущую сталь, из которой мы с Пашкой делали резьбофрезы, углеродистыми сверлами — они имелись в инструментальной, — конечно, можно, но уж слишком медленно протекала операция. Да, кроме того, эти сверла приходилось очень часто затачивать.

— Ты как считаешь? — спросил Пиер.

— Не знаю, Пашка, — откровенно сознался я. — По-моему, дело не пойдет.

— Пойдет. Точно говорю.

— Сколько сделал сегодня?

— Четырнадцать.

— Четырнадцать?!

Ого! Над этим следовало задуматься. Сменная норма у нас — двенадцать штук.

Подошел бригадир. Хмуро посмотрел на нас. Недовольно посоветовал мне:

— Маслов, получи на всякий случай в инструментальной углеродистое сверло. Этого огрызка едва на полсмены хватит. Интересно, — повернулся он к Пашке, — что ты завтра запоешь? Я тебе поставлю памятник, если сделаешь восемь штук. Изобретатель...

Захар Семенович, старик-токарь и наш с Пашкой сосед по рабочему месту, подмигнул, кивая в сторону Алексея:

— Шибко сердит бригадир...

Пашка смущенно провел указательным пальцем под носом. Бригадир хмуро глянул на Пиера. Махнул кому-то рукой. Крикнул: — Юля, прими-ка здесь работу.

Почему Юля? Нашим контролером ОТК всегда была тихая и покладистая старушка Серафима Васильевна. Мы с Пиером одновременно повернули головы в ту сторону, куда смотрел бригадир. Пашка наступил мне на ногу и притиснул каблук.

— Расфуфыра. Губы накрашены, — пробормотал он едва слышно.

Откуда она взялась, эта Юля? До сих пор мы в цехе ее не видели. На ней была черная короткая, до колен, юбка, вязаный жакет с

пышными рукавами и туфли на полувысоком каблуке.

— Смотри, вырядилась, — сказал Пашка.

А Юля тем временем подошла к станку, поздоровалась с нами, извлекла из кармана жакета калибр и контрольную скобу. И тут мы с Пашкой чуть не ахнули. Нас поразил маникюр. Мы впервые в своей жизни видели крашенные ногти.

Наверно, наши лица выражали смятение, потому что Юля глянула на меня и Пашку и улыбнулась.

— Все в норме, Алексей, — сказала она и, вскинув голову, отошла от станка.

— Настоящая, ленинградская, — сказал Пиер, не то смеясь, не то серьезно.

— Н-да... — неопределенно протянул Се-режка, подошедший к нам.

Началась моя смена. Я насадил заготовку фрезы на оправку. Вставил ее и включил станок. Густая, синеватая, с соломенным отливом стружка, извиваясь, потекла из-под резца.

Мне всегда нравилось наблюдать, как совершалось волшебство превращения бесформенного куска металла в красивую, изящную деталь.

К быстро вращающейся заготовке медленно и неотразимо подбирается резец. Вот он едва касается ее и в следующее мгновение уже рассекает металл мягко, легко. За резцом все шире бело-матовая, с блестящим отливом поверхность.

Захар Семенович за соседним станком закашлялся. Закурил. Потом сказал, не оборачиваясь ко мне:

— А ты, Валуха, подумай насчет Пашкиного предложения. Конечно, скажем, не ахти какое, а время, может, немного и сэкономите.

— Попробовать можно, Захар Семенович, да сверло у нас осталось... с гулькин нос.

* * *

Дневная смена начиналась затемно. Затемно и кончалась. «Выключай!..» — гремел бас бригадира.

Сегодня Алексей подал команду минут на пять раньше обычного. Потом подошел к рубильнику электромотора, от которого шел привод на трансмиссию, и выключил его. Тишина, наступавшая внезапно, оглушала и убаюкивала. Как-то сразу сказывалась усталость, и появлялось желание спать.

— Сводка Совинформбюро есть, — сказал бригадир.

Быстро вычистив станки, мы сгрудились возле Алексея.

— «В течение четвертого ноября, — медленно читал бригадир, — наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Особенно ожесточенные бои происходили на Крымском и Калининском участках фронта. За 2 ноября уничтожено 13 немецких самолетов. Наши потери — 3 самолета. За третье ноября над Москвой сбито 2 немецких самолета...»

Скупые слова сводки слушали молча. Я вдруг представил себе фронт. Заснеженные поля. Черные зигзаги окопов. Клубы дыма. Всплески разрывов. Непрестанная пулеметная стрельба.

* * *

В окна судорожно билась сыпучий снег. Метель ломилась в двери общежития и, разъ-

яренная, врывается седой клубящейся волной вслед за входящими. Пиер, свернувшись калачом, спал на верхних нарах. Серега писал письмо. Романыч, посапывая, чинил прохудившиеся брюки. Кто-то в дальнем углу тихонько тренькал на мандолине.

Сегодня в общежитии людно, потому что в цехе пересменка. Так бывает два раза в месяц. В такие дни мы успеваем как следует выспаться.

Серега запечатал конверт, спрятал его под подушку и подсел ко мне.

— Знаешь?

Я кивнул головой.

— Сама виновата,— сказал Сережка.

Мне казалось, что он был не совсем прав, и потому я ничего не ответил.

— Молчишь?

— Обзывать и дурак умеет.

— Так ведь лезла, как муха на мед. Я ей добром говорил,— повысил голос Сережка.

— На мед, да?..

— Ну ладно...— примирительно ответил Серега.— На навозную кучу. Но извиняться перед ней все-таки не буду!

Мы разговаривали о ссоре, которая произошла днем в цехе между ним и Аней Савицкой. Они поспорили из-за какого-то пустяка. Сережка обозвал ее набитой дурой. Василий Кузьмич, оказавшийся рядом, увел Серегу с собой в бригадирскую. Оттуда он вышел весь красный.

* * *

Я подвел резец к торцу вращающейся детали и включил самоход. В это время за спиной послышалось чье-то пыхтенье. Я обернулся. Пиер улыбался во весь рот. Голова всклокочена, а сам он сиял, как луна в темную ночь.

— Нагни голову, длинный, сообщу тебе сногшибательную новость.

Я посмотрел на него сверху вниз. Толстенный, круглощекий коротышка.

— Чего смотришь?— зарычал Пиер.— Можешь даже меня обнять. Разрешаю.

Я слегка стукнул его по загривку.

— Тебе спать пора. Завтра будешь клевать носом за станком.

— Ты лучше присядь, шепну тебе что-то на ухо.

— Отстань. Можно подумать, что ты или именинник, или нашел хлебную карточку.

Пашка вытащил из кармана засаленных брюк прямоугольную металлическую пластинку—заготовку. Из таких пластинок в соседнем цехе делали плашки для нарезания резьбы.

— Видал?— ехидно спросил он.

— Ну...

— Какой марки металл?

— Быстрорез.

— Ты помнишь, Валька, мы проходили в училище сверло-перку?

— Ну...

— Что ты нукаешь, как дикарь. Перки мы будем делать из этих пластинок. Сто штук в смену своими силами. Мы снабдим быстрорезущими сверлами себя, весь цех, весь завод и Советский Союз. Ты как хочешь, а я выношу себе благодарность от имени дирекции, завкома и шеф-повара нашей столовой.

К нам подошел Сережка.

— Серега!— сказал я.— Какой вывод можно сделать, внимательно приглядевшись к этому человеку?

Сережка усмехнулся.

— Ясно. И на жидкой затирке можно отрастить круглые щеки.

— Нет. Не то. За неказистой внешностью, Сережка, всегда скрывается истинный талант. Посмотри на этого коротышку. Недаром говорят: «Мал золотник, да дорог».

— Кха, кха,— откашлялся Пашка и выразительно посмотрел на меня.

— Можешь глазеть. Бить тебя сегодня не буду. Ты заслуживаешь поощрения.

Мы с Серегой схватили Пиера в охапку, поставили его на пожарный ящик с песком и прокричали троекратное «ура». Захар Семеныч весело смеялся, теребя усы.

Пашка вдруг ткнул меня кулаком в бок.

— Бригадир!

Тот подошел к нам, как обычно, свирепо глядя единственным глазом.

— Митингуете?

— Точно. Вот у Павла есть дельное предложение.

Бригадир выслушал, не перебивая. Потом посмотрел на каждого из нас и, не сказав ни слова, удалился. Мы переглянулись и пожали плечами.

— Ну ладно,— сказал Пашка.— Суть да дело, а время подошло заняться храповицким.

* * *

Во время обеденного перерыва ко мне подошел бригадир. Молча выложил на станину четыре закаленные и заточенные перки.

— Пробуй,— сказал он.

Мне показалось, что в его нахмуренных бровях и в складке на переносице прячется улыбка.

Когда утром, после завтрака, Пашка прибежал в цех, на моей тумбочке стояли пятнадцать готовеньких резьбофрез.

— Сверлил твоим способом и твоими перками,— сказал я.

Пиер ошалело посмотрел на фрезы и недоверчиво пробормотал:

— Пятнадцать?..

— Пятнадцать. Пятнадцать, Пиер,— повторил я и в это время увидел Юлю. Она подходила к нам. Как всегда, нарядно одетая, красивая, необыкновенная. Совершенно непохожая на других.

Синий рассвет струился в окна. Я глянул на свое отражение в треугольном огрызке зеркала, лежавшем на подоконнике. Бледно-серое лицо. Коричневые круги под глазами...

Странное чувство овладевало мною всякий раз, когда поблизости оказывалась Юля.

Меня словно захлестывал поток воздуха. Холодной струей он проникал в легкие, расpirал грудь. Путал мысли.

Юля подошла и стала совсем рядом.

— Сколько сегодня? — спросила она приветливо.

Я ответил вдруг осипшим голосом. Мне было почему-то стыдно. Стыдно своих длинных рук, промасленных брюк, своего отражения в зеркале.

Пашка болтал с Юлей. Чирикал, как воробей по весне. Болтать он мастер и любитель. Но вообще удивительно, как можно так свободно разговаривать с Юлей. В ответ на какую-то Пашкину шутку она взерошила ему волосы на голове и сказала, обращаясь ко мне:

— Одну фрезу, Валя, ты чуть-чуть не отправил в брак.

Я промолчал. Слегка стучало в висках. Плескались приводные ремни. Бесчисленное множество ремней. В белесой желтизне электрического света металась блики шкивов. Показалось на миг, что не ремни плещутся, а

морская волна. Однажды в своей жизни я видел море. Накануне войны мы с отцом ездили летом в Ленинград. Купались в Финском заливе. Для меня это было море, огромное, бесконечно синее и певучее. Помню, что по вечерам мне было страшно, и в то же время от восторга захватывало дух. В тихом пении волн будто слышался таинственный зов тысячелетий, скрытых в морской пучине. Я вспоминал рассказы учительницы о первородном океане, о возникновении жизни на земле и казался самому себе малюсеньким существом, затерянным в бесконечных водных просторах...

Пашка о чем-то спросил меня. Видения исчезли. Я пробормотал невнятное в ответ и отдал ему измерительный инструмент. Потом спустился на нижний этаж, где у нас размещалась заводская столовая. Проглотил выданный по талончику завтрак, и голодный вышел на улицу.

Рассвет занимался над городом. Снег жестко поскрипывал под ногами. Ветер бросал в лицо искристые колючки. Было страшно холодно. Хлопчатобумажные гимнастерка и брюки, похожие на запачканную пергаментную бумагу, не грели. От холода не спался и короткий бушлат с тонким слоем ваты.

Мимо проехал фургон. От него растекался по городским улицам дурманящий аромат свежеевпеченного хлеба.

В общежитии было тепло. Половина нарпустовала. Ребята из ночной смены укладывались спать. В углу уже раскатисто храпел

Романыч, по-богатырски раскинув руки. На верхних нарах, поджав под себя по-турецки ноги, сидел Мишка Козел и пускал к потолку табачные кольца.

Когда я вошел, он ехидно заулыбался:

— Мое вам, товарищ староста.

Наши пути с Мишкой определенно разошлись. Самостоятельность, которую он вдруг обрел, на него, как видно, действовала неважно.

— Мое вам,— бросил я в ответ.— С кисточкой.

— Вот это здорово. С кисточкой — это неплохо.

— Слушай, Козел, ты не забыл, что мы договаривались курить в коридоре.

— Вы договаривались — вы и курите. А нам с Романычем и здесь неплохо.

— С Романычем... За широкую спину прячься? Слезай!

— Но-но! Легче на поворотах. Опрокинуться можно.

— Слезай, я сказал. Романыч — не указ и не бог.

— Не бог,— Мишка злорадно захихикал.— Не указ и не бог. А вот мы посмотрим, бог или не бог.

Он угрожал. Это было очевидно. Но с нар все-таки слез и вышел в коридор.

Я разделся, забрался на свой второй этаж и сразу же погрузился в темную и сладкую пучину. Разбудил Сережка. Он неистово тряс меня за плечи и кричал в самое ухо:

— Валька, победа! Победа, Валька!

С трудом расцепил веки. Надо мной — сияющая Сережкина морда.

— Очнись скорей. Победа! Под Москвой... Ух и дали!

Я смотрел на Серегино лицо, которое одновременно выражало и радость, и восторг, и испуг, и ничего не мог понять. Почти все ребята были на ногах и вытворяли невообразимое. Романыч трубил какую-то дикую песню и изо всех сил колотил ногами по нарам. Мишка Козел отплясывал незнакомый танец с самыми неожиданными коленцами.

И тут до меня, наконец, дошло то, о чем говорил Сережка. Наши разгромили гитлеровцев под Москвой. Об этом только что сообщило радио.

— Победа, Серега!..

— Победа, Валька!

Хотелось кричать. Я стукнул Сережку по плечу. Он мне ответил затрепичкой по затылку. Мы сцепились в клубок и мутусили друг друга, выражая таким образом радость, до тех пор, пока у нас хватило сил.

* * *

Цех молчал. Недвижные и бессильные, застыли приводные ремни. Необычная тишина в рабочее время действовала угнетающе. Жизнь словно замедляла свой стремительный бег. Течение ее проходило стороной, не касаясь нас.

На подоконнике вяло играли в домино. Сережка, воспользовавшись свободным временем, налаживал свой станок. В сосредоточенной тишине вдруг раздался бас бригадира:

— Все. Баста.— Он швырнул домино.— Черт их знает! Полтора часа нет тока. Чем занимаются на электростанции!

Алексей зашел в бригадирскую и вскоре снова показался, мрачный больше обычного. На доске показателей написал мелом цифру «93» — процент выполнения сменного задания. Ток дали в самом конце смены.

Мы ужинали в тот вечер молча, но ложками работали усердно. Плохое настроение не

могло испортить аппетит. Он был зверским всегда. Пашка Ромашкин уверял, что готов есть даже в тот момент, когда его будет переезжать автомобиль, груженный болванками.

После ужина ватагой вышли через проходную на улицу. Дядя Федор, старик вахтер, выпустил нас, не спросив пропусков. Он всех знал в лицо. Ветер пронизывал насквозь.

Мы, не сговариваясь, ускорили шаг.

Сережка вдруг кашлянул в кулак и остановился. Я посмотрел на него. На Сережкином лице умещались одновременно вопрос и жалкая растерянность. Кончик его длинного носа был пунцовый и отливал синевой. Серега, засунув руки в рукава бушлата и ссутулившись, смотрел на меня.

— Чего?— спросил я.

— Ты понимаешь? Больше ста...

Кто-то из ребят засмеялся.

Я тоже ухмыльнулся. Глядя на съезжившуюся Сережину фигуру, сказал:

— Хватил же ты, брат. Затируха тебя совсем заморозила. Не больше сорока. Если бы не ветер, ничего страшного.

— При чем тут ветер?

— При том, что мороз с ветром переносится тяжелее.

— Турок ты, Валька,— сказал Сережка.— Что, по-твоему, фашистов бьют морозом, что ли? Ну, что ты на меня уставился?

— Кто-то из нас идиот,— ответил я.

— Ты, конечно,— усмехнулся Серега.— Я о семи процентах, которые мы невыполнили, речь веду, а ты о ветре. Семь процентов— это больше ста снарядов, не считая фрез и метчиков. Дошло?

— А-а...

— Бэ-э,— передразнил Сережка.

У нас в цехе не хватало рабочих. И если в дневную смену использовались все станки, то ночью многие из них бездействовали. Я начинал кое о чем догадываться.

Мы стояли тесной кучкой, переминаясь с ноги на ногу. Окна домов желтели в морозной тьме. Мимо торопливо пробегали редкие прохожие. По тому, как они зябко втягивали шеи в поднятые воротники демисезонных пальто и кутались в платки, можно было сразу сказать, что они тоже эвакуированные.

Не сговариваясь, мы повернули обратно. Вахтер дядя Федор глянул на нас через полузамерзшее стекло глазка, вырезанного в дверях проходной, и пропустил в завод.

Мы проработали уже минут сорок, когда послышался вдруг недовольный бас бригадира. Он стоял около Сережки, не видя за толстыми столбами всех нас.

— Что ты тут делаешь?

Серега, сидя на корточках и подбирая оправки для обточки конусов, глянул на бригадира снизу вверх.

— Грибы собираю,— ядовито ответил он.

За Сережкиными плечами стояла вся мощь права и совести. Будь я на его месте, тоже не лучше бы ответил бригадиру. На каком основании он до сих пор считает нас чуть ли не помехой в цехе? Ведь, если по правде говорить, вся цеховая программа в основном лежит на наших плечах.

— Поднимись. Объясни, в чем дело,— сдерживая гнев, сказал бригадир.

Серега стоял перед ним, перетянутый ремнем, как муравей. Тоненький и бледный. Дунь посильнее— и улетит, как былинка.

— Как ты разговариваешь?!

— Долг платежом красен,— ответил Серега.

Назревал скандал. Я резко дернул рычаг, выключил свой станок. Бригадир выгнул из-за опоры. На его лице появилось недоумение. Я объяснил причину нашего пребывания в цехе.

Алексей легонько ткнул Серегу в плечо и встал рядом за свободный станок.

Лед чистит озера

И сетское озеро стало сильно зарастать. Земснаряд не успевал очищать водоем. Энергетики обратились за помощью к специалистам. Одни предлагали спустить воду и выкосить водоросли. Но шутка ли—не останавливая работы электростанции, выкосить 25 квадратных километров!

Попробовали протаскать катерами по дну трос. Ничего не получилось. Тогда придумали хитроумное решение.

Осенью спустили воду до такого уровня, что на поверхности появились вершины во-

дорослей. Морозы сковали озеро льдом, в который вмерзли растения. Весной лед стал трескаться. Тогда энергетики подняли уровень воды. Всплывшие льдины вытянули со дна растения вместе с корнями.

А. МАЛЬЦЕВ

Газ обкатывает двигатели

В поселке Сосьва, Серовского района, Свердловской области, есть незамерзающая речка. Даже в сильные морозы от нее валит пар. Еще в годы Великой Отечественной войны группа геологов обнаружила в этих местах природный газ. По-

строили небольшую электростанцию. Она освещала участки работ, приводила в движение немногочисленные станки, приспособления.

После войны мастерскую подключили к центральной линии электропередачи. Надобность в газе отпала. О скважине стали забывать.

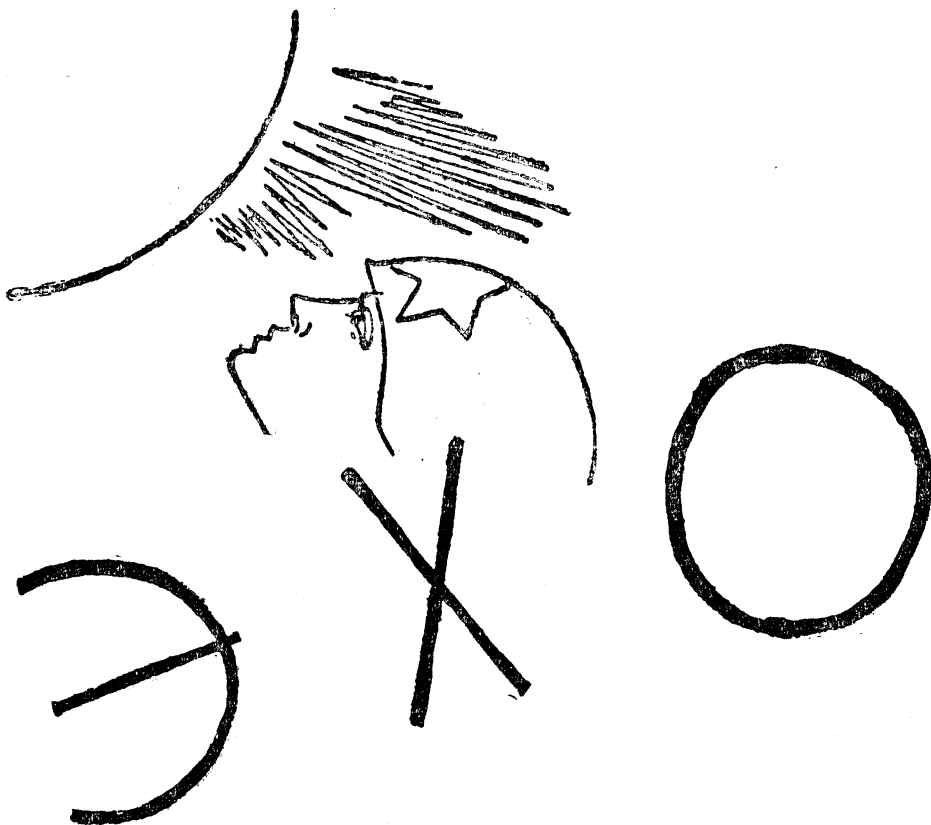
Недавно на собрании партгруппы кто-то сказал:

— На обкатке автомобильных двигателей мы тратим немалое количество бензина. А разве нельзя для этой цели использовать газ?

Конечно, можно! Ремонтники выкопали резервуар, установили сепаратор, сделали газоотвод.

Теперь двигатели обкатываются природным газом бесплатно.

Л. КЕККЕЛЕВ

Поэма

Н. МЕРЕЖНИКОВ

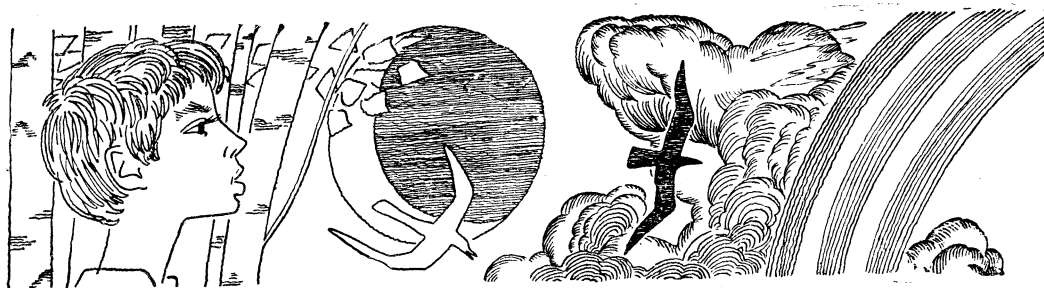
*Залп ударил о залп.
Эхо билось в затишке.*

*...Я однажды, мальчишкой,
Долго эхо искал...
Гомон вытесня птичий,
Птах спугнув на бегу,
Лихо в ельнике кличет
Молодое «ау».
И в зеленое пламя
Я лечу налегке.
Но «ау» меж стволами
Прошмыгнуло к реке.
И не смолкло,
А просто
Далеко убежало
По висячему мосту
Облаков запоздалых,
По уступчатым крышам
Ветроломных лесов...
И не жди — не услышишь
Эхо собственных слов.
Не услышишь,
Но все же*

Рисунки Г. Перебатова

*Будь уверен, что там,
На людском раздорожье,
Снова голос твой ожил,
Вторя вешним громам.
А у них первопуток
В тучепадах, в дыму...
Может, даже кому-то
И поможет «ау».
Только что я, мальчишка,
В те года понимал?..
Залп ударил о залп.
Эхо билось в затишке...
Я упал.
И не встал.*

*И смешная елка в маскхалате
В госпиталь еловой тишины
На смолистых, на упругих лапах
Понесла солдата из войны.
От певучей елочки-колибри
До крутого кедра-мохнача —
Воинство различного калибра*

Понесло солдата на плечах.
Тропками,

проселком,
большаками

Покатилось хвойное кольцо.
Вдруг в зеленой, чуть размытой раме
Вспыхнуло знакомое лицо.
Бешеное пламя круговерти
Загустело, сникло на ходу...

— Встань, солдат!

От неминуемой смерти
Я тебя с собою уведу.
Знак дала моей зеленой свите —
Елки встали, вскинув копьеца.

Где я видел,

Где я все же видел

Смелый очерк этого лица?
Эти брови вольного пареня,
Чуткие, как к ветру паруса,
С милою раскосинкой глаза,
Полные живого нетерпенья?

— Не узнал? А мы с тобой знакомы!

Ты меня придумал! Создал, да!

И к тебе сквозь сотню лет на помощь

Я пришла без зова —

Я — мечта!

Вспомни-ка рабочий свой поселок

И себя, каким хотел ты стать...

Я — живая копия,

Я — сколок

С той мечты,

И ей во всем под стать.

— Вспомнилось?

Вставай — и в путь-дорожку!

— Нет, не дело — оставлять братву...

— Ну, вставай... Еще... еще немножко!..

Ты ж меня увидишь наяву!

И она на бруствере покато

Встала:

— Я жива... Жива, пока ты...

Ты, меня придумавший,

Живой!

Ты ж вот-вот...

И светлая палата
Купол подняла над головой.
Шаг мой нерешителен и робок,
Будто в ноги мне плеснули зной.
Робот!

Самый настоящий робот
Выдвинул щиток передо мной.

Вдруг он смолк в немом недоуменье,
Только что руками не развел.

Знать, нашло на робота затмение?

Знать, чего-то не возьмет он в толк?

Спутница глядит на «Диагноста»

— Ай конфуз!.. Но это очень просто.

Он ничуть, поверь, не виноват.

Я забыла: стреляные раны

У него изъяли из программы

Несколько десятков лет назад.

...Встал я у зеленого экрана

И не смею верить волшебству:

Заживает стреляная рана,

Зарастает рана наяву.

И, не в силах выразить восторга,

Спутнице кричу я:

— Ну, дела!..

Да у нас тебе бы сразу — орден!

На, носи, коль война спасла.

— Орден? Это... Ах, да-да! Награда...

Но обычай давний — отжил он...

Сделал что-то — это ли не радость?

Человек

работой
награжден!

Ты здоров! —

И я ей руку стиснул. —

Этим вся земля награждена!

...Я — здоров.

Вычеркивать из списка

Не спеши, товарищ старшина.

Я здоров...

А сколькоobeliskов

На полях оставила война!

Спутница же, скорбь мою заметя,

Мысли повела иной тропой:

— Наше,

двадцать первое столетье,

Очень хочет встретиться с тобой.

Я в солдатском вагоне
Эту думку качал.
...Век грядущий ладони
К нам с мольбой простирал,
К нам, что сразу из школы
Шли в гремучий тротил,
К нам, кого ни осколок,
Ни огонь не щадил.
И не знавшие, твердо ль
На земле мы стоим,—
Знали твердо и гордо:
Мы ее отстоим.
И уйдут, вырастая,
По годов борозде
Песен нынешних стая,
Стая нынешних дел.
И все то, что свершим мы,
Все — от первых декретов —
Перевалит вершину
Двадцать первого века.
Все, что зреть сегодня,
И в мечтах, и в делах,
Станет явью и плотью
В тех далеких годах.
Мы же — первопроходцы.
И в трехтысячный год
Нам мечтой отзовется
Голос наших забот.
Век наш — время горенья,
Век с седьми висками.
А мечты наши — звенья,
Как мосты меж веками.
Спрос большой с человека
В дни трудов и боев:
Как откликнется эхо,
Эхо нашего века,
В переключке веков?

Золотое солнечное блюдо
Зачерпнуло краем облака...
Здравствуй, эхо наше!
Здравствуй, чудо!
Я пришел к тебе издалека.
И чему, не знаю, удивляться?

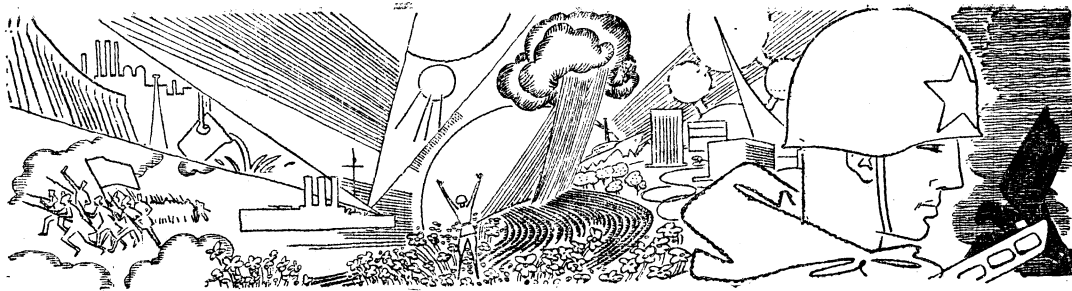
Может, тучам?
Их тяжелый бег
Замер вдруг над россыпью плантаций:
Дал с земли команду человек.
И, тугими стропами гудя,
Высыпал лихой десант дождя.
Иль цехам, бесшумным и безлюдным?
Иль музейной доле пятака?
Иль дорогам, что, как струны лютни,
Над землей качаются слегка?
Музыке ль, диковинно звучащей,
В чаще леса и в озерной зыби?
Словно мир,

как музыкальный ящик,
Мне дает мелодию на выбор.
Иль домам — симфониям из света,
Мягких линий, теплого стекла?
Иль лыжне посередине лета,
Посреди ромашек и тепла?
Человеку сдавна было мало
Сытно есть,
В уютных жить домах,
Жить, рукой не чувствуя штурвала,
Силы не испробовав в штормах.
И звезда далекая, и полюс
Ждали, звали:
Подойди и тронь!
Замер ли он, мысли вечный поиск,
Дерзкий прометеевский огонь?
Ну чего ж еще, мол, добиваться,
Если каждый сыт, одет, обут?
Развалились под кустиком акаций,
Не скорбя о шестии минут.
Неужели, нажимая кнопки,
Роботам работу поручив,
Потушил он мысли жаркой топки,
Человек...

Но чем тогда он жив?
Потолкаться б в гущи человеческой
И спросить бы каждого... о чем?
Город,

как рушник,
выносит вечер,
Шитый песней, музыкой, стихом.

...Тишина внезапно возвестила:
Мы у цели!
Зыбкий лес огня.
Площадь напружиненным настилом
Дрогнула в подошвах у меня.
Сотни рук раскинули объята.
Тронула улыбка сотни губ.
Дорогие люди... сестры, братья!
Что сказать я вам сейчас смогу?!
Знаю: не меня — чего я стою? —
Чествуете

Родину мою.
Вскинув факел над одной шестюю,
Отстояла свет мечты в бою!
И несла сквозь войны и сквозь голод.
И ее весь мир с в о е й назвал.
Вот он век!
Границей не расколот.
Весь он встал к «Авроре» на причал.
Так я думал.
Вымолвил же сипло
С губ едва слетевшее
«Спасибо...»
Словно мне, смущенному, на помощь,
В небе, вспыхнув, ровно загудел
Светлый пояс,
Как сказал знакомый,
«Наш экран обзора самых важных дел».
...В кадре — писем грузный, рыхлый ворох
И на каждом выведено:
«СТАРТ».
— Мы сегодня — в штабе по отбору
Новой экспедиции на Марс.
На экране — искристые танцы
И наш Кольский,
превращенный в Крым,
И монтаж плавучих гидростанций
На морском течении Гольфстрим.
Широко открытыми глазами
Я смотрел на этот новый век.
Я смотрел и думал:
«Нет, не замер
Мысли человеческой разбег.
О, как воздух творчества целебен!
Кто им дышит — все богатыри!»

Лишь теперь, не думая о хлебе,
Человек поистине творит.
Многое мы в прошлом загадали.
И мечты исполнились не все.
Но уже такие манят дали!
Все мечты — для новых дней посев.
...На экране — шлема светлый купол.
За стеклом видны отсюда мне
Нетерпеньем сомкнутые губы
И в зрачках — миры иных планет...
Стихла площадь на глубоком вздохе.
Где-то там, буравя высоту,
Космоплан меж звездного гороха
Двигается с мечтою на борту.
Цифры на шкале пошли на убыль
Вот уж Землю может он обнять,
И улыбка, тронувшая губы,
Поплыла с экрана на меня.
Вдруг улыбку захлестнуло смерчем...
Сжав тоску и горе в кулаках,
Скорбью молчаливою в бессмертье
Проводили люди земляка.
Может быть, еще не время плакать?
Выходили ж парни из огня!
...Но — пора прощаться.
Мне — в атаку.
Вдруг ушли ребята без меня?!

Я, как будто спросонку,
Открываю глаза:
Санитарка-девчонка
Надо мною в слезах.
С той раскосинкой милой,
С чуткой дрожью бровей —
Утомленно склонилась
Над жизнью моей.
— Ну, какая ж атака!
Да лежи ты, лежи...
Вносила я всяких
Со смертельной межи.
Ты какое-то эхо
День и ночь вспоминал...
...День в весенних доспехах
За окошком вставал.

РАССКАЗ ОБ ОГНЕННОМ КОМАНДИРЕ

Впервые о Подзорове я услышал в дороге. Ехал по старому стелному большаку Орск — Новотроицк. Путь недолгий — всего десять километров, но бесконечные холмы. Еще один подъем — и вдали маячат трубы цементного завода, вырастают цехи строящегося Орско-Халиловского металлургического комбината. Последний километр идет по асфальту.

Вольный характер у степного водителя. И мне казалось, что, вырвавшись на приличную дорогу, шофер прибавит «газку» и влетит в Новотроицк, что называется, с ветерком. Однако машина шла неторопливо. Почему?

Шофер улыбнулся в ответ.

— Сразу видно, что нездешний. Взгляните: на окраине стоит памятник, как раз у дороги. Так вот, уважающий себя водитель не проскочит мимо памятника на полном ходу. Традиция у нас такая — притормаживать. В честь героев-подзоровцев. В самом начале Октябрьской революции казачий атаман Дутов совершил в Оренбурге контрреволюционный переворот, объявил о создании Войскового правительства и возомнил себя бог весть кем: «верховным атаманом», «освободителем России». По всему Оренбурью было объявлено военное положение. Советы разогнаны.

Но пролетариат поднялся на борьбу с белоказаками. В Главных железнодорожных мастерских (ныне паровозоремонтный завод) возникли подпольные отряды Красной гвардии, готовились к выступлению. Однако силы были неравные... И красногвардейцы обратились за помощью в Москву, к Ленину. 26 ноября 1917 года Влади-

мир Ильич встретился и внимательно выслушал оренбургских ходоков и дал им записку (фотокопия ее хранится в краеведческом музее):

«В штаб (Подвойскому или Антонову). Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется экстренная военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить практически. А мне черкнуть, как решите. Ленин».

Из многих городов России прибыли к нам революционные солдаты, а из Петрограда — балтийские моряки с броневыми автомобилями. Командовал ими мичман Павлов. Дутов отступил в степи. Казалось бы, делу конец, но атаман не унимался. Накопил силенки и еще не раз беспокоил население Оренбурга и Орска.

В составе 28-го Уральского рабочего полка, оборонявшего Орск, воевал броневик под командованием матроса Подзорова. Рассказывают, это был веселый крепыш, отчаянно смелый.

Много страха на дувовцев нагоняли моряки-балтийцы. Но однажды, — это было в августе 1918 года, — преследуя отступающего противника, броневик остановился. То ли попал в трясины, то ли отказал мотор. Белоказакки осмелели. Матросы сопротивлялись до последнего патрона. Пулемет смолк. Белые подошли вплотную к броневнику и предложили сдаться.

— Революционные моряки не сдаются!

— Тогда мы вас поджарим, голубчиков... — пригрозил офицер.

Казаки принесли соломы, чиркнули спичкой. Повалил густой дым, языки пламени стали лизать броню.

**ПОИСКИ
НАХОДКИ
ОТКРЫТИЯ**

— Вылезете!... Все равно вылезете! — злобно гоготали враги.

И вдруг из броневика послышалась песня. Сначала нестройно и тихо, потом все слаженнее и громче. Три моряка пели «Интернационал»...

...Так погибли подзоровцы. Оренбуржцы не забыли их, воздвигнули памятник на том месте, как раз близ дороги. А на монументе написали: «Морякам-балтийцам». Не знаю, кем заведено, однако стало традицией: сбавив скорость, медленно проезжать мимо памятника героям.

Мне захотелось узнать побольше о матросах и их командире. Я обратился в местный краеведческий музей. Там подтвердили, что Подзоров и его два неизвестных товарища — моряки из отряда мичмана Павлова. И все.

Тогда я написал в «Комсомольскую правду» о «Памятнике на дороге». А Госполитиздат перепечатал рассказ в «Календаре за 1962 год». И маленькая, всего в один листочек, заметочка календаря помогла раскрыть тайну «огненного» командира.

В декабре 1962 года позвонили из Оренбургского обкома ВЛКСМ: меня хочет видеть Терентий Дмитриевич Лушников — двоюродный брат Филиппа Подзорова!

В приемной — пожилой, немного сутуловатый человек. Тщательно выбрит.

— Прочел в календаре заметку, — неторопливо говорит он. — Захотелось встретиться. Но, знаете, судьба забросила далеко от родного Оренбурга...

— Вы — уроженец Оренбурга?

— Да. И Филипп Ильич — тоже оренбургский.

— Подзоров — оренбуржец?! — не скрываю своего удивления. — Но ведь на памятнике указано, что он балтийский моряк?!

И Терентий Дмитриевич рассказал мне, что Подзоров родился в 1893 году в семье батрака в селе Ташла, что неподалеку от поселка Тюльган. В 1902 году семья переехала в Оренбург. Кем только не работал Филипп! — рассыльным, подносчиком дров, пожарным. За год до первой мировой войны его призвали в армию. Крепкий был парень. Руки железные. Схватит — будто клещами зажмет. Богатырское здоровье и привело его на Тихоокеанский флот — не помню точно, как называлась канонерская лодка: то ли «Булат», то ли «Буян». Находилась она во Владивостоке. Но революцию Подзоров встретил на Черном море.

Вернулся в родные места спустя несколько дней после бандитского налета дубовцев на Оренбург. Мечтал о встрече с родным братом Романом, но опоздал: утром 4 апреля 1918 года белые учинили злодейскую расправу над жителями города. Погиб в неравной схватке Роман Ильич, председатель профсоюза пекарей и поваров... Рабочие с почестями похоронили жертвы налета — 126 революционных солдат, моряков, казаков, жителей Оренбурга. Филипп дал клятву отомстить за кровь погибших людей, за родного брата. Он вступил в Красную Армию, в формирующийся тогда 28-й Уральский рабочий полк.

— А как он стал балтийцем?

— Это нетрудно объяснить. Вернулся брат в морской форме. Как увидел «своих» — моряков мичмана Павлова, так и потянуло к ним.

...Поиски продолжались. Вскоре научный работник областного архива Павел Григорьевич Таренков обнаружил документы, которые подтвердили, что герой действительно наш земляк, что служил он на корабле «Бурят» Тихоокеанского флота, что в Оренбурге до 1933 года проживали его родители. Он писал в музей Москвы, Ленинграда, запрашивал архив Военно-Морского Флота СССР. Ему хотелось до конца убедиться, что балтиец Подзоров и оренбуржец Подзоров — одно и то же лицо.

Недавно Павел Григорьевич стал обладателем двух фотографий героя. На них Подзоров изображен в морской форме. На лентах бескомпромиссно можно прочесть разные названия морских частей: «Бурят» и «...портная флотилия...» Таренков запросил архив Военно-Морского Флота СССР и ему ответили, что канонерская лодка «Бурят» была приписана к Амурской флотилии. Следовательно, Подзоров действительно служил на Дальнем Востоке. А на оборотной стороне снимка со словами «Транспортная флотилия» — штампель фотомастерской: «Ф. Е. Файн гор. Мариуполь». Опять-таки подтверждается рассказ Лушникова: Подзоров был на Черном море.

Так человек из легенды обрел свою родину.

Нынешним летом я проезжал тем же путем. Но машина шла не по степному большаку, а по хорошему асфальтированному шоссе Орск — Новотроицк. Памятника не видно. Только замечаю, что шофер притормаживает. Да и встречные машины сделались такими тихими. Значит, знакомый броневичок где-то близко... Вот он, в саду!

Комсомольцы цементного завода перенесли памятник в придорожный сад, в пышные заросли карагача и молодых тополей.

А в северной части юного города металлургов и строителей можно отыскать улицу имени Филиппа Подзорова. Его именем назван пионерский клуб в Орске.

Так молодежь Оренбуржья чтит память славного героя-земляка, «огненного» командира.

В. ПРОЛЕТКИН

**Быть может, в галактической глуби
Планета есть невиданных размеров,
И Разум водит чудо-корабли
Там по морям природных полимеров.**

**Там в триста лет — еще не старики,
Хоть наших нет ни воздуха, ни леса.
И, может, достигненьем нарекли,
Рожденное искусственно железо...**

**А ты у аппаратов, дочь землян,
Мечтою человечества согрета,
По каплям созидаешь океан
И по крупицам — новую планету.**

Л. Румянцев

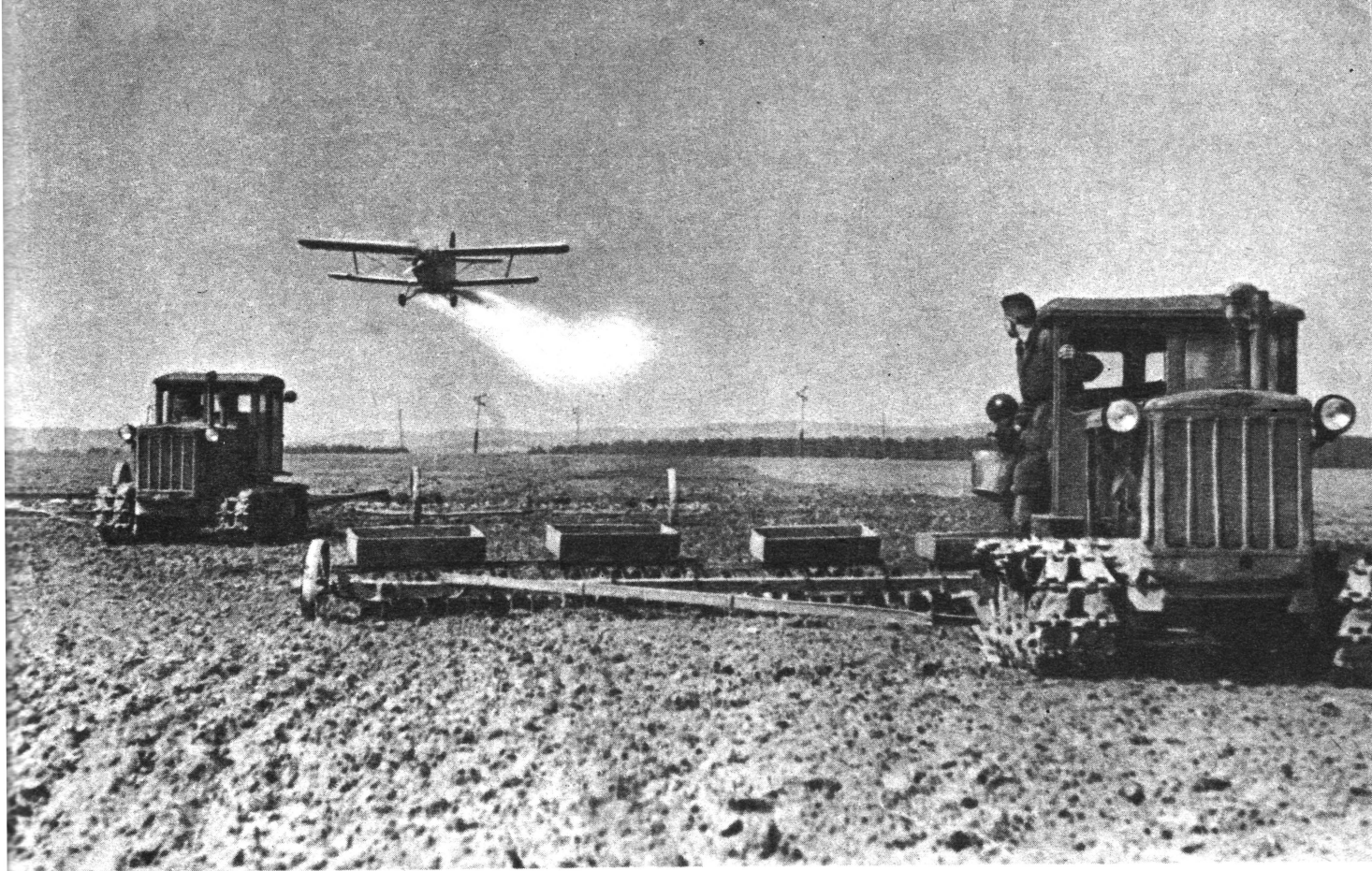
— Расскажите, пожалуйста, читателям нашего журнала, как в Свердловской области будет проходить в этом году весенний сев? — обратились мы к начальнику отдела механизации Управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Петру Андреевичу Андрееву.

— Весенний сев и следопытство! Иному покажутся эти понятия несовместимыми, — ответил он. — Но это не так.

Февральский Пленум ЦК КПСС поставил перед тружениками села задачу — повысить урожайность каждого гектара пашни. А для этого нужны новые машины, миллионы тонн минеральных удобрений, умение, смекалка, поиск человека.

В прошлом году на полях Свердловской области кукурузу высевали очень сложным и длинным способом: за десять часов пятнадцать гектаров. Медленно и мало. Умельцы - рационализаторы придумали специальную сцепку, соединяющую три сеялки в один агрегат с особыми приспособлениями для сева. Машина чудесная. Нынче за те же десять часов она засеивает 55—70 гектаров. Двести сорок новых агрегатов, что вышли этой весной на поля, в самое напряженное и горячее время высвободили для других работ пятьсот рабочих и четыреста восемьдесят тракторов.

Трудоемкой и малопродуктивной была раньше заправка сеялок семенами. И тут сельские механизаторы нашли выход: триста зерноуборочных самоходных комбайнов и автомобилей были оборудованы созданными ими приспособлениями. Сейчас заправка посевных агрегатов производится почти без применения ручного труда.

В этом году наша земля получила в два раза больше минеральных удобрений. Но этого мало. Мы решили вносить удобрения при севе, чтобы получить от них максимальную отдачу. Нужны были специальные механизмы.

Вновь помогли умельцы. Они сконструировали такие приспособления для кукурузных и зерновых сеялок.

Все это, на мой взгляд, тоже следопытство.

Весенний сев в разгаре. Разумные хозяева — люди, их верные помощники — машины, тракторы, комбайны, самолеты позаботились о том, чтобы наша земля стала сочной, обильной, щедрой. И скоро, очень скоро на полях области поднимется тучный, богатый урожай.

К ПЕРВОПРОХОДЦАМ

Из дневника художника

А. ТУМБАСОВ

Весной Кама и Волга наполняются тальми водами. Они идут лавиной, и остановить их невозможно. И тогда в плотинах открывают затворы, чтобы сбросить весенний паводок.

Водосброс подобен водопаду. Из-под железного затвора, словно из подворотни, вода с шумом скатывается вниз, в воздух поднимается бриллиантовая пыль, и яркое весеннее солнце рождает в ней радуги.

Летом Кама и Волга мелеют, обнажают песчаные отмели. И, хотя водохранилища накрепко закрывают затворами, уровень воды в них падает. Падает уровень воды и в Каспийском море. Летом оно испаряет воды больше, чем получает. Притоки не могут напоить его, и море год за годом отступает все дальше, оставляя на берегах горячие пески.

Ученые решили, что Каспий можно напоить, если занять воды у Печоры и Вычегды. А для этого их надо повернуть на юг, и через систему каналов перебросить часть воды в Каму, а потом через Волгу — в Каспий.

Сейчас уже есть схема всего этого гидротехнического комплекса. На ней обозначены предполагаемые ГЭС, водохранилища, каналы, дамбы.

Теперь на места будущих плотин, каналов и морей пришли изыскатели — первые, кто приступил к осуществлению мечты.

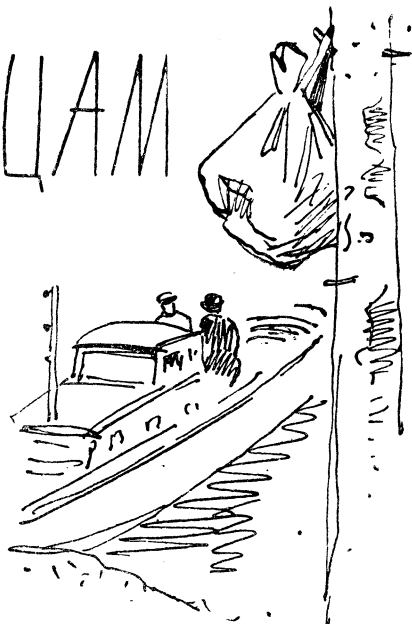
Когда-то я наблюдал рождение Камской и Воткинской ГЭС и их водохранилищ. Мои альбомы тех лет хранят много рисунков, запечатлевших великое преобразование реки.

Мог ли я утерпеть теперь, когда в краях, ставших мне родными, развертывается еще более грандиозная строительная эпопея! Я снарядил свой этюдник и поехал на север Пермской области, в город Соликамск, где разместили штаб одной из изыскательских партий.

ЭКСПЕДИЦИЯ № 35

Экспедиция изыскателей разместилась на берегу Камы, в Боровой, недалеко от пристани, в двухэтажном доме, укрытом под сенью тополей.

У крыльца — газик, на ветровом стекле которого написано: «Изыскательская».

Прямо по коридору дверь с табличкой: «Экспедиция № 35».

Вхожу. Начальник, подавая руку, назвался:

— Чистяков, — и молча посмотрел на меня, словно бы спрашивая: «Чем могу быть полезен?».

А когда выслушал, поинтересовался, долго ли я приехал.

— На недельку.

— Мало! — словно отрубил Виктор Алексеевич. — У нас, правда, нет грандиозных объектов, это — дело будущего. Есть только лаборатория, камеральная группа, небольшое хозяйство машин. Но зато площадь мы охватываем огромную. — Виктор Алексеевич подошел к карте. — Вот здесь, на острове, на правом берегу Камы; там, севернее Чердыни, в лесах — все наши люди.

За окном видно Каму: она какая-то оловянная, с холодным отливом; в волнах беспомощно, словно раненая чайка, качается белый катер. Он с трудом пробивается к берегу.

Чистяков замолчал, будто вспоминая что-то, и сказал:

— А людей хороших много, познакомлю. Зазвонил телефон.

— Вызывает Печора. А вы зайдите-ка пока в лабораторию, там интересные дела. И люди там бывалые — Копяева, Черникова... Лаборатория? Что в ней особенного, зачем она изыскателям?

Постучал в дверь, как это полагается, открываю. Не ошибся, лаборатория: колбы, пробирки, склянки... На полу — вдоль стен, по углам и посередине — стоят бутылки, залитые парафином. На каждой наклеена бумажка — паспорт, по которому узнают, с какой глубины и с какой скважины доставлена вода для исследования.

Спрашиваю:

— Здесь лаборатория? Мне бы Копаеву и Черникову...

— А зачем мы вам? Рисовать? Так вы лучше идите рядом, там работают ветераны многих строек...

— А вы?

— Мы — только на Горьковской, Цымлян-ской, Киевской да на канале Иртыш — Караганда...

— Вот вас-то мне и нужно!

Я усаживаюсь, а лаборанты смущенно оправляют халаты.

Они работают, а я рисую и разговариваю.

— Что вы сейчас делаете?

— Исследуем грунтовые воды на соленость. Вот, попробуйте!

Я пригубил пробирку и удивился: какая соленая! Но тут же вспомнил: здесь, рядом, на берегу — солеварни, близко калийные шахты. Копаева поясняет:

— Это значит, что в Каму попадают подсолненные грунтовые воды. Строителям очень важно знать: какой материал брать для плотины, чтобы не развело и не размыло ее.

Вот как! Строительство начинается в этом царстве пробирок и колб!

ОСТРОВ ПОД ВОДОЙ

— Макарыч! Возьми художника на остров.

— Милости просим, — Макарыч, старший мастер буровых работ, подвигается на скамеечке в лодке.

Мы сели рядом, застучал мотор, и свежий камский ветер ударил в лицо.

По левому берегу тянулся бумкомбинат, как напоказ выставляя один корпус за другим. Высоченные трубы длинными полосами отражались в Каме. Их пересекали куртины подтопленных деревьев и кустов.

— Паводок спадает, — кивнул на них Макарыч. Ошкуренное половодьем бревно застряло в кустах и теперь повисло над водой, сгиба ветки. — Остров-то пока затоплен, скоро обмелеет.

Оглянувшись, я увидел буровую на понтонах; вышка словно плыла нам навстречу.

Я спросил Макарыча о его жизни.

— Что наша жизнь? Кочуем! Только привыкнешь — на новое место. Так и живем, работаем. То Украина, то Волга, Казахстан, а то вдруг Сибирь... Здесь вот уже второй раз.

— Второй?

— Да. Начинали в пятьдесят седьмом — восьмом годах, потом отозвали на другие объекты, а теперь вот будем доводить до конца.

Когда мы подплыли к буровой, нас встретил человек в плаще и черном берете.

— Мастер Воробьев, — представил его Макарыч. — Он вам тут все и покажет. А я — назад скоро.

...Стеллаж трясется, как в лихорадке, — буровая работает. Мастер стоит у агрегата почти без движения, и поэтому его не надо просить позировать: он орудует только руками и внимательно следит за машиной, а чтобы не скучать, за щекой держит леденец.

Отбурился мастер, и они с подручным стали доставать снаряды, как они называют трубы, и вытряхивать, выколачивать из них керн.

Девушка-техник описывала, измеряла, складывала керны в ящики, чтобы потом отвезти их в лабораторию исследования грунтов. Строители, можно сказать, шагу не ступят без этих анализов.

У ГЕОДЕЗИСТОВ

Помню, что Чистяков советовал побывать еще у геодезистов камеральной группы.

За почтой, в деревянном двухэтажном домишке на окнах видны рулоны кальки. Вероятно, здесь. Зашел в комнату. Она густо за-

ставлена столами. На каждом — чертежная доска. За ними кропотливо трудятся женщины. Это камеральщики — обработчики материалов, собранных при работе в поле.

Знакомлюсь. Народ здесь все бывалый, не одну стройку прошел. Вон у окна Александра Ивановна Песчанова. Она успела побывать и на Волго-Доне, и на Волгоградской и Киевской ГЭС, и на каналах Северный Донец — Донбасс и Иртыш — Караганда.

— У нас вам неинтересно, — говорят камеральщики, — пошли бы в поле. Там, конечно, романтики больше.

Руководитель геодезической партии Валентин Вячеславович Белокуров приглашает на съемку.

— Завтра в семь утра уезжаю в поле, на правый берег. Едемте со мной...

...Утро выдалось холодное, сырое, дали заволокло, в воздухе пролетают снежинки, а был уже последний день мая. Белокуров подбадривает:

— Едем, в лесу нехолодно.

Поднимаемся на крутой правый берег, к деревянным домам села Григорово. Сразу за домами открылось просторное поле. Но нам не сюда. Полям изыскатели называют все работы на воздухе. А на самом деле мы зашли в лес и стали пробираться вглубь.

Моросил дождь, пролетал снег, а планшетист под широким зонтом внимательно, затаив дыхание, приник к трубе кипрегеля. Там, далеко, на узкой просеке, на фоне белых березок стоит девушка с рейкой.

— Светлана! Покачай рейку!.. — кричат ей.

Девушка медленно наклоняет рейку вперед-назад. Геодезист записывает цифры и что-то долго коздует над планшетом.

— Точки сверяем, — говорит он. — Геодезия — наука точная. Ошибок не должно быть.

...Целый день геодезисты толклись на небольшом участке, сверяя точки. А всего несколько отрядам предстоит сделать съемку на площади в шестьдесят квадратных километров.

Обратно в Григорово вернулись под вечер. У крайнего дома остановились, долго скребли сапоги и лишь потом по чисто вымытым ступенькам крыльца зашли в дом, в свою «штаб-квартиру».

Белокуров и геодезист Васенцов, не раздеваясь, сели в переднем углу за стол, развернули планшет, на котором ювелирно вычерчен план, прикрытый калькой. Склонились над планом и, кажется, забыли все.

ЗЕЛЕНый КОРИДОР

Канала еще нет, но в экспедиции говорят: «На канал» — значит, на трассу будущей водной дороги, где ведутся изыскательские работы. Мы едем туда с Сашей Репиным, тоже художником.

С Александром Ивановичем мы дружим давно, бывали вместе на Печоре, на Приполярном Урале. У нас общие интересы, всем и всегда мы можем поделиться, один на двоих котелок, только работаем мы по-разному. Это и хорошо, иначе картины были бы одинаковые.

В покрытой тентом автомашине трясемся, обнявшись с рюкзаками, сначала по избитой полевой дороге, а затем по таежной лежневке. Лежневка стрелой прорезает тайгу. Тайга словно бежит за нами, мелькает по сторонам, взмахивая мохнатыми ветками кедров. В Ольховке, где разместились база изыскателей, мы проворно выгрузились, надели вещмешки, взяли этюдники и, можно сказать, в полной форме представились главному геологу экспедиции Дмитрию Федоровичу Танченко. С ним должны подняться на катере в верховья Южной Кельтмы.

Дмитрий Федорович — молодой начальник, подтянут, побрит, в плаще, с полевой сумкой, в резиновых сапогах и кепке. Пока мы разглядывали его, он осмотрел нас и одобрил экипировку.

Изыскатели погрузили продукты, оборудование и горючее на плоскодонную баржонку-лапоть, которую здесь почему-то называют «орлянкой». Ее взял на буксир катер-водомер.

Южная Кельтма — таежная речка, узкая, но глубокая. Вода от подступившей к берегам тайги кажется черным зеркалом. Слово по зеленому коридору пробирается катер-водомер с орлянкой на буксире.

На повороте лес будто встает поперек, не желая расступиться. И такая же зеленая стена опрокидывается в темную воду. Но катер ломает зеркало воды, в котором на мелкие части в волнах дробится отражение.

Цветущая черемуха молоком расплескалась вдоль берегов, напоив чистый воздух запахом весны.

А катер-водомер горячо дышит отработанным маслом, оставляя шлейф горького дыма.

Иногда нас встречают осины, высокие, породистые, в сережках, но еще голые, а березки словно в белых юбочках и уже молодятся первой зеленью.

Техник-геодезист Алексей Новиков, грузно облокотившись на борт орлянки, подолгу стоит и смотрит на берег, где за черемуховой завесой выпирает тайга. Новиков — бессменный старожил канала, таежник, работает на трассе зимой и летом.

НА БУРОВЫХ

Четверо парней вышли из тайги, слышав знакомый гул дизеля на Кельтме. Водомер повернул к ним и скоро ткнулся носом в берег.

За кустами, как бы на пороге тайги, стояла палатка, над входом висела старая кинореклама: «Девять дней одного года», начало в 7 вечера».

— Билеты есть? — спросил кто-то.

— Только на галерку.

— Это не подходит, еще упадем, — шутят встретившиеся друзья.

Буровая здесь оказалась совсем не такой, какие я видел на понтонах.

— Здесь ручное бурение — тайга, не развернешься. Даже оборудование переносят на плечах, — объясняет Дмитрий Федорович.

Километрах в полуторах-двух снова буровая. Нас встретила девушка-техник. На углу палатки висели ружья, как единственное украшение и первая необходимость в лесу.

Ребята переносили трубы и только что вернулись с новой точки. Увидели главного геолога и, не спрашивая ни о чем, в один голос:

— Нельзя ли трубы покороче, тяжело переносить! Сделали носилки — неудобно: на плече — кошму подкладываем, а плечи стерли; в ногу идти трудно — проваливаемся, болото...

— Правда, Дмитрий Федорович, ребята устают, — говорит девушка-техник. — А я помочь не могу, только стараюсь обед повкуснее приготовить.

— Не бежать ли собираешься, Соловьева?

— Что вы, Дмитрий Федорович, я здесь как дома!

— Тогда потерпите немного: из экспедиции идет сюда танкетка, вам на помощь. Ну, а как живете?

— У нас комфорт, — говорит Соловьева, открывая палатку.

Заглядываем. Посреди палатки, на скамейке, — пышный букет черемухи. Так и просится на холст, в краски...

СТАРОЖИЛЫ ТАЙГИ

Ночевку запланировали в Кедровке — все же под крышей.

Причалили, катер поставили на прикол и стали подниматься по крутому, густо заросшему берегу.

На поляне стоял неказистый, словно рубленый наспех, старый дом, и недалеко от него вагончик — перевалочная база изыскателей. Вот и вся Кедровка, а мы думали — большое село.

Тайга наступала, разбрасывая по поляне семена, из которых наперегонки поднималась молодая поросль. Ее вырубали, вскапывая огород.

Дмитрий Федорович говорит, что здесь живут дед и бабка, последние приписанные к постоянному месту жительства люди, а дальше в тайге — медведи, геологи, да можно встретить еще туристов.

Утром я встретил и деда, и бабку. Они пили дрова у дома. Дед — без бороды, худенький, щупленький, глаза сощурились, улыбаются под козырьком фуражки, щеки провалились, а беззубый рот спрятался под усами. Я принялся набрасывать его в альбом.

— Смотри, рисует, — показывает он бабке на меня рукой.

— В городе все умеют, там и дрова-то режут машиной, — говорит она.

Я спросил, давно ли они живут в тайге.

— Дедушка-то смолоду ушел лесовать, ну и я с ним. Всю жизнь прожили в лесу. Он и теперь, старый, ходит за зверем, глаз еще острый, без добычи-то и не жду...

Дед посмотрел на небо, низко нависшее над тайгой, подвинул полено и взялся за пилу.

— Северит, снег будет, — сказала бабка.

— Какой же снег в начале июня? — возразил я.

— Кости чуют, и птица беспокоится, — поддакнул дед.

Под берегом заводили катер — пора было ехать дальше.

ДЕД СТЕПАН

— Та дэ воно, хиба це работа?— говорил Степан Прохорович, мешая русские слова с украинскими.— У лес идемо, чи в тайгу, а заболить шо, поранимось — лекарства нема, того, как его кажуть, бинта, нема. У сусида не займешь — де той сусид? Кажу у мене есть свое, а у другого нема, аптечку не дають.

Любит пожаловаться, говорят о нем, а бригадир и мастер ручного бурения он незаменимый.

Степан Прохорович в гимнастерке, заправленной в солдатские брюки, ворот гимнастерки без подворотничка, обтрепался.

Ребята в бригаде молодые, и Степан Прохорович зовет их сынками, а они его — дедом.

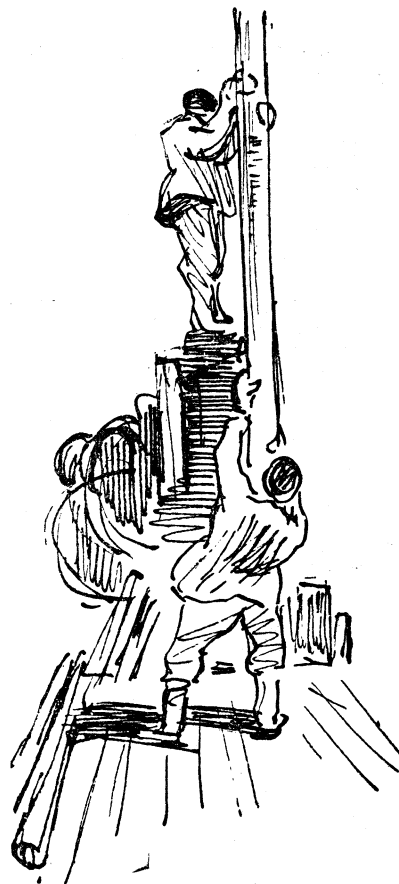
Заботливый, суетливый, он несколько раз пересмотрел все в барже, даже оцупал буровой комплект.

— То вже четвертый комплект собираю, от ключа до трубы...

Дед Степан и главный геолог пошли смотреть место будущей скважины. Едва отошли от берега, седая тайга обступила, оцетинилась сухостоем и, кажется, проглотила нас, чавкая болотом под ногами.

— Тут не заглядайся,— наставляет сынков дед Степан,— лес не улица, спросить дорогу некого. Проложим свою стежку, тоди гуляй...

Орлянку отцепили, бригада Степана Прохоровича осталась, а мы пошли дальше по Кельтме.

ТАЕЖНЫЙ ЗВЕРЬ

Катер-водомер едва не задевает берега. Иной раз вроде зацепится, начинаем отталкиваться ногами. Добрались к месту высадки геодезистов. Ребята ставят палатку, а мы с Репиным пишем этюды. Небо серое, дождя нет; это хорошо, можно рисовать.

Берег зеленый, сырой и весь испечатан звериными следами. Лоси исходили берег так, что можно подумывать: сюда пригоняют стадо на водопой. Тут же оставили когтистые следы не то медвежонок, не то волк.

Мы пишем этюды. Тишина. Лишь гудят комары, да где-то наверху зашумел ветер, и заскрипела высокая ель.

В это время кто-то завершал, как ребенок. Это Григорий, рабочий-геодезист, поймал зайчонка. Окружили Григория, а зайчонок прижал свои еще короткие ушки, словно у него их нет совсем.

- Зверь тайги!— смеются изыскатели.
- Отвезем, ребята, в город!
- Будем воспитывать!
- Давайте отпустим.

Каждый по-своему решает судьбу зайчонка, а он быстро дергает носом и смотрит неподвижными черными глазами.

— Вечером откроем сгущенное молоко, угостим,— сказал Дмитрий Федорович и погладил круглый серый комочек.

— Ну, а если поймаем медведя — сгущенки не хватит,— смеются геодезисты.

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!

— Что же здесь исследуют геологи?— спрашиваю Дмитрия Федоровича Танченко.— Нет ли здесь полезных ископаемых?

— Да нет, дело в другом... Мы определяем состав отложений, какого происхождения они: речного, озерного, нанесенные ледником...

— Ну и что это дает?

— А чтобы знать, какой техникой вести работы — экскаваторами или земснарядами, возможны ли здесь оползни, наконец, разведка нужна и в инженерных целях, чтобы предугадать режим будущего канала.

Танченко рассказывает, а из тайги слышен посвист зяблика, но не обычный — веселый и ровный, а какой-то тревожный. Это, говорят, зяблик **рювмит** к непогоде.

На небо и действительно наплывали тяжелые низкие тучи, тайга нахмурилась, Кельтма побурела.

— Места здесь дачные,— говорит Дмитрий Федорович.— Я полюбил их, особенно после Казахстана. А посмотрели бы вы, какая красота осенью!

Он словно и сейчас видит эту красоту сквозь весеннюю непогоду, глаза его блестят.

...Мы снова в Ольховке. На холодном ветру мечутся тонкие березки с мягкими клейкими листочками, а в воздухе мелькают, словно лепестки черемухи, снежинки.

В вагончике жарко топится печка, полки заставлены ящиками с продуктами: их закупили ребята с дальних буровых, приехавшие сюда на день раньше нас.

Катер сломался, и теперь все изыскатели возились с лодочным мотором на берегу Кельтмы, чтобы отправить продукты — там ребята сидят на голодном пайке.

Мы с Сашей пошли в клуб, купили билеты в кино.

В уютном зале уставшие от работы, но веселые, оживленные парни и девушки. Кое-кто не успел даже сменить комбинезон на «выходной» костюм. А на экране — кадры американского фильма «Рапсодия», лоснящиеся самодовольные лица богатых бездельников, роскошные особняки, мишурный лоск «амери-

канского образа жизни»... Я прикрываю глаза, слушаю музыку. Это музыка Чайковского и Рахманинова. Она проникает в душу, волнуется. Музыка звучит и после фильма, когда дождь, мокрые дома, мокрые вагончики, обвисшие на холоде березки, кажется, не располагают к этому. А мне думается, что музыка эта — о нашей жизни, о нас, а не о той — чужой, пресыщенной, какую мы видели на экране в новом клубе таежного поселка.

Мотор не завелся. Идти на веслах вверх по течению, навстречу ветру, под дождем и снегом, да еще везти продукты — дело, пожалуй, немудрящее.

— Не советую, — говорит Дмитрий Федорович.

— Тогда мы возьмем, что будет под силу да покалорийнее, и пойдем пешком. К утру будем на точках. Ребята-то голодные... — говорят посланцы с буровых.

Изыскатели обсуждают, как быть, а ночь сгущается, окно вагончика, омытое дождем, залепляет снег.

Решено идти. Ребята быстро собрали вещи, запаслись папиросами и спичками, упрятав их в грудные карманы, и смело вышли из вагончика.

Мы выскочили проводить и видели, как поглотила их слякотная ночь. Они пойдут берегом Кельтмы, скользким и вязким, тайга будет поджимать их к воде, на пути встретятся завалы, но, я знаю, дойдут наперекор всему...

Утром седьмого июня белым-бело. Выпал снег, запеленал Ольховку и не переставал сыпать.

Зеленые березы не метались, как прежде, на ветру, а, словно растерянные, стояли под снегом, опустив ветки.

— Приехали весной, — смеется Саша, — а уезжать будем зимой.

Машины не пошли. Мы тоже собрали рюкзаки, нахлобучили шапки-ушанки, поверх стегонок надели плащи и решили идти пешком в Усть-Каиб.

Нас проводили, тепло напутствуя, изыскатели. И, хотя шли мы навстречу ветру, холодному и сырому, тепло их пожеланий, тепло этих памятных встреч согревало нас.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

«Северянки» устремляются к югу

Коллективу нашей комплексной изыскательской экспедиции выпала большая честь — первым взяться за реальное осуществление мечты: повернуть течения северных рек бассейна Печоры и Вычегды.

В минувшем, 1963, году мы окончательно выбрали трассу Вычегодско-Камского канала. Он соединит водохранилища Камы и Вычегды. Из десяти вариантов выбрали один, условно названный «южным». Протяженность канала сто километров. Ежегодно по нему в Каспийское море самотеком будет перебрасываться семьдесят кубических километров воды.

Закончены изыскательские работы по выбору створа под Соликамский гидроузел. Он будет расположен в районе Усть-Воровой. На острове Камский мыс предполагается разместить здание будущей Верхне-Камской гидроэлектростанции. Коллектив экспедиции завершил обследование и геодезические съемки зоны затопления, производятся расчеты устойчивости берегов. Площадь водохранилища займет пятнадцать с половиной тысяч квад-

ратных километров, то есть образуется еще одно Камское море.

Этот год будет завершающим периодом нашей работы. Перед экспедицией поставлена задача — обобщить все материалы изысканий с тем, чтобы проектировщики приступили к разработке рабочих чертежей. Мы рассчитываем справиться с этим в первом квартале. В дальнейшем предстоит определить места для переноса поселков из зоны затопления.

Мы все хорошо понимаем важность порученного нам дела. Слова Никиты Сергеевича Хрущева на декабрьском Пленуме ЦК КПСС о большом химическом будущем Северо-Камского края вдохновляют нас. Мы сделаем все, чтобы приблизить день, когда воды северных рек изменят вековое направление и повернут свой путь к югу.

В. ЧИСТЯКОВ,
начальник комплексной изыскательской экспедиции.
(Газета «Звезда». Пермь).

ТЕРЕМОК ДЕДУШКИ КОРНЕЯ

Пятого мая мы празднуем День печати. В этот день особо хочется поздравить нашего старейшего журналиста лауреата Ленинской премии Корнея Ивановича Чуковского. Его первые статьи были напечатаны еще в самом начале века в газете «Одесские новости». В 1905 году он — редактор-издатель сатирического журнала «Сигнал». За свою журналистскую деятельность в дореволюционное время Чуковский подвергался судебно-полицейским репрессиям.

Но Корней Иванович не только журналист, он — литературовед, переводчик, детский писатель. Его стихотворные сказки знают и любят дети многих стран.

Прошлой осенью у Корнея Ивановича Чуковского побывал в гостях постоянный автор «Уральского слепопыта» — писатель Михаил Ефимович Зуев-Ордынец.

В подмосковном городке писателей, в Переделкине, есть улица Серафимовича. Вернее, это даже не улица, а широкая просека, прорубленная в корабельном сосновом бору. А в начале той улицы стоит сказочный теремок с резными де-

ревянными коньками над крыльцом, с разноцветной крышей, со стенами, ярко и весело расписанными. Тут герои многих сказок: и жар-птица, и золотая рыбка, шkodливые коты, ухмыляющееся солнце, дотянувшаяся до крыши жирафа и, конечно, любимый детьми всего мира Крокодил Крокодилович. «Теремок дедушки Корнея», — так ласково называет чудесный домик детвора не только Переделкина, но и сел Лукина, Мичуринца, Чобот, Баковки.

Этот теремок — детская библиотека — дар человека большой, светлой души — Корнея Ивановича Чуковского. В уютных горничках теремка много всяких игрушек, но это не выставка, не музей, нет: приходи, детвора, бери, играй, веселись! А главное, много в теремке полок, а на них книги, книжечки и книжицы на все детские вкусы. И не только на детские. И юноши, и девушки, «обдумывающие жизнь», найдут здесь серьезную и захва-

тывающую приключенческую, и высоко, благородно романтическую книгу, и певучие стихи.

Интересно, даже забавно происхождение библиотеки-теремка. Об этом я услышал от самого Корнея Ивановича.

Я знал, что Корней Иванович сейчас усиленно работает, но все же решил позвонить ему и просить о встрече. Объясню, что хочу написать о его библиотеке и что приехал я из Караганды. Услышав слово «Караганда», Корней Иванович предлагает мне тотчас же, не откладывая, прийти к нему.

— Работу можно прервать. Об этом не беспокойтесь!

Дача его стоит бок о бок с библиотекой. Домашние Корнея Ивановича говорят, что писателя надо искать у костра. Я растерянно оглядываюсь, и мне указывают на вековую сосну. На ней красочный указатель: «К костру».

Иду в этом направлении — не дачным садом, а вековым дремучим бором. Продираюсь через кусты и подлесок и вижу, наконец, синий дымок костра. А вот и большая круглая поляна. Посередине ее горит костер из толстых плах и коряжин. Об этом знаменитом веселом, шумном и радостном костре «дедушки Корнея» мы обязаны рассказать подробнее. Но это потом, когда костер будет ярко полыхать, а сейчас он только тлел и густо дымил. Догадываюсь: в этот жаркий летний день нужно не пламя, а дым от комаров. Костер обступили с трех сторон длинные скамейки в несколько рядов. На одной из них сидит Корней Иванович. В руках его листы какой-то рукописи и карандаш. Он увлекся работой и не замечает меня. Я кашляю. На меня поднимаются сердитые, недовольные глаза. Но, догадавшись, что перед ним стоит карагандинец, он сразу меняется. Теперь я вижу лицо простого, доброго человека. Корнею Ивановичу недавно стукнуло восемьдесят, а глаза молодые, веселые, с задиристым прищуром. Невольно вспоминаю хмурые, обиженные слова молодого детского писателя, которому досталось от Чуковского на орехи: «Старик, а и сейчас зубастый! Годы не берут!».

Я начинаю разговор сразу о библиотеке. А хозяин мягко, вежливо, но решительно переводит разговор на меня. Кидает «пристрелочные» вопросы: давно ли я работаю в литературе, какие книги написал, в каком жанре подвизаюсь? Я

отвечаю коротко, несколькими словами, но он требует подробного, обстоятельного доклада. А слушать собеседника Корней Иванович умеет, хорошо слушать, внимательно, доброжелательно и весело. Лицо его вдруг оживляется.

— Так, так, теперь я припоминаю! Приключенческие романы и рассказы, ведь так? Знаете, а я очень люблю этот жанр. Приключения — мое любимое чтение.

Я снова пытаюсь свернуть наш разговор на библиотеку, и снова хозяин умело переводит его на тему, более его сейчас интересующую. Я и не заметил, как был вовлечен в горячий, взволнованный разговор о нашей современной советской литературе и современных писателях. Я слышу оценки короткие и блестящие, то восхищенные, то доброжелательные, но нередко и поистине уничтожающие.

Небольшой столик, за которым мы сидим, завален листами с машинки. На полях многочисленные пометки и исправления требовательного к себе автора. Во время нашего разговора машинистка то и дело приносит новые листы. А Корней Иванович начинает говорить о Роберте Бернсе. Чувствуется, что он буквально влюблен в шотландского поэта, рассказывает мне малоизвестные факты из его жизни, показывает редчайшие старинные издания, лондонские и эдинбургские, выбирает в сборниках любимые бернсовские стихи и читает их по-английски. Но вот я опять завожу разговор о его библиотеке. Нельзя же надолго отрывать человека от спешной работы. Корней Иванович заметно скучнее, видимо, ему изрядно надоели разговоры на эту тему газетчики и журналисты. Но вдруг лицо его оживляется, глаза смешливо щурятся.

— Очень забавно было начало этого дела! Ну до чего же хороши и неожиданны бывают наши дети!..

...Прослышав, что рядом живет знаменитый сказочник, друг-приятель Мойдодыра, Мухи-цокотухи, Бармалея и Крокодила Крокодиловича, пятилетний Славик Голубев заявился к нему и решительно объявил:

— Хочу учиться на богатыря. Давай книжку про богатырей.

Напрасно дедушка Корней уговаривал Славика переменить будущую профессию: может быть, лучше стать моряком или летчиком, а на что уж лучше быть шофером — и баранку можно крутить, и

дудеть можно сколько душе угодно. Но выбор Славика был решительный и окончательный: «Хочу учиться на богатыря! Давай книжку про богатыря!»

Ему дана была пушкинская сказка про богатырей. Он вернул ее через час, прочитанную ему приятелем, учеником второго класса. Но во второй раз Славик пришел не один, а в сопровождении четверых приятелей. И все они просили книжку — кто «про моря и маяк», кто про танкистов, а кто и про бабу-ягу. Книжки им были даны, и советовалось по прочтении обменяться ими. Была надежда, что они не скоро прочитают по пять книг каждый. Напрасная надежда! Маленькие читатели отошли от крыльца дедушки Корнея сотню шагов, сели под сосной, и два грамотея начали обрабатывать одну книгу за другой. Книги попались такие интересные, что их читали, не отрываясь, и к вечеру прикончили все пять.

А на следующее утро пришло уже двадцать читателей в возрасте и «от двух до пяти», и младшеклассники, и смущающиеся подростки. Разве можно было отказать им? Ведь они пришли за книгой! Книжки они получили, но на этот раз впервые был введен ритуал, который стал обязательным в теремке. Раздался приказ: «Покажите руки!»

Десятки маленьких ладошек поднялись над головами. Чистые ладошки получили книжки, грязные отправились к рукомойнику.

Корнею Ивановичу пришлось в своей библиотеке выделить полку для детских книг, а потом и вторую. Пришлось и прикупить книжки, они брались нарасхват. Потом пришлось построить бок о бок с дачей небольшой дощатый шалашик, уютную хибарочку, набитую книжками. А потом появилась мысль: надо строить библио-

теку. В большой округе нет детской библиотеки. В библиотеках маленьких ведомственных клубов детских книг ничтожное количество...

Библиотека-теремок существует уже четыре года. Все это время Корней Иванович заботился и о дровах для библиотеки на зимнее время, и об освещении, о зарплате библиотекарям и уборщице. Недавно лишь районо взяло теремок на свой бюджет.

И каждый день с утра звенит теремок детскими голосами. Ведь на полках его многое множество чудесных книжек, нередко таких, каких нигде не найдешь. Писатели, особенно детские, обязательно пришлют сюда свои новые книги. Вот целая полка книг с дарственными надписями С. Маршака, книги Л. Кассиля, А. Барто, М. Пришвина, С. Михалкова, пьесы Т. Габбе, книги про зверушек Ю. Чарушина с уморительными рисунками автора.

Много в теремке и других подарков, много картин, при взгляде на которые у

Хорошо ли вымыты руки?

Подарок американских ребят. К. И. Чуковский в головном уборе индейского вождя.

ребят захватывает дух. На них красочный, диковинный, сказочный мир — то героический, то веселый, смешной, то чуть жутковатый. Вот «чудо-юдо рыба-кит поперек моря лежит».

Трудно отвести глаза от этой картины художника Конашевича, какой-то буквально голосистой. Кажется, слышишь и шум моря, и шелест сыр-бора, и крики мальчишек, и ауканье девушек. Недаром детишки подолгу не отходят от картины, очарованные ею. А на полотнах Ю. Васнецова — сказочные коты, сороки, петухи, гуси-лебеди и, конечно, Иван-царевич на Сером Волке. Здесь же и рисунки детей — читателей библиотеки. Подарила свой рисунок теремку и восхищенная им японская девочка.

Дети приходят в теремок не только за книгами. В его горницах работают кружки — драматический, музыкальный, английского языка.

А теперь о кострах. Их бывает ежегодно два — «Здравствуй, лето!» и «Прощай, лето!» В последние дни мая или последние дни августа Корнею Ивановичу

нету прохода на улицах Переделкина. Дети атакуют его вопросами:

— Когда же будет костер? А кто из писателей придет на костер? А какие артисты будут?

Но вот, наконец, появляются большие красочные плакаты, зовущие на всеобщий детский праздник. А вот и заполыхал огромный костер на круглой поляне. Сколько детей на скамьях, окружающих костер, и сколько их за скамьями! Сколько радостного смеха, сколько восторженных криков, музыки, песен, плясок! Лица у ребят то восхищенные, то сосредоточенные, то негодующие. Идут спектакли детского театра теремка. Сегодня показывают «Айболит», «Кошкин дом», «Цветик-семицветик». Затем начинается концерт. Лучшие исполнители получают в подарок книги с надписями писателей. А любимые писатели — обязательные гости на этом празднике. У костра читают свои произведения С. Маршак, А. Барто, С. Смирнов, С. Михалков и многие другие. Были гостями костра итальянский писатель Д. Джерманетто, американский Альберт Вильямс, артисты — Сергей Образцов, Рина Зеленая, Игорь Ильинский. Тогда уж хохочут всюю! Неистовый восторг вызывает появление у костра Корнея Ивановича в пышном головном уборе индейского вождя. Племя черноногих выбрало советского поэта-сказочника почетным вождем и прислало ему этот головной убор. Оказывается, и индейские дети зачитываются «Мойдодыром», «Мухой-цокотухой», «Бармалеем».

Шумно, весело бывает на этих кострах, встречающих и провожающих лето. Но вход сюда платный. Плата — десять сосновых или еловых шишек, которые полетят в костер. А контроль, из детей же, при входе — очень строгий. За девять, например, шишек не пропустят...

...Корней Иванович, провожая меня, кричит вдогонку:

— Не забудьте прислать нашей библиотеке свои книжки! У нас любят читать о приключениях!

Товарищи писатели, прозаики, поэты, сказочники! Шлите свои книги в теремок дедушки Корнея! Адрес простой: Московская область, Переделкино. Корнею Ивановичу Чуковскому. Ни улицу, ни номер дома вам не надо запоминать. Если Корнею Чуковскому — дойдет, и встанет ваша книга на полку в теремке.

У СЛЕДОПЫТОВ УДМУРТИИ

О путях пройденных и непройденных

*Жилой дымок таежного привала
Домой уносит свежий ветерок,
Дорог другими пройдено немало,
Но хватит всем непройденных дорог.*

Слова этой песни звучат сейчас по всей стране. Но особый смысл вкладывают в них следопыты. Потому что им тоже хочется поговорить о путях, пройденных и непройденных, о том, как «пахнет гарью суп из концентрата», о тех молоденьких лиственницах, которые посадили за Ижевском ловкие руки посланцев всего Урала на Втором слете следопытов, о дружбе, которая рождается в походах.

Снова в дорогу!

В Удмуртии уже как-то привыкли, что следопыты — это школьники. Но так было до прошлого года, пока в Ижевске не узнали о рабочих и инженерах-конструкторах, которые завоевали переходящий приз «Уральского следопыта». Награда редкая, и молодежь гордится ею, как никакой другой: ведь получили ее на Всеуральском слете. Отдавать приз так не хочется!

— Постараемся оставить и себя, — решили комсомолы.

В начале февраля Галя Бабилова, руководитель заводских следопытов, собрала своих товарищей. И наметили план, да такой, что кое-кто сказал с недоверием:

— Ой, не справиться нам. Зря беремся...

А план вполне реальный. Решили между всеми цехами соревнования развернуть: кто в походах больше полезного сделает. Вышли, скажем, в малую экспедицию выходного дня. Уточнили количество осадков для метеорологической карты. Увидели, что неправильно хранятся минеральные удобрения или сельскохозяйственная техника — сфотографировали и сообщили об этом в штаб республиканского «комсомольского прожектора».

Весь февраль прошел в таких экспедициях. Народу в них участвовало много. Теперь на заводе не двадцать следопытов, а несколько сотен человек.

Одни изучают историю предприятия, помогают составлять почвенные и климатические карты отдельных районов Удмуртии. Первого марта большая группа заводских ребят выезжала в

экспедицию по пещерам Южного Урала. А в июле двадцать молодых рабочих, взяв одновременно отпуск, отправятся с геофизической экспедицией по родной республике. Им хочется пройти вместе с партней Удмуртской геологоразведки, поискать богатства земли, получить навыки исследовательской работы, а потом самим организовать самостоятельные выходы «в разведку» и делать пометки на карте Удмуртии. Это ли не заманчиво!

...Уточняются маршруты, комплектуются группы. Скоро в дорогу!

Подарок вождю

Сколько раз ходили семиклассники 44-й школы города Ижевска по площади имени Ленина, сколько провели праздников у памятника вождю, а вот не знали, что рядом, совсем близко живет один очень интересный человек, чье имя связано с именем Ильича. Почти каждый день ходит он по этой же дороге немного приземистой, но все еще быстрой походкой.

Услышали о нем ребята в городском следопытском штабе.

«В 1918 году Ижевск задыхался в огненном кольце. И именно в те дни пришла телеграмма. Владимир Ильич писал в этой телеграмме, что революции необходимо оружие, что надо немедленно освободить Ижевский и Воткинский заводы».

Рабочие отряды бросили все силы, чтобы выполнить задание Ленина. 7 ноября, в первую годовщину Октябрьской революции, они телеграфировали вождю: «Штурмом взят Ижевский завод». В память об этой победе решили ижевцы изготовить Ильичу подарок. Но какой?

Сделали специальную винтовочку, маленькую, сантиметров в тридцать, но действующую. Пусть посмотрит Владимир Ильич, какие умельцы живут на уральской земле.

Готовить подарок поручили Прокопию Васильевичу Алексееву, опытному мастерскому-лекальщику. Специальную обойму сделали, пули отлили, штык смастерили. Футляр красным бархатом выложили, а на медной табличке выгравировали памятную надпись.

Такой эта винтовочка и сейчас лежит в Москве в Центральном музее Владимира Ильича Ленина.

— Хотите инструмент посмотреть, каким винтовка делалась? — спросил Прокопий Васильевич у ребят. И положил перед следопытами крошеч-

ную дрель, микрометр, лекало и отвертку. Это все специально пришлось изготовить. Да и не одному Алексееву, а еще нескольким товарищам: Петру Кожевину, Ивану Лыскову, Максиму Хорькову.

— Говорят, Ильичу винтовочка очень понравилась,— улыбается Прокопий Васильевич.

Теперь семиклассники, проходя у памятника Ленину, обязательно показывают своим друзьям на домик по Красноармейской улице:

— А вот там Прокопий Васильевич Алексеев живет. Он подарок Ленину делал...¹

Теперь не подкачаем!

Случилась же беда на Всеуральском слете. Ребята из Шарканской школы победителями в следопытской игре могли стать, да запутались на маршруте. Вот и потеряли время.

— Теперь опытнее будем,— вспоминает августовскую историю преподаватель физкультуры Юрий Романович Шкляев.— И если добьемся права участвовать в следующем слете, то не подкачаем.

Это сказано не без основания. Хотя до слета еще немало времени, но следопыты не спят. Провели они поход «По следам зверей и птиц», готовят походы по охране природы. Стараются много узнать и запомнить: пригодится.

Свою команду тоже решили укрепить: из двух десятых классов отобрали самых сильных ребят и подготовили пятнадцать инструкторов по следопытской работе. Теперь уж не собьются с маршрута.

И еще один горький опыт учли шарканские следопыты. В прошлом году они обнаружили природную жилку волконскоита. Но, отобрав минерал для школьного музея, не сообщили никому о находке.

Потом узнали, что следопытов Почешурской школы, Можгинского района, Удмуртии наградили Почетной грамотой Центрального Комитета комсомола за открытие залежей бутового камня. Выходит, шарканцы зря «поскромничали».

Теперь они прочитали серию книжек о полезных ископаемых и с нетерпением ждут лета. Тогда представят на детскую экскурсионно-туристскую станцию и волконскоит и, может быть, что-то еще найдут, нужное стране.

Одним словом, постараются не подкачать!

А. АРТАМОНОВ

¹ Подробнее об истории этого подарка читайте в одном из ближайших номеров «Следопыта».

Редкий инструмент

Он стоит на сцене клуба металлургов в городе Нижняя Салда, Свердловской области. Изготовлен по особому заказу Петербургской фабрикой роялей фирмы Я. Беккер. Специалисты считают инструмент памятником музыкальной культуры конца XIX века, и поэтому Нижне-Салдинский горисполком предложил краеведческому музею взять рояль на учет и охранять.

В отличие от других инструментов фирмы Беккер этот, кроме обычной деревянной крышки, имеет внутреннюю зеркальную, семь крупных фигурных резонаторов. Слева от них — три миниатюрные вазочки, которые были украшены драгоценными камнями. Зеркальный пюпитр, красивые подставки для свечей.

До сих пор не известно, кто привез в Нижнюю Салду замечательный музыкальный инструмент. В предреволюционные годы он стоял в доме владельца мельниц Треухова. Говорят, что дочь его училась в Петербургской консерватории и в честь окончания учебы и приезда ее в город отец приобрел рояль.

В 1920 году инструмент конфисковали и передали средней школе, а затем в клуб имени Ленина. Предполагают, что впервые этот редкий рояль принадлежал известному металлургу К. П. Поленову.

П. ТОЛСТИКОВ

Загадки Чудского письма

Камни-писанцы на Урале с давних пор привлекали внимание исследователей. Первыми, кто рассказал о них, были замечательные географы начала XVIII века Семен и Леонтий Ремезовы.

1703 год...

«По Указу Великого государя (Петра I) и по грамоте и по приказу Ближних боярина и воевод

князя Михаила Яковлевича стольника, князя Алексея Михайловича Черкасских, дьяков Ивана Обретина, Матвея Маскина велено Тобольскому сыну боярскому Семену Ремезову ехать из Тобольска на Верхотурье с сыном своим Леонтием. Из Верхотурья на Кунгур для учинения вновь чертежа города Кунгура и уезду рек, сел и деревень».

Ранней весной собрался в дальнюю дорогу Семен Ремезов с сыном. Необходимо было показать...

«сходства вершин Сибирских рек с русскими. Коя отколь взялася и в которую реку впала для удобного железа с железных заводов перевозу, припасов всяких иных статей и близкий ход коею либо рекой до Камы реки и о местах каменных переборов и порогов и сопристойстве дела судов и ход легкими и тяжелыми судами днями и верст и близость Верхотурья с Кунгуром уездов...»

Развивающейся горнозаводской промышленности Урала требовались удобные и дешевые пути, связывающие его с центром России.

В дороге Ремезовы осматривали пещеры, скалы, исторические места. Особенно их заинтересовали камни-писанцы на реке Ирбит.

«Тавры», снятые с камней, они поместили в «Служебной чертежной книге С. У. Ремезова» вместе с планом Кунгурской пещеры. Сейчас она хранится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Ленинграде. Сотрудники расшифровали надписи над «таврами». В них Леонтий Ремезов подробно рассказывает, где расположены писанцы, как их найти.

Например, над рисунком четвертым читаем:

«С четвертого меж щелей гладкого слоя сия страница. Списана имущая на берегу видение к западу. Писано чудски от земли высоко сажени в две и в три, а всего камени, вышиной сажени в пять в шесть. Стоит по Ирбите реке ниже деревни Писанца сверсту на той же стороне».

В пятнадцати километрах от города Артемовского, на реке Ирбит, есть село Писанское. О нем и идет речь.

Расшифровка содержания рисунков пред-

ставляет большой интерес. Ясно, что они созданы с определенной целью.

Многие туристские маршруты следопытов идут к скалам-писанцам. Бережно осмотрите эти ценные исторические памятники, рассказы-вающие о жизни народов Урала.

Е. ДОРОФЕЕВ

Механик-самоучка

Этот снимок сделан в 1908 году. Механик-самоучка Семен Кузьмич Рудных, не имея специального образования, сконструировал паровой котел и двухцилиндровую вертикальную паровую машину, установил их на пароходике и катался со своими домочадцами по реке Пышме.

Известно его изобретение — не замерзающий зимой кран водонаборных колонок для паровоза.

Жил Семен Кузьмич в Камышлове, Пермской губернии (ныне Свердловская область).

Котел и машина до сих пор хранятся у его сына.

В первые годы Советской власти паровую машину использовали для молотбы хлеба.

П. КОШКИН

Крупская — член сельсовета

Это было осенью 1924 года. В зауральском селе Байны (бывший Шадринский округ) шло общее собрание граждан по выборам членов Байновского сельского Совета. Кто-то из крестьян предложил избрать почетным членом Надежду Константиновну Крупскую. Раздались дружные аплодисменты. Имя Крупской занесли в протокол избирательного собрания.

Об этом 12 ноября 1924 года сообщала шадринская окружная газета «Рабоче-крестьянская правда».

Л. ОСИНЦЕВ

ЮНГА

Документальный рассказ

В. ХМЕЛИНИН

Рисунки М. Заводчикова

Кольке Мантачу не так-то просто удалось стать юнгой. Говоря откровенно, если бы не случай в Потти, не бы-вать ему в команде катера, да еще военного.

Как-то после очередного похода катер стоял у гражданского пирса, запасаясь горючим и водой. Матрос-моторист, отплеываясь и чертыхаясь, засасывал бензин в шланг.

— Эй, братишка, ты сначала на детской соске потренируйся, дела-то лучше пойдут! — раздалось у него почти над самым ухом.

Матрос оглянулся и тут же пришел в ярость: оборванный, босоногий мальчишка, с консервной банкой у пояса, стоял рядом и скалил зубы в улыбке.

— А ну-ка, сматывай отсюда, пока цел! — крикнул моторист.

— Хочешь, помогу?

— Не твоего ума дело!..

— Фу, не моего! Да я, если хочешь знать, с батеи во как сейнера заправлял. А тут — какой-то катерок, подумаешь! — и мальчишка лихо циркнул сквозь зубы.

Матрос опешил.

— Да ты знаешь, салака, что этот катерок послал два «юнкера» и одну подлодку на дно ракушек ловить?!

Мальчишка вытарашил глаза.

— Ну? Вот здорово! Значит, вам и поросеночка подавали?¹

— А ты как думал? Сам командующий поздравление передал.

Появились несколько матросов в сопровождении боцмана.

Моторист, не торопясь, вытер руки о тряпку, разгладил усы и уже мирно спросил:

— Откуда сам-то будешь?

— Из Николаева.

— Родители есть?

— Погибли. От бомбежки, когда мы эвакуировались...

— С кем же ты теперь?

— Один.

— А, скажем, ночуешь где, кормишься?

— Ночую вон в той коробке, — мальчишка кивнул в сторону мола, где виднелся развороченный бомбами паровод. — А кормлюсь... То морячки что подбросят, то на базаре трошки перепадет.

— Гм... Да, невеселая жизнь.

— Эй, кок! — гаркнул вдруг боцман, пожилой коренастый человек, до этого молча наблюдавший за мальчишкой из-под насупленных бровей. — Вынеси-ка сала да пару банок тушенки, да хлебца не забудь.

Он запустил толстые растопыренные пальцы в черные спутанные волосы подростка и легонько потянул кверху.

— Звать-то как?

Мальчишка высвободил голову, вски-

¹ По обычаю, существовавшему во время Великой Отечественной войны, команде корабля или экипажу самолета, потопившего подводную лодку врага, подавался жареный поросенок.

нул руку к голове и, шлепнув заскорузлыми пятками, отрапортовал:

— Колька Мантач, товарищ мичман! Раздался дружный смех.

— Бывалый пацан, ничего не скажешь! — заключил моторист. — Матросская косточка...

Боцман окинул с ног до головы худенькую фигурку.

— Вот что, Колька, запомни: к пустой голове руку не прикладывают. Не в степи, а у моря живешь... А вы что цирк на пирсе устроили?! — крикнул он на матросов.

Подшел повар, держа под мышкой солидный сверток.

— На-ка вот, подкрепись пока, — сказал боцман, подавая сверток мальчишке.

Тот протянул было руки, но тут же отдернул их и опустил голову.

— Не надо мне ничего...

— Бери, бери, мы от чистого сердца.

— Спасибо. А только я согласен голодать, если бы... если бы вы взяли меня в юнги.

— Из такого толк будет! — почти крикнул один из матросов.

Товарищи дружно поддержали его.

— Тихо! Не суйтесь поперед батьки в пекло! — И боцман, обращаясь к мальчишке, спокойно произнес: — Вот что, Колька, приходи часа через два к тому буксиру, что бонами¹ гавань закрывает! Знаешь?

Колька вытянулся в струнку, опустив руки по швам, и по-военному повторил:

— Есть через два часа подойти к буксиру, что бонами гавань закрывает!

Повернувшись через левое плечо, он пулей сорвался с места и скрылся за углом. А боцман, улыбаясь в усы, так и остался стоять со свертком в руках.

— Ну и пацан! Добрый будет моряк!.. — заговорили матросы с восхищением.

Вечером, вымытый, постриженный, в

¹ Боны — плавучие ограждения, препятствующие проникновению кораблей противника в гавань.

новенькой робе и полосатой тельняшке, Колька сидел в кубрике за одним столом с матросами и уплетал макароны с хрустящими шкварками. Дверь внезапно отворилась, и показался командир катера, старший лейтенант Скляр. Лицо его не предвещало ничего хорошего.

В кубрике повисла тягостная тишина. Матросы медленно жевали, обмениваясь короткими взглядами, а Колька спрятал руки под стол и сидел, вобрав голову в плечи.

— Что за гость у вас, боцман?

— Мальчонка... прибился, товарищ старший лейтенант. Нет ни отца, ни матери. Вот мы и решили тут...

— Что решили?

— Взять на корабль... юнгой, товарищ старший лейтенант!

Произнеся эти слова, боцман почувствовал, будто у него гора свалилась с плеч.

— В нарушение приказа командующего и в обход командира катера? Мальчика накормить и отправить на берег.

Боцман переступил с ноги на ногу.

— Пропадет пацан, товарищ старший лейтенант. Сами знаете, время какое.

Командир нахмурился.

— Боевой корабль — не детский сад. Не в игрушки играем. Отправить!

И тут будто прорвало молчавших матросов:

— Пропадет пацан на берегу, как пить дать, пропадет!

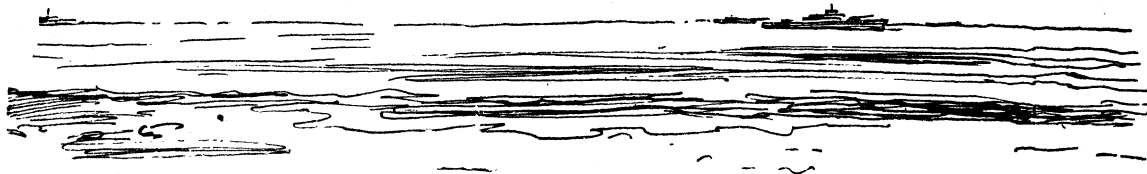
— Никто не осудит нас за доброе дело!

В душе боцман был доволен поддержкой товарищей, но для порядка крикнул:

— Что шумите, как на базаре? Дисциплина!

Стало тихо. Поднялся широкоплечий матрос.

— Я думаю так, — сказал он, — наш корабль — не яхта для веселых прогулок. Это верно. Но кто поручится, что для настоящего моряка вредно начинать

с такой школы? Я, к примеру, в гражданскую сразу попал под огонь, а было мне в ту пору меньше, чем этому пацану. И, как видите, ничего, не хуже других.— Матрос приложил руку к груди и смущенно пробормотал:— Не примите за бахвальство, не для того я...

Раздались голоса:

— Правильно, Сысоев!

— Без огня закалки не бывает!

— Ну, а нюни он не распустил, в случае чего... — Сысоев посмотрел на мальчика.— Как, Колька, правильно я говорю?

Колька вскочил и, задыхаясь, проговорил:

— Пусть у меня глаза лопнут и язык отнимется, если я подожду хвост, как тот пест поганый!

Так Колька Мантач оказался в команде сторожевого катера и в эту же ночь вместе со всеми отправился в поход.

Пользуясь густым туманом, катер успешно справился с заданием и взял курс на базу.

Колька напряженно всматривался в туман, и ему даже показалось, что маленькое суденышко с обледенелой палубой безнадежно заплуталось в морском просторе.

— Усилить наблюдение!— раздалось с мостика.

— Есть усилить наблюдение!— тотчас откликнулся впередсмотрящий.

— Есть... наблюдение!— донеслось с кормы.

— Юнга, ко мне!

Маленькая юркая фигурка в канатке сорвалась с места и бросилась к мостику.

— Товарищ командир, юнга Мантач прибыл по вашему приказанию!— подняв голову и держа руку у виска, четко доложил Колька.

— Почему стоите вторую вахту подряд?

— Виноват.

— Кто вас должен сменить?

— Комендор Сысоев.

— Где же он?

— Комендор Сысоев в кубрике, товарищ командир.

— Он заболел?

— Никак нет, комендор Сысоев здоров. Я хотел, чтобы комендор отдохнул покрепче и бил фашиста без промаха, если начнется бой.

— Советский моряк в любых условиях должен бить врага без промаха, юнга.

Некоторое время командир молча рассматривал лицо Кольки. Ему нравились его доверчивые голубые глаза с густыми длинными ресницами (точь-в-точь как у сына Валерки), по-детски пухлые губы. Потом почти ласково сказал:

— Идите в кубрик, юнга. — И, наклонившись к мегафону, строгим голосом произнес: — Боцман, вызвать на вахту комендора Сысоева!

Едва Колька спустился в кубрик, как раздался сигнал боевой тревоги. В одно мгновение он очутился снова на палубе. В разрывах облаков был виден кусочек голубого неба, а в нем — гудящий «Мессершмитт».

— Кормовое и пулеметы, по самолету — огонь! — донеслось с капитанского мостика.

Огненный шквал рванулся навстречу вражескому самолету. Отвалив в сторону, он быстро ушел за облака.

— Смотреть в оба! — приказал командир.

Фашисты, обнаружив катер, не ду-

мали отказываться от его преследования.

Вскоре послышались голоса вахтенных:

— Прямо по носу — самолет!

— Два на траверзе справа!

Вокруг катера поднялись столбы воды. Не прерывая огня, катер то бросался в сторону, то, содрогаясь всем корпусом, замирал на месте. Командир, работая рычагами телеграфа, отрывисто командовал:

— Право руля! Лево руля! Так держать!

Появились раненые. Колька с медицинской сумкой появлялся то в одном, то в другом месте.

— Есть один! — восторженно закричали на баке.

Оставляя за собой дымный хвост, самолет врзался в воду. Однако атаки не прекращались. Вот замертво упал Сысоев, и на его место встал электрик Сиротин. Комендору Куропятникову оторвало правую руку...

— Командира убило!

Колька ринулся на мостик.

— Жив он, жив!..

Скляр был ранен в плечо. Колька сделал ему перевязку. Командира подняли и укрыли за тузиком.

— Выпейте, товарищ командир! — Колька поднес к губам раненого фляжку.

Старший лейтенант сделал несколько жадных глотков и уставился тревожным взглядом туда, где положено быть флагу. Колька поднял голову и ахнул: флаг вместе с гафелем был начисто срезан осколком вражеской бомбы. «Потерять флаг? Нет, этому не бывать!» Он выхватил из сигнального ящика запасной флаг и, зажав его в зубах, стал карабкаться вверх. Катер бросало из стороны в сторону, над ухом свистели осколки и пули, но Колька упрямо, вершок за вершком подвигался к цели. Вот и клотик. Еще минута, и паренек скользнул вниз.

Матросы увидели затрепетавшее на ветру полотнище.

— Ура!..

Четыре часа отчаянно дрался маленький катер с фашистскими самолетами. И только когда второй «Мессершмитт» рухнул в пучину, стервятники отказались от дальнейшего преследования израненного, но грозного военного корабля.

РАЗВЕДЧИК ТРУДНЫХ ДОРОГ

Сто лет назад по реке Войкар, что прорезает пустынные просторы Приполярного Урала, поднималась тяжело груженная лодка. Гребцы давно уже сменили весла на бечеву и с трудом преодолевали быстрое течение. Один из путешественников стоял на корме и делал промеры глубин. Он громко, стараясь перекричать шум реки, сообщал цифры, а человек на носу лодки записывал их в путевой журнал...

Так добралась лодка до устья реки Милькеи (Нельки), впадавшей в Войкар справа. Здесь путников поджидали олени.

В этот день в путевом журнале было записано:

«Погода стояла ясная и тихая. Величественный Урал казался испещренным черными и белыми пятнами от таявшего снега. Цепь его, то возвышаясь, то понижаясь, тянулась на необозримое пространство к северу... Я долго смотрел на эту картину и удивлялся сочетанию дикости и красоты природы в одно изящное целое...»

Но не красоты природы привлекли автора заметок на Северный Урал, не они заставили его терпеть лишения и опасности в этом трудном путешествии. В путевом журнале имеются сведения о полезных ископаемых, о целебных источниках, о горных породах. Путь по Войкару на лодке и дальше на оленях описывается подробно и толково — видно, что у путешественника зоркий глаз, что человек он бывалый, опытный...

Однако и эти полезные сведения не были тем главным, ради чего предпринималось путешествие.

Покинув долину Войкара, путник направился на оленях к подножию Уральских гор и здесь, осмотрев ряд ущелий, образуемых истоками Войкара, нашел то, что искал.

«Одна из вершин реки Войкара, прорезав Урал, у берегов своих образовала ровную долину, довольно возвышенную над уровнем воды. Следуя прямо на запад, дошел я до двух небольших озер, из которых бежали в противоположные стороны маленькие ручьи — одни на запад, а другие на восток. Эти озера мне показали, что я был на середине Урала... К западу увидел я необозримую площадь, усеянную небольшими сопками, между которыми извивалась речка Кокпыла. Речка эта вытекала из

вышеупомянутого озера. Через всю эту местность очень удобно проложить дорогу...»

Так вот что было главным в этом путешествии! Дорога, соединяющая Сибирь и Россию, Обь и Печору!..

Горная река Войкар оценивается с тех же позиций: «Чтобы сделать Войкар судоходным, к чему способствует ширина и глубина его, необходимо только разобрать восемь переборов, а как на нем образовались острова и много русел, то оставить только одно русло, которое шире других и глубже, прочие же запрудить...»

Перевалив Урал, путешественник спустился по рекам Ленве и Усе до Печоры. По пути он открыл месторождения известковых и глинистых сланцев, песчаника, синей фарфоровой глины, источники серных вод, каменный уголь, бурую охру, а возле горы Адак обнаружил магнитную аномалию.

Тщательно записав все открытия и убедившись, что реки западного склона Урала судоходны, исследователь повернул обратно и 29 августа прибыл в Обдорск, откуда 10 июня начал новый путь на лодке.

Кто же был этот человек? Что заставило его изыскивать пути через Северный Урал?

Прежде чем ответить на эти вопросы, следует вспомнить, что в русских газетах 1860-х годов нередко печатались материалы об оранienбаумском купце М. К. Сидорове. Не стесняясь в выражениях, издеваясь, газетчики награждали его фантастическими титулами: «Генерал-губернатор Новой Земли», «Фельдмаршал Шпицбергена» и т. д. Между тем М. К. Сидоров был энтузиастом освоения севера России, с его именем связаны первые практические шаги в этом важном деле. Он начал раз-

рабатывать графитовые месторождения на Курейке, каменноугольные залежи в Туруханском крае, разведывал золото и другие полезные ископаемые. Много сил он отдал разведке и проведению новых путей сообщения. Мечтой Сидорова было соединить Енисей с Печорой удобными и кратчайшими водными и сухопутными дорогами. Он пытался получить разрешение прорыть канал между реками Турухан и Таз, чтобы иметь возможность вывозить графит из Курейки в Обскую губу, а оттуда за Урал в устье Печоры, где курейский графит перегружался бы на иностранные суда.

На этот смелый проект он получил исключительный по своему обнаженному идиотизму ответ от правительственных чиновников: «Если бы канал был нужен, то он был бы построен и без Сидорова, а так как этот канал не нужен и проведение его на севере решительно невозможно, то в просьбе Сидорову отказать...»

Так вот, путешествие по Северному Уралу, о котором говорилось вначале, было совершено доверенным лицом М. К. Сидорова — Юрием Ивановичем Кушелевским.

Это был смелый человек, прирожденный путешественник, отлично знавший условия Севера. Живи он не в царской России, его имя было бы широко известно: Кушелевский совершил в 1860-е годы четыре сложные экспедиции по северу Сибири и Урала, имея основную цель — найти сухопутное и водное сообщение от Енисея до Печоры, через Уральский хребет.

В 1862 году он пересек по компасу тундру между Салехардом и Тазом и провел по этому пути большой обоз из 96 нарт, проложив зимнюю дорогу по безлюдным просторам.

На следующий год Кушелевский разведал водный путь из Обдорска до среднего течения реки Таз. Для этой цели под Тобольском, в Ахманайских юртах, построили шхуну, которая, получив имя «Таз», отплыла с грузом из Тобольска 4 июня 1863 года.

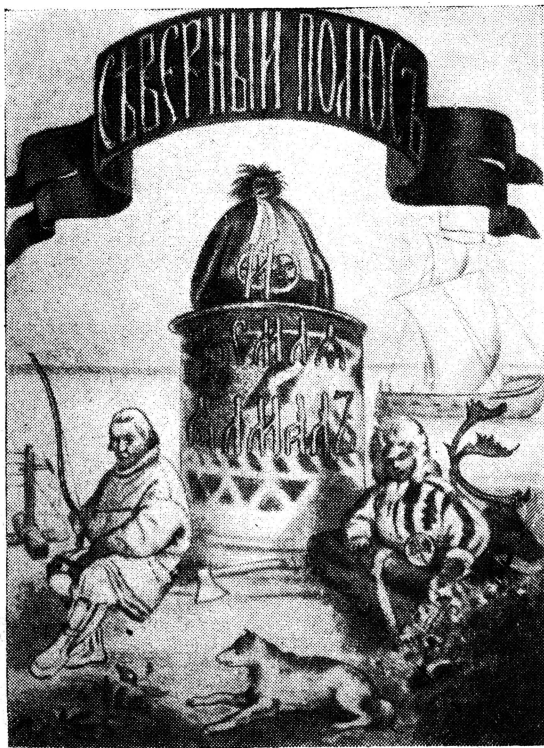
После долгого пути, опасных приключений в неизведанных водах Обской и Тазовской губ шхуна прибыла к месту назначения — бросила якорь близ того места, где некогда была легендарная Мангазея. Кушелевский оставил шхуну и, несмотря на позднее время (была уже вторая половина августа) и усталость, отправился в новое путешествие. Он поднялся на 300 верст вверх по реке Таз, затем дальше по одному из ее притоков и вышел на водораздельные озера.

После трудного пути, разбивая лед на замерзающих озерах, вдвоем с ханты Николаем Кушелевский пробился к Туруханску. Был найден путь для будущего канала, соединяющего Таз с бассейном Турухана!

А зимой он снова отправился в дорогу — пересек тундру между Туруханском и Обдорском. Лишь 15 января 1864 года Кушелевский прибыл в Обдорск (Салехард), измученный дорожными передрыгами, большой цингой...

Но едва наступила поздняя северная весна 1864 года, как Кушелевский снова был готов в дорогу. На этот раз он устремился на лодке вверх по Оби до устья горного Войкара. Путешествует по Полярному Уралу Кушелевский и в следующий год. Он пересекает Полярный Урал по нескольким направлениям, исследует его от верховьев Ляпина до Пай-хоя, терпит лишения, подвергается опасностям.

Обложка книги Ю. Кушелевского

Надобно помнить, что Полярный Урал тогда был почти не изучен и Кушелевский прокладывал совершенно новые пути. Он не только открывал полезные ископаемые и исправлял старые карты, но и внимательно знакомился с населением Севера. В его записках много места уделено этнографическим наблюдениям. Он один из первых составил русско-ненецкий словарь и опубликовал его.

Кушелевский полон сочувствия к народам Обского севера. Его поражают богатства природы Урала и «поразительная бедность» его обитателей. Он восклицает: «когда придет то счастливое время», при котором «народы Севера получат средства и возможность извлекать и сбывать богатства, которые рассыпаны в их благодатной стране?»

В 1868 году Кушелевский издал книгу о своих путешествиях, ставшую теперь библиографической редкостью: «Северный полюс и земля Ялмал». Название книги странное, совершенно не соответствует ее содержанию. Содержание книги точно передает развернутый подзаголовок:

«Путевые записки Ю. И. Кушелевского, веденные во время бытности автора на государственной службе в Обдорске в 1852, 1853, 1854 годах и во время экспедиций 1862, 1863, 1864 и 1865 годов, предпринятых им для открытия сухопутного и водяного сообщения на севере Сибири от реки Енисея через Уральский хребет до реки Печоры».

Книга Кушелевского была высоко оценена в свое время. Ей предпослана следующая рекомендация: «Путевые записки Ю. И. Кушелевского до издания сего анализированы гг. политико-экономами и одобрены, с признанием трудов его государственною пользою». И в наши дни специалисты отдадут должное наблюдательности автора.

Чего же практически добился Кушелевский в результате всех своих усилий? Удалось ли ему осуществить свой замысел?

В то время как он путешествовал по Войкару и пересекал Уральский хребет, в Обдорск

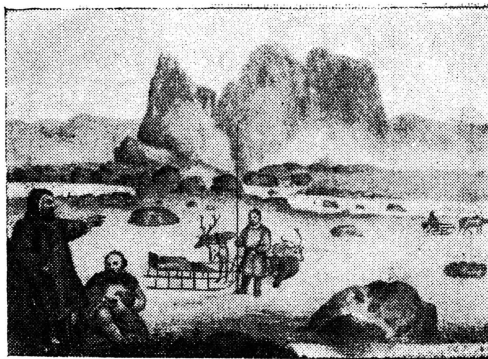

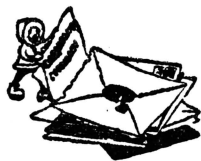
Рисунок из книги Ю. Кушелевского.

благополучно прибыла шхуна «Газ» с грузом курейского графита. Затем по пути, открытому Кушелевским, было перевезено на оленях и лодках через Урал 500 пудов графита. И, наконец, графит в том же году достиг устья Печоры. Все было хорошо, успех увенчал все усилия.

Но все оказалось не так. В устье Печоры Кушелевский и Сидоров столкнулись с такими препятствиями, перед которыми все опасности путешествия по Северному Уралу казались пустяками. Архангельский губернатор неожиданно категорически запретил вывоз графита на том основании, что в устье Печоры... нет таможенного пункта. Пока купец Сидоров доказывал абсурдность этого решения и добивался его отмены, настал ледостав... Сидорову пришлось заплатить крупную сумму неустойки.

Таков финал усилий Кушелевского, итог его четырехлетнего путешествия по суровому северу Сибири и Урала. Не помог Кушелевскому и хвалебный отзыв «господ политико-экономов». Только в наше время Полярный Урал пересекала железная дорога по одному из маршрутов, некогда пройденных Кушелевским — одним из энтузиастов освоения Севера в прошлом.

Виктор УТКОВ

Борцам революции

Этот памятник на Вышке, в Мотовилихе, особенно хорошо виден с Камы. Красный флаг, реющий над ним, напоминает о революционных боях мотовилихинского пролетариата. На этом месте 10 июля 1905 года произошла кровавая расправа над рабочими и их семьями. Жертвой произвола пал старый рабочий Лука Борчанинов.

Поэтому именно здесь решили поставить в 1920 году памятник. Автором его был Василий Евлампиевич Гомзиков, участник революции 1905 года.

По проекту памятник должен был представлять часть земного шара. По бокам — бетонные надгробья. На постаменте по углам слова: «Пусть наши дела будут основой мировой коммуны труда». И, наконец, сверху — паровой молот с надписью: «Слава павшим бойцам» и серп с колосьями. Скульптурное сооружение заканчивалось флагом из металлической сетки с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединитесь!». При постройке этот проект был несколько изменен.

Е. ХАРИТОНОВА

ВОДКА

ВОДКА

ВОДКА

Ю. ДОЛЬД-МИХАЙЛИК

Рисунки С. Киприна

Приключенческий роман

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Герр Шлитсен

теряет равновесие

Потирая от удовольствия руки, в кабинет Фреда Шульца вошел Ворон, веселый, возбужденный, будто только что получил из Англии давно ожидаемую посылку с двумя ящиками «смирновской» водки.

Фред знал характер старика: его не надо ни о чем расспрашивать, он все расскажет сам.

Генерал несколько раз прошелся по комнате, сел на диван, но через секунду вскочил и выключил телефон.

— Вы Шлитсена сегодня не видели? — наконец спросил он.

— Нет.

— Советую не попадаться ему на глаза.

— Не такое уж он высокое начальство,

Продолжение. Начало см. в № 8, 1963 г.

чтобы бояться встретиться с ним, даже когда он в плохом настроении!

— В плохом? Не то слово. В убийственном! Ужасном! Попал, как кур во щи! И кто? Шлитсен! Всех поучает, всем дает директивы, указания, а сам...

Ворон хохотал, топал ногами, хлопал себя руками по бедрам.

Фред знал, что Нунке терпеть не может Шлитсена, Шлитсен очень не любит Ворона, а Ворон ненавидит их обоих. И, если у него сегодня такая радость, значит, у Шлитсена и в самом деле большая неприятность.

Фред встал, налил стакан воды и подал генералу. Тот отвел его руку.

— Не воду, а водку я буду пить сегодня! Напьюсь, как сапожник! До зеленого, как говорят, змия!

Между Шлитсеном и Шульцем уже несколько раз возникали довольно острые стычки, и каждая из них увеличивала чувство неприязни, которую они испытывали друг к другу. Ворон это знал и, наверное, именно поэтому пришел сейчас к Фреду.

— Да скажете ли вы, в конце концов, что случилось?

Генерал сел, почти вплотную придвинув стул к креслу Фреда.

— А как же! Для этого и пришел... Помните, перед вашим отъездом в Мюнхен я рассказывал вам об операции «Прогулка», подготовленной Шлитсеном?

— Помните что-то, в общих чертах...

— Речь шла о засылке большой группы агентов в прибалтийские города Восточной зоны Германии — Висмар, Варнемюнде и Росток. Вспомнили? Сославшись на важное значение этой операции, Шлитсен сам готовил ребят, сам снаряжал их в путь. Хотел, так сказать, похвастаться, показать наивысший класс! Вы, мол, господин Ворон, — дурень царя небесного, а вот я, смотрите, каких орлов подобрал, как их вымуштровал, как хитроумно план самой засылки построил... Особенно надежной Шлитсен, а кстати сказать и Нунке, считал группу, засланную в Росток под видом освобожденных из русского плена. Документы им дали — пальчики оближешь...

— Да, да, теперь я вспомнил... Вы же мне об этом подробно рассказывали, — прервал его Фред, которому не терпелось поскорее узнать, что именно произошло.

— К общему нашему удивлению, длительное время связи с группами не было...

— Тоже припоминаю.

— И вдруг недели три назад связь установилась. Да еще какая — регулярная, секунда в секунду!

— Вот это для меня новость!

— Шлитсен ходил гоголем. Думбрайту — подробная шифровка. Не знаю, что он ответил, только Шлитсен еще выше нос задрал. А «орлам» — все новые и новые задания...

— А оттуда что?

— Шифрованные отчеты о выполнении, требования прислать еще людей, поскольку объем работы увеличивается... Именно это и обеспокоило Нунке. Втайне от Шлитсена он перебрал в Восточную зону Бломберга, знаете «Черного», ну «Шварца»?

— Впервые слышу.

— Ловкий, черт! Побывал во всех трех пунктах. Вчера возвратился.

— И что же?

Ворон снова захохотал.

— Провал! Провалились все до единого! Сидят, голубчики, как чижики! — Ворон переплел пальцы обеих рук наподобие решетки и приставил их к глазу. — Больше того: явочные квартиры, подготовленные еще покойным гестапо, раскрыты все без исключения!

— Но связь? Она же была регулярной!

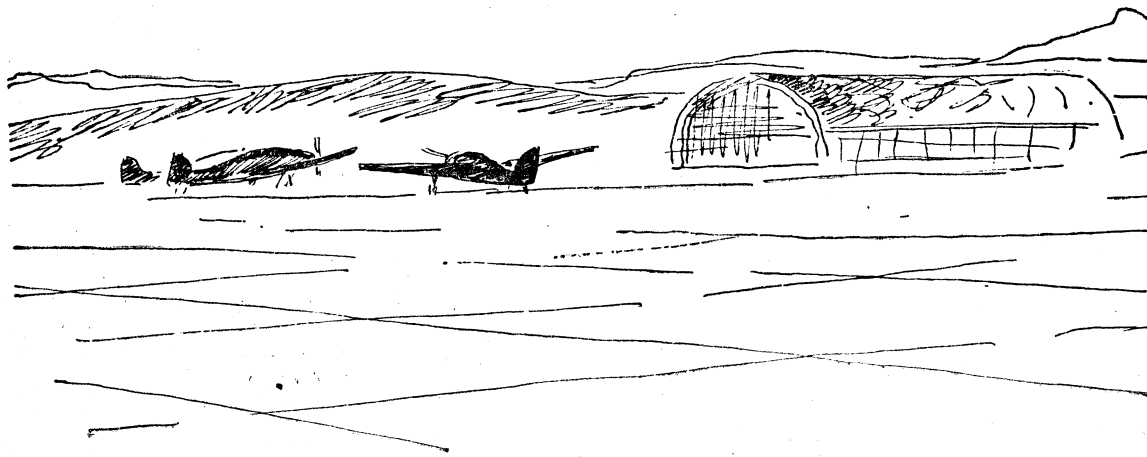
— Была! И регулярной! Только поддерживала ее... советская контрразведка!

Лицо Фреда Шульца оставалось серьезным, хотя именно он имел основание и радоваться, и смеяться.

— Представляете себе, — продолжал Ворон, — вся агентура сидит в тюрьме, а высокочтимый герр Шлитсен дает советской контрразведке задание за заданием! Почти пятую часть немецкого отдела школы послал... Как вам это нравится?

Фред нахмурил брови.

— Не разделяю вашей радости, господин генерал, и, признаться, совсем вас не пони-

маю. Шлитсен, конечно, не тот человек, которому можно посочувствовать, я и сам его не люблю, но ведь речь идет не о нашей с вами приязни или неприязни к нему, а о близком нам общем деле. Это не Шлитсен, а наше дело потерпело неудачу! Как же вы можете...

— Прямолинейность мышления, Фред, присущая вам, немцам! А психология человека — вещь сложная. Наш мозг со всеми его извилинами — это же настоящий лабиринт! С перекрестками, тупиками, неожиданными поворотами вправо, влево, назад... Взять хотя бы меня. Ненавижу большевиков? — Всей душой! Враг мне новая Россия? — Непримиримый! Казалось бы, яснее ясного: вреди, разрушай, взрывай, бей в самое больное место! Я это и делаю. А мысль, руководящая моими действиями, вдруг юрк куда-то в сторону. «Ишь, у них пена у рта появляется, когда услышат о достижениях русских, а те, знай себе, строят, знай наращивают силу», — злобно шепчет какой-то голос. И при этом, заметьте, ненависть к моим бывшим соотечественникам не уменьшается, а увеличивается. Знаю, что занесу руку для нового удара, мечтаю, чтобы удар этот был смертельным! Вот и разберитесь в этой двойственности чувств. Мне когда-то пришлось видеть одного убийцу, который до смерти замучил свою мать, а потом слезами обливался над ее трупом. Думаете, неискренними? В том-то и дело, что проливал он их от чистого сердца.

— Это, господин Ворон, какая-то патология.

— А где граница между патологией и нормальным состоянием? В наш век...

В коридоре послышались шаги, и Фред мгновенно включил телефон.

— Очень неприятно, что так случилось, — сказал Шульц, и нотки глубокой грусти зазвучали в его голосе.

— Такой удар по школе! — вздохнул Ворон.

Двери без стука растворились, и в комнату вошел Шлитсен. Куда девались его надменность и спесь! Он похож был сейчас на посетителя, стыдящегося взглянуть в глаза своим благодетелям.

— Вы не знаете, Фред, куда и надолго ли уехал Нунке? — спросил заместитель начальника школы, тщетно стараясь скрыть свое беспокойство.

— В Фигерас. Я вчера дежурил и видел, как он уезжал. А, когда возвратится, спросить не решился. Он был то ли взволнован, то ли рассержен чем-то...

— Так и есть, очевидно, успел узнать! — с отчаянием вырвалось у Шлитсена, но тут же он попробовал овладеть собой и обратился к Ворону: — Вас, кажется, разыскивает зачем-то дежурный.

И Фред, и генерал поняли: это только предлог — Шлитсену хотелось остаться с Шульцем с глазу на глаз.

— Неприятность? — осторожно спросил Фред, когда Ворон вышел.

Шлитсен опустился на стул, подпер голову рукой и уставился в какую-то точку на полу.

— Огромная! — наконец выдавил он из себя. — Ничего подобного никогда со мной не случалось... Не обидно было бы, если бы и в

самом деле допустил какую-нибудь ошибку или неосторожность! Так нет же! Перебираю в памяти мельчайшие подробности, самые незначительные, и не могу найти ничего такого...

— Извините, герр Шлитсен, но я не знаю, о чем идет речь.

— Да, да... Я ведь ничего еще не рассказывал... Нарочно отослал Ворона, этого старого болтуна, чтобы остаться с вами наедине, а теперь... просто язык не поворачивается.

— Вы меня встревожили! Но если вам неприятно говорить об этом...

— Э, рано или поздно придется. Лучше уж сразу. — И, прерывая свой рассказ жалобами на какое-то непонятное стечение обстоятельств и событий, Шлитсен рассказал, что произошло. Фред молча слушал, время от времени сочувственно покачивая головой.

— И главное, невероятно, чтобы кто-то выдал нас! — горячился Шлитсен. — Всю операцию мы планировали вдвоем с Нунке. Только со временем привлекли Ворона: работая еще в царской разведке, он хорошо изучил все балтийское побережье. Ворон — пьянчужка, немного болтун, но даже в состоянии совершенного опьянения о таких вещах и словом не обмолвится. Приобретенный в течение десятков лет опыт действует тут, как механический регулятор... Мы с Нунке проверяли. Ворон, безусловно, вне подозрений.

— А вы не допускаете мысли, что в группе, засланной вами, был двойник, завербованный в свое время советской контрразведкой? На мгновение Шлитсен задумался.

— Нет! — твердо возразил он. — Все ребята испытанные, да и знаю я их не первый день, а еще со времени оккупации Украины.

— Разве вы были на Восточном фронте? — удивился Фред.

— Весь сорок второй год... Нет, даже несколько последних месяцев сорок первого. Начальником особой команды... — губы Шлитсена скривились в усмешке, будто пробежал по ним отблеск далеких приятных воспоминаний. — О, это были времена! Незабываемые и неповторимые!.. Киев, Житомир, Винница, снова Киев... Тогда верилось, что это бесповоротно и навсегда.

— Много немецких солдат и в самом деле навсегда осталось на русских просторах. Навеки... А, впрочем, им можно позавидовать. Они сложили головы в то время, когда слава рейха достигла наивысшей точки, и никто еще не догадывался о будущем поражении, о брошенных под ноги русским знаменах, о Нюрнбергском процессе...

Шлитсен быстро опустил веки, но Фред успел заметить, что в его мутных бледно-серых глазах промелькнул страх.

— Герр Шлитсен, вы не обидитесь, если я... — Фред умолк, будто колеблясь.

— Вы немец, и я немец. Мы можем разговаривать откровенно, — буркнул Шлитсен.

— Именно поэтому я и разрешаю себе... Не считите это за наглость, ведь вы старше меня — и чином, и по возрасту — и советовать вам что-то...

— Повторяю, можете говорить откровенно.

— Видите ли, я исхожу из правила: береженого бог бережет. Мы тут, конечно, все свои, но обстоятельства, ситуация со време-

нем могут ведь как-то измениться... Всегда следует предусматривать и самое худшее...

— Хорошо, хорошо, все это понятно. Дальше! — заволновался Шлитсен.

— Вы только что рассказали мне о своем пребывании на оккупированной Украине, в частности, в Киеве. Говорили, что работали начальником особой команды... Не советовал бы вам распространяться об этом. Вы же знаете, какой шум подняла мировая пресса вокруг Нюрнбергского процесса над так называемыми военными преступниками. Очевидно, обратили внимание и на то, что очень часто вспоминается и Бабий Яр. Если сопоставить ваше пребывание в Киеве, время, должность начальника особой команды... вы понимаете, какой напрашивается вывод?

Шлитсен поднял на Шульца глаза. В его взгляде теперь был уже не страх, а нескрываемый ужас.

— Вы считаете... вы думаете... — запинаясь, лепетал он.

— Да, в ходе процесса может всплыть и ваше имя, — неумолимо продолжал Фред. — Зачем же вам самому нарываться на неприятности из-за лишней болтовни! Извините, я выражаюсь резко, но...

— Глупости! До Испании их руки не дотянутся! — почти истерически воскликнул Шлитсен. — Даже, если бы возник вопрос обо мне!..

— Конечно! А впрочем...

— Что «впрочем»?

— Только вчера я просматривал итальянские газеты. Они сообщают... Кстати, вот как раз одна из них! Послушайте! — Фред медленно и раздельно прочитал:

— «Как сообщает наш корреспондент из Мадрида, большое количество бывших нацистов, боясь ответственности за совершенные во время войны преступления, спешат выехать из Испании в страны Латинской Америки...»

— Не пойму! Ведь Франко...

— Бедняга Франко чувствует себя не совсем уверенно. Ведь он не просто сочувствовал Гитлеру и Муссолини, но и помогал им сырьем для военной промышленности, его «голубая дивизия» воевала на Восточном фронте... Ясное дело, он теперь будет выслуживаться перед победителями.

— И вы думаете? — хрипло спросил Шлитсен.

— Франко понимает: ему не следует сейчас дразнить тех, на чьей стороне сила. Он, не задумываясь, может пожертвовать десятком-другим немцев, чтобы задобрить союзников и хоть немного, для отвода людских глаз, реабилитировать себя...

Завонил телефон. Фред, не торопясь, снял трубку.

— Слушаю. Добрый день! С возвращением... Да, у меня. Хорошо!

Шлитсен, подняв брови и всем телом подавшись вперед, прислушивался к разговору.

— Возвратился Нунке, — пояснил Фред, кладя трубку. — Срочно вызывает вас к себе.

Опираясь обеими руками о стол, Шлитсен медленно поднялся. Нижняя губа его отвисла, слегка дрожала, на небритых сегодня щеках яснее обозначились борозды — морщины.

— Придется идти! — хрипло произнес он и, тяжело переставляя ноги, поплелся к дверям.

Глядя на его сгорбленную спину, бессильно висевшие вдоль туловища руки, почти лысый затылок, Григорий на мгновение представил себе другого Шлитсена: наглого завоевателя, безжалостного палача, который с выражением гадливости на лице поднимает вверх два пальца, подавая знак, что можно начинать страшную расправу над тысячами беззащитных людей. О, тогда герр Шлитсен не думал о наказании! Он упивался своей безграничной властью над ранеными красноармейцами, стариками, женщинами, детьми... Гордился своей принадлежностью к «высшей» расе...

Надеялся на безнаказанность! А стоило лишь намекнуть ему на возможность ответственности, куда девались и самоуверенность и спесь! Чуть в обморок не упал от страха. Вот тебе и «супермен»!

Телефон вывел Григория из задумчивости. Звонил Нунке:

— Берите мою машину и немедленно на аэродром! Приезжает майор Думбрайт. Извинитесь за меня: я не могу его встретить, у меня неотложное дело.

Дорога до плато, приспособленного под учебный аэродром школы, заняла минут двадцать. Остановившись у одинокого домика, служившего одновременно и служебным помещением, и залом ожидания, Григорий вышел из машины и с сомнением взглянул на небо. Ветер гнал клочковатые тучи, они то собирались, то расходились вновь, между ними возникали неожиданно синие просветы-проруби и так же мгновенно исчезали, будто смытые огромной серой кистью. Погода явно не благоприятствовала полету! И в самом деле, дежурный по аэродрому сказал, что самолет посадки еще не запросил.

Не заходя в помещение, Григорий двинулся вдоль кромки летного поля, радуясь одиночеству и тому, что вырвался хоть на время из опостылевшей школы. Прохладный осенний ветер будто подгонял мысли, нес их через горы, моря, границы.

Киев... Григорий видел его еще в развалинах. Как выглядит он сегодня? В газетах, поступающих в русский отдел, пишут о его восстановлении. Каким же будет теперь родной город?

Если закрыть глаза и встать лицом против ветра, можно представить себя на берегу Днепра.

Как запечатлелась в памяти каждая деталь открывающегося с высоких круч пейзажа! Неповторимого, только Киеву присущего... Сейчас там, наверное, уже поздняя осень. А может быть, и нет. Может быть, наднепровские парки стоят еще в золоте и багрянце, будто факелы, пламенея на фоне кристально чистой синевы неба.

Здесь тоже наступила осень. Чужая осень... Он не заметил даже, как она пришла. Потому что время будто остановилось. Оно измеряется для Григория только тем, что сделано, и тем, что предстоит еще сделать...

До его слуха донесся гул мотора. Дежурный по аэродрому и авиамоторист уже бежали к бетонной дорожке. Вздохнув и проведя

рукой по лицу, будто отгоняя далекое видение, Григорий тоже направился на летное поле.

— Хэлло, Фред! — едва ступив на трап, крикнул Думбрайт. По всему было видно, что фактический начальник школы чем-то взволнован.

— Привет, босс!

Думбрайт любил похвастаться силой. Обычно его пальцы, будто тисками, сжимали руку того, с кем он здоровался. Зная это, Григорий заранее напряг мускулы.

— А, боитесь! — самодовольно улыбнулся Думбрайт.

— Это только предосторожность, а она никогда не была признаком страха.

— Фи, Фред! Могли бы доставить удовольствие своему начальнику... А, впрочем, мне нравится та независимость, с которой вы ведете себя. Иногда я забываю, что вы немец... Надеюсь, я не обидел ваши национальные чувства?

Григорий, то есть Фред, — сейчас он должен быть только Фредом! — не успел ответить на эту реплику: за его спиной раздался вдруг удивленный и немного испуганный возглас:

— Сомов?!

Он быстро обернулся. В стороне от трапа стоял не кто иной как Протопопов! Позеленевший от болтанки в воздухе, неприятно пораженный, он ошалело смотрел на Фреда.

Из слов Хендкопфа Думбрайт знал об оригинальном знакомстве Протопопова с Шульцем-Сомовым. И теперь от всей души потешался, глядя на их неожиданную встречу.

— Я знаю, как приятно на новом месте увидеть старого знакомого, мистер Протопопов! Поэтому и не предупредил вас об этом маленьком сюрпризе, — насмешливо объяснил Думбрайт своему спутнику. — Ну, чего же вы стоите, не поздоровайтесь как следует со своим другом?

Протопопов натянуто улыбнулся.

— Не скрываю, мистер Думбрайт, я просто растерялся! Уж кого-кого, а Сомова... Чтобы Сомов...

— Коротенькая справка, — прервал его Думбрайт, направляясь к машине: — Не Сомов, а Фред Шульц! Кстати, ваш ближайший начальник. Ну, хватай! Поехали!

Сев за руль, Думбрайт кивком пригласил Фреда сесть рядом.

— Что нового в школе? — спросил он, как только машина двинулась с места.

— Новостей много, но мне хотелось бы, чтобы о них вам рассказал Нунке.

— А как поживает Шлитсен?

— Едва ли можно ему позавидовать...

— Еще бы! — сердито буркнул Думбрайт. Машина резко рванулась вперед.

— Значит, вам уже все известно?

Думбрайт не ответил: ему, очевидно, не хотелось продолжать разговор в присутствии Протопопова. А может быть, просто внимание его в эту минуту было приковано к дороге, круто извивавшейся между холмами.

Возле ворот бывшего монастыря Шульц и Протопопов вышли. Фреду нужно было устроить новичка, и, как всегда, это потребовало немало времени. Пока он договаривался с дежурным об изолированной комнате для

прибывшего, Протопопов хмуро молчал, изредка бросая на того, кого знал под именем Сомова, подозрительные, настороженные взгляды. Нелегко было недавнему вожаку власовцев смириться с мыслью, что отныне он должен подчиняться этому зазнавшемуся молодчику. Поэтому, когда Шульц передал его с рук на руки дежурному, Протопопов вздохнул с облегчением. Рад был избавиться от неожиданных хлопот и Фред. Ему не терпелось поскорее узнать, как развиваются события в школе.

Ждать пришлось недолго. Вскоре он заметил фигуру Ворона, шедшего ему навстречу по аллее парка.

— Ну, сегодня у Шлитсена бенефис! — негромко сказал генерал, беря Фреда под руку. — Мы с ним были в приемной Нунке, когда туда вошел Думбрайт. Представляете картину: босс протянул мне руку, а ему даже головой не кивнул! Много дал бы я, чтобы незримо оказаться сейчас в кабинете Нунке!

— А почему незримо?

— Вы считаете, что от Думбрайта перепадет только Шлитсену? Нет, батенька мой, всем достанется! И Нунке, и мне, и вам...

— А нам за что же?

— И за компанию, и с целью профилактики. Ага, чуть не забыл! Думбрайт прилетел один? С ним никого не было?

— Один не очень приятный тип, мой старый знакомый. Но откуда вы узнали, что должен прилететь еще кто-то?

— Нунке предупредил... Так-так, значит, прибыли их преподабие...

— Почему преподабие?

— Так это же на мою голову: будущий резидент.

— Не понимаю.

— Я должен вымуштровать из него руководителя одной из сект пятидесятников на Вольни.

— Выходит, будет работать по специальности...

— А вот теперь я не понимаю!

— Я же вам сказал, что это мой старый знакомый. Он еще до войны был одним из главарей какой-то секты в Брянской области.

— В таком случае, может быть, присядем вот здесь на скамейке, и вы мне расскажете подробнее? Приятно будет ошеломить его преподабие своей осведомленностью.

— Он не из тех, кого легко ошеломить, а впрочем...

Но рассказать Ворону все, что он знает об «отце Кирилле», Фреду не удалось. Не успели оба присесть в тени какого-то дерева, как к ним быстро подошел возбужденный Шлитсен.

— Фу-у! — едва отдышался он, мешком падая рядом с ними. — Увидел вас из окна и не утерпел... Пронесло! Слава богу...

— Пронесло? Значит, все в порядке? — в голосе Ворона слышалось нескрываемое разочарование.

— Не совсем в порядке, но не так уж и плохо, как можно было предполагать. Нунке отстоял! Оставляют при школе...

— Разве речь шла о вашей... отставке?

— Представьте себе, герр Шульц! Именно об отставке... Думбрайт требовал, чтобы я немедленно покинул школу. И если бы не герр Нунке, его благородство...

— Благородство? — пожал плечами Ворон. — Просто-напросто, он спасал своего заместителя, так как боялся остаться без помощника.

— А если я вам скажу, что я больше не заместитель Нунке?

Лицо Ворона сразу же прояснилось.

— Тогда кто же?

— Перехожу в ваше распоряжение, герр Шульц! — Шлитсен вскочил, вытянулся перед Фредом и щелкнул каблуками.

— В мое распоряжение? — переспросил вконец удивленный Фред.

— Так точно!

— Какие же обязанности вы будете выполнять в русском отделе?

— Преподавать совершенно новый предмет: защиту от собак.

Ворон победоносно взглянул на Фреда, но тот отвел взгляд. Он и так едва сдерживался, чтобы не расхохотаться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мистер Думбрайт требует активности

— Я противник тостов, мистер Думбрайт, особенно, когда встречаюсь с кем-нибудь наедине. Они как-то нарушают интимность обстановки... Но сегодня мне хотелось бы сделать исключение. Поднимаю этот бокал за вас! Я просто в восторге от вашей энергии и работоспособности! — сказал Нунке за ужином и, наклонившись через стол, чокнулся с боссом.

И в самом деле, Думбрайт не знал отдыха. Просыпался он точно в семь часов утра, до половины восьмого делал зарядку, выпивал черный кофе без сахара, но обязательно с сухариками, еще с вечера сбрызнутыми лимонным соком. Со всем этим он справлялся быстро, время от времени поглядывая на стрелки часов, не расходуя попусту ни единой секунды, ассигнованной на ту или иную процедуру.

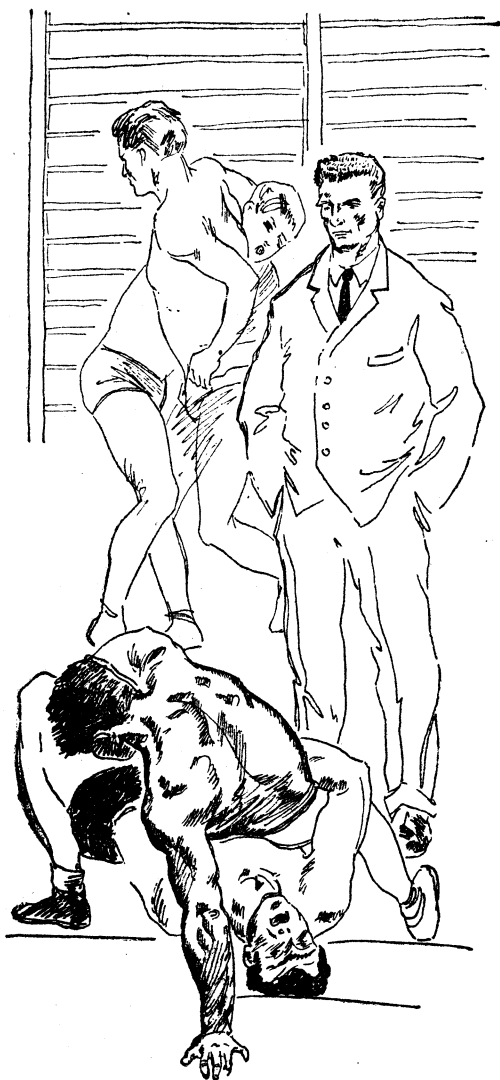
В половине восьмого быстро выходил из отведенной ему комнаты и возвращался в нее ровно в двенадцать — позавтракать.

За четыре с половиной часа Думбрайт успевал посетить несколько боксов, где жили воспитанники школы, чтобы лично проследить, точно ли регламентируется время, отведенное для подъема, туалета или завтрака, потом шел в классы группового обучения.

Каждая группа состояла лишь из трех человек, поэтому такие посещения требовали довольно много времени. Тем более, что он не просто наблюдал, как будущие диверсанты усваивают приемы борьбы и нападения, но и сам, проявляя недюжинную ловкость, активно включался в учебный процесс.

Из классов Думбрайт спешил в так называемый оружейный зал, где «рыцари» учились обезвреживать и заряжать мины, демонстрировали свое умение закладывать их под мосты, железнодорожные рельсы, заводские станки, макеты которых находились тут же, в бывшей монастырской столовой. Он не стеснялся подползти под какой-нибудь макет и проверить, правильно ли заложена мина. Критикуя методику обучения, спорил с инструкторами и преподавателями, а иногда, нарочно выдвигая абсолютно неприемлемые предложения, горячо защищал их, чтобы проверить квалификацию того или иного мастера диверсионных дел.

Из оружейного зала Думбрайт направлялся в тир, расположенный в бывшей церкви.

Тут учили, как убивать людей.

Мишенями служили мастерски сделанные манекены в рост человека. Находились они в алтаре, с разной скоростью двигались по специальным рельсам вперед, назад, по диагонали, иногда лишь на мгновение показываясь над полом из какого-нибудь отверстия. По каждому манекену можно было стрелять не больше одного раза, после чего Думбрайт вместе с инструктором сразу же проверял, куда именно попала пуля. Ведь от «рыцарей» требовалось умение с первого выстрела попадать в голову или грудь, причем обязательно так, чтобы выстрел этот можно было считать смертельным.

Сам Думбрайт, к превеликому своему сожалению, стрелял плохо. Но, бессильный показать высокий класс стрельбы, он компенсировал это отборной руганью, которой так богат был его лексикон.

Рядом с тиром, в бывшем правом притворе, отгороженном теперь сплошной каменной

стеной, помещался «тайный кабинет». Тут овладевали новейшей американской диверсионной техникой. Последней «новинкой» были электроперчатки и специальные пульверизаторы. Думбрайт сам показывал, как ими пользоваться. По поверхности специальной перчатки, надетой на руку, пропускался электрический ток. Достаточно было прикоснуться такой перчаткой к плечу человека, и он терял сознание. Иногда на довольно продолжительное время. Пульверизатор помещали в верхний наружный карман пиджака, и он выглядывал из кармана в виде острого уголка обыкновенного белого платочка. От него шла тоненькая трубочка, конец которой уходил в нижний левый карман. Разговаривая, надо было незаметно сжать баллончик, присоединенный к концу трубки, и в лицо собеседника била сильная струя особой жидкости. Результат был таким же, как и при пользовании электроперчаткой.

Манекены в «тайном кабинете» были непригодны. Поэтому здесь практиковались на живых мишенях — агентах, которые не в силах были справиться с заданиями, на шпионах, по той или другой причине «вышедших в тираж». Обещанной пенсии они, как правило, не получали и вынуждены были оставаться при школе в качестве подопытного материала. Нередко опыты с пульверизаторами, перчатками и другими приборами заканчивались неудачно, и тогда поздней ночью на бывшем монастырском кладбище появлялся еще один холм.

Проверив, как осваивается новая техника, Думбрайт ровно в двенадцать возвращался к себе.

Как и утренний кофе, его завтрак всегда был одинаковым: холодная баранина, заправленная острыми специями и хорошо политая уксусом, несколько кусочков тонко нарезанного сыра со сладким вином и большой апельсин. Завтракал Думбрайт один. Все знали, что от двенадцати до тринадцати беспокоить его нельзя: он готовится к самой тонкой работе — посещению класса «А».

Класс «А» специального помещения не занимал.

Обучение кандидатов в агенты проводилось в боксах, где они жили. Инструкторы, преподаватели, воспитатель приходили к каждому в отдельности.

В этот свой приезд Думбрайт все внимание сосредоточил на тех, кто заканчивал обучение в школе и вот-вот должен был выехать «на место назначения». Место это не было известно ни преподавателям, ни инструкторам. Они отвечали только за усвоение теоретического и практического курсов. Все остальное их не касалось. Где предстоит «работать», знал только сам новоиспеченный агент, Нунке да еще воспитатель, роль которого на этом последнем этапе подготовки чрезвычайно возрастала. Под его руководством ученики класса «А» до мельчайших подробностей изучали план и условия жизни того района, куда их отправляли, его этнографические и другие особенности, экономику и тому подобное.

Одновременно у будущего агента воспитывались такие привычки, благодаря которым он мог вести себя непринужденно и ничем не отличаться от местных жителей.

Последнее время при «изучении местности», как именовался этот предмет в школе, все больше внимания уделяли систематическому чтению советских газет, выходящих в нужном для данного случая районе. Центральные газеты выписывались через разные официальные каналы, а потом поступали в школу. Хуже было с газетами районными и особенно с многотиражками — институтскими и заводскими.

Их добывали нелегально, чаще с помощью почталыонов-туристов.

Еще во время своего первого появления в школе «Рыцарей благородного духа» Думбрайт внушил Нунке:

— Газеты советских заводов или институтов — это неисчерпаемый источник нужной нам информации. Мы должны добиться, чтобы школа получала их как можно больше, чтобы поступали они систематически... Подчеркиваю, смысл именно в систематическом чтении. Отдельная корреспонденция, заметка могут вам ничего не сказать, а сопоставляя их, анализируя сведения, добытые вчера, сегодня, завтра, можно узнать, какую продукцию выпускает завод, сколько в нем цехов, как они оборудованы, выпуск какой продукции осваивается и многое-многое другое.

— Вы абсолютно правы, — согласился Нунке. — Я и в самом деле уделял газетам очень мало внимания. А должен был бы первым за них ухватиться. Вам известна история с журналистом Яковом Бертольдом?

— Что-то слышал, но точно не помню.

— Это немец, антифашист. Накануне сорок первого года он сбежал в Швейцарию и опубликовал там книгу, в которой доказывал, что Гитлер готовится к войне. В подтверждение своего прогноза Бертольд с абсолютной точностью назвал количество наших дивизий, больше того, определил всю дислокацию армии фюрера. По приказу Гитлера мы, то есть немецкая разведка, — кстати, и я принимал участие в этой операции, — выкрали его и привезли в Германию. Конечно, допрос, требования указать имена изменников, выдавших ему военную тайну. И, представьте, Бертольд наглядно убедил нас в том, что получил всю информацию о дислокации войск из наших же газет!..

— Вот-вот! И это в то время, когда ваша цензура, особенно перед войной, просто лютвала. Да и вообще вы, немцы, более аккуратны и осторожны, чем славяне.

На другой же день Нунке дал соответствующее указание всей агентурной сети, и систематическое изучение советской районной прессы и многотиражных газет, которыми раньше пренебрегали, ввели в школе как специальный предмет. Посещая воспитанников, заканчивающих класс «А», Думбрайт особое внимание обращал на знакомство с местной прессой и «гонял» по ней выпускников, как по учебнику. Он требовал, чтобы они помнили фамилии всех руководящих работников района или области, имена знатных людей, даты съездов, конференций, интересных сообщений, репертуар театров и кино и так далее. Не меньше интересовала его и самодеятельность. Нунке заметил, что босс охотно выслушивал тех, кто увлекается музыкой, живописью и литературой.

Вот и сегодня в двадцать восьмом боксе почти час потратил Думбрайт, слушая слабые стишки доморожденного пиита.

— Я даже представить себе не мог, что вас так интересует литература и особенно поэзия, — не мог скрыть своего удивления Нунке.

— Поэзия? Это вы о том, из двадцать восьмого? — расхохотался Думбрайт. — Он такой же поэт, как вы — миссионер.

— Тогда почему же вы столько времени...

Думбрайт снисходительно похлопал Нунке по плечу.

— До мая сорок пятого года происходила борьба вооруженная, нужны были автоматы, пушки, самолеты. Сейчас мы начали борьбу умов, идеологий. Другая борьба — другая и оружие: философия, живопись, музыка, литература. Уверю вас: паренек, который создаст нелегальный литературный кружок или организует подпольную выставку картин нужного нам направления, значит для нас никак не меньше, чем специалист по активным диверсиям. Вот почему я слушал опусы этого стихоплета. Ну и муть! Идемте скорей ужинать, хочется прополоскать горло!

«Прополаскивал» горло Думбрайт только по вечерам и довольно старательно. Впрочем, пьяным Нунке его никогда не видел. Лишь лицо босса краснело, да громче становился голос.

В этот вечер он тоже выпил много, хотя и цедил бренди маленькими глоточками, будто смакуя тонкий букет превосходного вина.

Но вот, неожиданно для Нунке, Думбрайт отставил только что налитую рюмку.

— Поехали на аэродром, посмотрим на парашютистов! Хочется на воздух.

— Прыжки начнутся только через час. Может быть, взглянете на карту?

— Хорошо, тащите ее сюда.

Нунке долго колдовал над хитроумным замком сейфа, достал сложенную вчетверо карту европейской части Советского Союза, испещренную кружочками, квадратиками, треугольничками, и разостлал ее на столе.

Думбрайт долго и внимательно изучал условные обозначения.

— Мало! До смешного мало! И это все, на что способна наша школа?

— Максимум. Но ведь мы же не одни, существуют десятки других учреждений, подобных нашему...

— Мало! Мало! Боже, как мало! — упрямо повторял Думбрайт, не сводя глаз с карты.

— Если рассматривать нашу школу изолированно от других — мало. Согласен. Но вы же сами говорили, что все списки бывшей немецкой агентуры попали к вам! Значит...

— Ее, этой агентуры, не существует, мистер Нунке! Практически она равняется нулю. Если и влачит жалкое существование какой-то непоиманный агент, то мы не так глупы, как Шлитсен, чтобы на него рассчитывать.

— Преувеличение, мистер Думбрайт, уверяю вас! Отступая, мы позаботились о том, чтобы оставить в России свою многочисленную агентуру и хорошо законспирированные явки. Таким образом...

— А вышел пшик! Мы тоже спрадовались было, когда к нам попали ваши списки. Помните, я даже хвастался этим перед вами?

А что получилось на практике? Прошло немного больше полугода, и списки эти можно спокойно нехонько выбросить в мусорный ящик. На сегодня ваши бывшие агенты — миф! Одни сами пришли с повинной в советскую контрразведку и выдали все, что знали. Других схватили на месте преступления. Потому что, если уж ниточка в руках, клубочку разматываться и разматываться... Те же одиночки, которые уцелели, — притаились, как мыши в норах, в надежде на то, что о них забудут. Фактически в России все нужно начинать сначала. С самого начала.

Думбрайт сердито отодвинул карту и заходил по кабинету.

— Спрячьте это до завтра. Нужно что-то придумать... Кстати, как дела у Ворона и Шульца? Сегодня я их что-то не видел. Бездельничают? Сходите узнайте! А я тем временем напишу патрону. Едва ли порадуют его наши новости...

— Сейчас я позвоню Шульцу, узнаю, у себя ли он. Вы не возражаете?

Думбрайт вдруг вскипел:

— Нужно поставить дело так, чтобы вы были осведомлены обо всем, а не бегали в поисках своих подчиненных!

— Очевидно, Фред на аэродроме, а Ворон еще не закончил занятия со своими преподавателями. Схожу проверю.

Назначенный руководителем отдела сектантства Ворон назвал его классом «Аминь».

— Почему «Аминь»? — узнав об этом, удивился Думбрайт.

— «Аминь» означает «конец», — хитро прищурился Ворон, пытаясь скрыть грусть, невольно зазвучавшую в его голосе. — Мне пошел семьдесят первый. Думаю, что воспитание главарей разных сект — это последнее поручение, которое я выполняю как разведчик...

Думбрайт, любивший неожиданные названия и клички, рассмеялся:

— Только вот что, мистер Ворон, — предупредил он, — не приучайте ваших преподавателей к водке! Это может плохо кончиться.

— Высокоцитимый мистер Думбрайт, и вы, уважаемый герр Нунке! Я не знаю, как обстоят дела с сектами, церквями и их служителями в России современной, но чудесно помню этих сеятелей на ниве божьей в России дореволюционной — религиозной, пьяной и верящей в предрассудки. Тогда вы не нашли бы ни одного попа, дьякона, псаломщика, который не выпивал хотя бы двух рюмочек на крестинах, именинах, свадьбах, похоронах, поминках, на рождество, на Новый год, на водосвятии, на масленице, на пасху, на вознесение, на троицу, на, на и на... А если учесть всех святых и угодников, им же нет числа, то не было дня, когда поп со своим причтом не пил бы... Не думаю, чтобы что-то изменилось теперь. Потому что в этом — даже не старая Россия, а древняя Русь, веселие которой, как сказал равноапостольный князь Владимир, есть питие... Аминь!

Последнее слово Ворон пропел во весь голос, и оно прокатилось эхом под каменным сводом школы. Думбрайт закрыл уши.

— Колоритная фигура! — сказал он, когда Ворон вышел. — Давно начал работать на вас?

— Лет двадцать.

— А до этого?

— «Интеллиженс сервис». Есть основания предполагать, что уже во время первой мировой войны он был связан с английской разведкой, поэтому и эмигрировал в Англию после революции в России.

— Почему перешел к вам?

— Кто-то из белоэмигрантов выпустил в Париже книгу воспоминаний. В них говорилось и о заслугах генерала, который с ведома и по поручению русской разведки ловко дурчил своих английских коллег. В результате Ворон получил пинок под зад и предложил свои услуги нам.

— Очевидно, генералу есть что вспомнить!

— Еще бы! Он мог бы написать не один том интереснейших мемуаров: за плечами у него три разведки с их кухней.

— То-то же и оно... — покачал головой Думбрайт.

— У вас появились какие-то сомнения относительно Ворона? Уверяю вас, он служит нам верой и правдой. Ему некуда податься, да и стареть начал.

— Вот это-то меня и беспокоит.

— Что именно? Вопрос о пенсии?

— Какой пенсии? — удивился Думбрайт. — Ах да, вы про обещанную компенсацию в случае выхода в тираж! Что ж, пока способен работать, пусть тешит себя этой надеждой. А там... там видно будет! Я не поклонник того, чтобы цацкаться с подобными людьми. Тот, кто много знает, всегда опасен. Обратите внимание на вот какой психологический момент: разведчик всегда таит в себе слишком много скрытого от других, и, чем больше накапливается этого скрытого, тем сильнее внутреннее давление.

— Извините, я не совсем понимаю, какую опасность это представляет непосредственно для нас.

— Такие, как Ворон, весь век живут двойной жизнью: внутренней — проходящей втайне от всех, а иногда даже от самого себя, и внешней, которая становится доминирующей и поэтому угнетает первую. Хороший разведчик прежде всего молчаливик... И вот когда он выходит в тираж, внутреннее давление, не сдерживаемое внешними обстоятельствами, будто прорывает оболочку. Вы читали мемуары бывших разведчиков? Всем им хочется компенсировать себя за длительное молчание, наговориться вволю, и они становятся болтунами, рассказывают о таких вещах, которые...

— Не подлежат оглашению? — то ли спросил, то ли подтвердил Нунке.

— Ни при каких обстоятельствах! Потому что обнаруживаются не только отдельные факты, но и методы разведывательной работы.

— К сожалению, нет такого закона...

— Законы пишутся для толпы, а не для тех, кто стоит у власти, кто создает политику! Кому это знать, как не вам! Не думал, мистер Нунке, что вы так наивны!

— Сейчас не времена национал-социализма. Ваши же газеты поднимают шум о нарушении человеческих прав и законов.

— А мы их и не будем нарушать. Смерть старого человека — явление естественное...

— Вы говорите о... так сказать... — Нунке

остановился, не зная, правильно ли понял мысль босса.

— Только о незначительном ускорении событий — своевременной ликвидации! — спокойно пояснил Думбрайт.

— Да-а... — неопределенно протянул Нунке, чувствуя, как по спине поползали мурашки. Ведь и он находится в абсолютной зависимости от Думбрайта. И хотя еще полон сил, но вдрут почувствовал, как время уплотняется, как приближается день, когда и о нем, Иозефе Нунке, возможно, будут говорить так же.

Сегодня, идя к Ворону, он вспомнил об этом разговоре с Думбрайтом, и опять шевельнулись в его сердце и жалость, и скрытая тревога. Но усилием воли он приглушил в себе это чувство. Не может быть, чтобы Думбрайт даже когда-нибудь в далеком будущем поставил знак равенства между ним и Воронном! Чепуха! Нервы! Дает себя знать разлука с Бертой и детьми...

Нужно окончательно решить вопрос о переезде семьи сюда, в Испанию. В конце концов он в таком возрасте, что ничто не может заменить ему семейного очага. Ганс и Лиз тоже не могут так долго оставаться без его родительского влияния. Особенно Ганс. Берта слишком снисходительна к нему, потекает его увлечениям живописью, забывая о том, что нужно закалять душу сына, а не расслаблять ее мечтами о непрочной славе художника... В его последний приезд в Берлин дети выглядели чудесно. Да и может ли быть иначе? У них прекрасная наследственность и со стороны матери, и со стороны его, отца. Едва ли смена климата отрицательно повлияет на них. Напрасно Берта боится этого. Не надо было рассказывать ей об искалеченных ногах Ирене. Волезна болезнью, а Берта вбила себе в голову, что в других условиях, в другом климате... Женская логика! Несмотря на свою рассудительность, она сначала немного ревновала его к Агнесе. Так и говорила: «Твоя гитана»... Хорошо выглядел бы он, если бы связался с патронессой! А ведь это едва не случилось. Если бы не брезгливость по отношению к Ирене... и не молчаливое сопротивление этой святоши-цыганки.

Но не такая уж она святоша! По крайней мере, в отношениях с Гольдрингом, то есть с Шульцем. Что-то зачастил он к ней. Это, конечно, неплохо, потому что благодаря этому уменьшается влияние на патронессу падре Антонио, который слишком уж начал показывать свой норов. Да и Шульцу следует на некоторое время забыть невесту, дочку Бертгольда. А как стремился он ее разыскать! Несколькими раз заводил разговор о поездке в Швейцарию. Но последнее время и не вспоминает о ней. И это очень хорошо. Лора Бертгольд, наверное, получила после отца кругленькое наследство, значит, в ее руках верный способ задержать возле себя милого. А если это случится, Фред Шульц для разведки потерян навсегда. Почувствовав под ногами такую твердую почву, как крупный счет в банке, он смеется, только пятки засверкают...

Углубленный в эти думы, Нунке и не заметил, как оказался в боксе старого генерала.

Если бы начальнику школы было присуще чувство юмора, он, наверное, рассмеялся

бы, увидев необычный натюрморт, возникший перед его глазами: на столе, между Библиями — одна большая, роскошно изданная, вторая портативная, только недавно доставленная из Нью-Йорка — и стопками отпечатанных в США сектантских газет в художественном беспорядке расположились две полупустые бутылки вина, тарелки с рыбными хвостиками, головками и косточками, недоеденные куски хлеба.

У стола сидели Ворон и Протопопов, оба немного под хмельком.

— Фи, как у вас грязно! — поморщился Нунке.

— Нормальная обстановка после дружеской беседы и скромного ужина. Человек с фантазией даже сказал бы — символическая! Взгляните, какая гармония. Хлеб, который преломил господь наш Иисус Христос в пустыне, вино из Кань Галлилейской, рыба — символ христианства, наконец, проповедь слова божьего... — Ворон положил руки на Библию и на одну из журнальных стопок. — Все, как положено священнослужителям...

— Босс интересуется подготовкой группы «Аминь». Вы сможете к утру подготовить отчет? Без разглаговольствований, только факты и цифры.

— Конечно! Еще не было случая, чтобы старый Ворон не выполнил задания. Даже после приема вот этих капелек, — он побарабанил ногтями по горлышку бутылки. — Аква вита вдохновляет и прибавляет сил!

— Когда, по-вашему, можно будет начать отправку людей из группы «Аминь»?

Ворон задумался.

— Сейчас у нас конец ноября... Значит, где-то в апреле — мае будущего года.

— Да вы в своем уме? На такой срок мы никогда не согласимся!

— Раньше не получится. — Ворон встал, его раскрасневшееся лицо стало багровым заблестело. — Думбрайту не терпится, а мне потом затылок чесать?

— Но поймите, железо куют, пока оно горячо, а души человеческие — пока их жжет болью по погибшим... Именно сейчас нам нужны руководители сект, а не потом, когда люди придут в себя и с головой окунутся в водоворот обыденных дел. У большевиков их достаточно, чтобы заставить думать о земле, а не о небе!

— Почему же вы, господин начальник школы, не беспокоились об этом раньше? Ткнули мне неучей, которые Часослова от Евангелия отличить не могут, и требуете, чтобы я вам за три дня испек ни много ни мало, а трех богатырей? Какие руководители сект получаются из таких идиотов без длительной подготовки? С какими молитвами они поедут?

— Думбрайт говорил, что есть специальные секции, которые пишут новые молитвы и гимны — музыку и текст. Вы связались с ними?

— Вот, полюбуйте! Вчера получил несколько таких опусов. Протопопов, что вы скажете хотя бы об этой вот молитве? — Ворон раскрыл журнал на предпоследней странице и сердито бросил его на стол.

— Читал, читал. Смех да и только! Мелодия точнехонько, как в старой песне, что, заливаясь слезами, пели обманутые девушки. Вы только послушайте!

Протопопов протянул руку с журналом вперед и пропел:

— «До-го-ра-ай мо-я-а лучи-ина, до-о-го-рю-у с то-бо-о-ю я...».

«Се гря-де-ет мое спа-се-ение, се гря-а-де мо-оя зо-ря...».

Нунке не мог не улыбнуться, и это еще больше рассердило Ворона.

— Вам смешно, а мне хоть плачь!

— И все-таки подготовку нужно ускорить,— сразу же стал серьезным Нунке,— во что бы то ни стало! Давайте завтра утром соберемся у меня и посоветуемся. Предупредите Шульца. Кстати, он давно на аэродроме?

— На аэродроме? Да его и близко там нет! Он у Пантелеймона, с его квартирантом возится.

— Да, да, вспомнил... Когда возвратится, скажите ему, чтобы сразу же зашел ко мне! И Нунке удалился.

А тем временем Фред, возвращаясь из Фигераса, и не думал спешить.

Как хорошо, что ему разрешили пользоваться машиной без шофера! Можно не торопиться. Сейчас он снизит скорость до минимума и будет ехать медленно-медленно, чтобы успеть обдумать все, что так неожиданно случилось сегодня...

Сначала все шло по заранее намеченному плану. Часов в шесть Фред Шульц подъехал к одинокому домику на окраине Фигераса, где вот уже почти неделю после встречи с Нонной живет Домонтович. Собственно, не живет, а прозябает, потому что в положении его ничего не изменилось: ни газеты, ни кни-

ги, ни карандаша, ни клочка чистой бумаги. У глухонемого, правда, «прорезался» голос, но два-три слова, брошенные утром, во время обеда и за ужином, только подчеркивают гнетущее молчание на протяжении всего дня. Осталось одно: отлеживаться, бродить под дремлющим оком хозяина по саду, мурлыкая какой-нибудь надоевший мотив, привязавшийся еще с утра, сдерживать, изо всех сил сдерживать раздражение.

Оно прорвалось сегодня утром. Неожиданно для самого себя Домонтович откасался завтракать, заявив, что объявляет голодовку.

— Вы, лакей! Скажите вашим господам: они или выпускают меня отсюда, или вынесут вперед ногами!

«Глухонемой», как продолжал мысленно называть его Домонтович, только равнодушно пожал плечами и начал спокойно убирать нетронутые тарелки.

Обедать Домонтович тоже не вышел, хотя ровно в четыре Пантелеймон с присущей ему пунктуальностью начал накрывать на стол.

Прислушиваясь к звону ножей и вилок, Домонтович глотал слюну и зло издевался над собой: «И ты не прикусил язык, когда сболтнул это! Идиот! Вместо того чтобы набираться сил на курорте у дядюшки Пани, показать им свою выдержку, выскочил, как дурень из-за печки. Тьфу!.. А теперь, голубчик, держись! Назвался груздем, так полезай в кузов».

— Обедать!— лаконично объявил хозяин, появившись в дверях.

— Убирайся,— так же коротко отрубил Домонтович.

Отвернувшись лицом к стене, он старался заснуть, но сосало под ложечкой, от непрерывного курения во рту то и дело появлялась горькая слюна, а в голове — такие же горькие мысли.

В конце концов он все-таки задремал. Может быть, пришел бы и желанный сон, но до слуха донесся шум машины, оборвавшийся где-то рядом. Необыкновенное для этого безлюдного закоулка событие! Машины подъезжали сюда лишь дважды: первый раз, когда его привез толстый старик, и второй, когда они с Пантелеймоном и его нежной «сестрицей» ездили в загородную таверну. Может быть, опять приехала Нонна? Даже ее Домонтович встретил бы сейчас с удовольствием: все-таки человеческий голос и свежее лицо!

Быстро поднявшись, он подошел к окну, но разглядеть, кто приехал, не успел. Сообразил только, что шаги, послышавшиеся на крыльце, а потом и в соседней комнате, были определенно мужскими.

Снова лечь и прикинуться спящим? Это даст возможность выиграть минуту-другую, чтобы сориентироваться, решить, как вести себя с неожиданным посетителем.

Домонтович лег вниз лицом, повернув голову ровно настолько, чтобы уголком глаза увидеть, кто зашел в комнату. Но, лишь только дверь распахнулась, он мгновенно вскочил.

— Сомов! Неужели и вы здесь?

— Как видите. Только не Сомов, а Фред Шульц.

— Чудеса! Настоящие чудеса! — восклицал Домонтович, возбужденно пожимая руку Шульца. Пожатие было сильным и искренним, а вот удивление? Фреду показалось, будто есть в нем что-то наигранное.

— Не хотелось бы повторять банальные слова о тесноте мира, но при современных условиях передвижения он и в самом деле становится все более тесным. Рад снова встретиться с вами!

— Не больше, чем я, Сомов! Ведь я чуть было не одичал здесь!

— Повторяю, мое настоящее имя Фред Шульц.

— Извините. В дальнейшем так и буду величать вас. Может быть, присядете?

— Конечно. К сожалению, я пришел к вам не с товарищеским визитом, а по делу.

— Вон как? Мною начинают интересоваться? Уже легче! А в чем же заключается ваше дело?

— Мне поручено детально ознакомиться с вашей биографией. И не только ознакомиться с ней, но и записать на пленку.

— А не скажете ли вы мне как старому знакомому, кому и зачем это понадобилось?

— К превеликому моему сожалению, я должен только спрашивать, а вы — отвечать.

— А если я откажусь?

— Не советовал бы. Вы только ухудшите свое положение. Ведь вы лишены возможности не только протестовать, но даже связаться с кем-либо.

— А я так обрадовался, увидев вас!

— Мне тоже приятно...

— Проводить допрос?

— Так уж и допрос! Обычные анкетные данные. Подавали же вы письменную автобиографию Хендкопфу? Без этой формальности...

— Хорошо, я согласен, но с одним условием.

— Вы заставляете меня повторяться: не советовал бы делать это. В вашем положении выдвигать какое-то условие...

— Назовем его маленькой просьбой. Вас такая редакция устраивает?

— Если просьба и в самом деле маленькая, — заколебался Шульц.

— Крошечная.

— Чего же вы хотите?

— Чтобы вот это чучело, — Домонтович кивнул в сторону хозяина, — хоть сейчас не торчало перед глазами. Он мне так надоел, так осточертел, что я готов задушить его сонным!

Насмешливая улыбка промелькнула на лице Пантелеймона.

— Просьба и в самом деле крошечная. Рад, что в силах ее удовлетворить. Вы можете оставить нас, Пяня, только далеко не уходите.

— Слушаюсь. В случае чего...

— Как всегда, я вас позову.

Пантелеймон вышел. Домонтович весело подмигнул ему вслед.

— Что ж, внимайте штучку, которая оттягивает вам карман, и приступайте. Меня уже записывали и в этой комнате, и еще в одном месте. Придвинуться поближе?

— Как вам удобней, аппарат очень чувствительный.

Шульц включил магнитофон, Домонтович подсел ближе к столу и вполголоса начал.

— Родился я в республике немцев Поволжья...

Когда первая лента была исписана и Шульц вставлял новую, Домонтович горелой спичкой на коробке сигарет написал:

«Дайте лист бумаги».

Фред удивленно взглянул на него, но, включая магнитофон, вырвал из записной книжки листик и вместе с карандашом положил на стол. Продолжая свой рассказ, Домонтович написал:

«Чарльз Диккенс так и не закончил роман «Тайна Эдвина Друда».

Фред чуть не вскрикнул. Это был пароль, о котором он условился, будучи в Берлине.

Быстро схватил карандаш и нацарапал на том же клочке бумаги:

«Аксаков утверждает, что роман был дописан рукой какого-то спирита из США».

Михаил Домонтович и Григорий Гончаренко радостно переглянулись...

Перевод с украинского Н. Николенко

Конец второй части второй книги

Из словаря уральских охотников

Каюк — крытая берестяной полукруглой крышей лодка (встречается в среднем течении Оби). В связи со сменой мест промысла хантейская семья вынуждена часто перемещаться по угодьям. Для таких «путешествий» и служит каюк. На крыше его размещают сундуки со скарбом. Внутри спят дети, сложена провизия, привязаны сабаки. Иногда на каюке ходят и под парусом.

Рога. В деревне Зыковой, что в верховьях Тавды, знакомый охотник позвал меня на берег, где под обрывом ребятишки откопали «рога». Оказалось, что рогами называют бивень мамонта, вымытый водой из глинистых толщ берега.

Кости мамонтов находят тут довольно часто. По бытующей легенде, которая досталась теперешним жителям в наследство от древних обитателей края — манси, мамонт — громадный рогатый зверь, который живет под землей и питается камнем. Его бивни и называют рогами.

Сусак. В пойме Пельма, у деревни Вотпы, есть озеро Хлебное. Я заинтересовался названием. Охотники объяснили мне, что около озера есть растение сусак, или хлебный корень. Из сухих корней его местные жители в голодные годы приготавливали муку.

Рям — болото, покрытое мелким сосновым лесом. В нашей уральской тайге рямовые болота занимают чрезвычайно большую площадь. В южных районах они меньше по размерам и богаче ягодниками. Здесь обильно плодоносят клюква, брусника, голубика. Хорошо развиваются зеленые мхи. Растут кустарники кассандры, андромеды, багульника.

У большинства таежных озер — рямовые берега. В осеннюю пору, когда в рямах поспевают ягоды, здесь скапливается множество боровой дичи, рябчиков, глухарей, тетеревов. Нередко можно встретить и следы самого хозяина тайги — медведя.

Увал употребляется в двух значениях. В одном — это небольшая возвышенность, вытянутая в длину и поросшая лесом. В другом — пологий склон какой-нибудь возвышенности. Существует и производное от увала — подувалье. Так называют границу между склоном возвышенности и ровной местностью, как правило, — болотом.

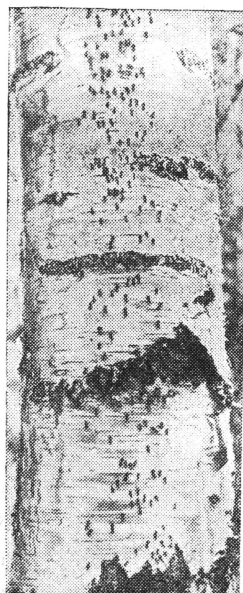
Подувалье — наиболее богатая зверем и птицей полоса. Зверю здесь легче и безопаснее идти по твердой почве, поросшей высоким лесом. Птица скапливается из-за обилия ягод, а иногда и клюет гальку на кварцевых обнажениях.

Г. БАБАКОВ

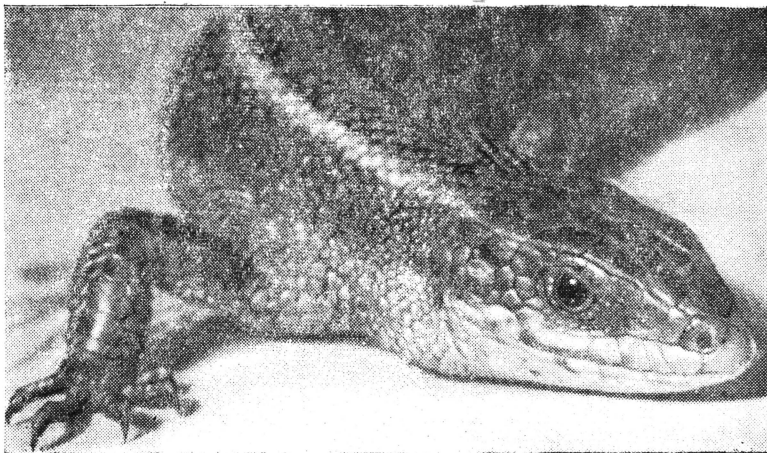
МОИ ТРОФЕИ

Я хочу рассказать об охоте, которой занимаюсь во все времена года и приношу домой неплохие трофеи.

Вот весенний лес. Только-только стаял снег, и вслед восходящему солнцу поднимаются на поляне подснежники. На Урале это первые цветы, расцветающие к маю.

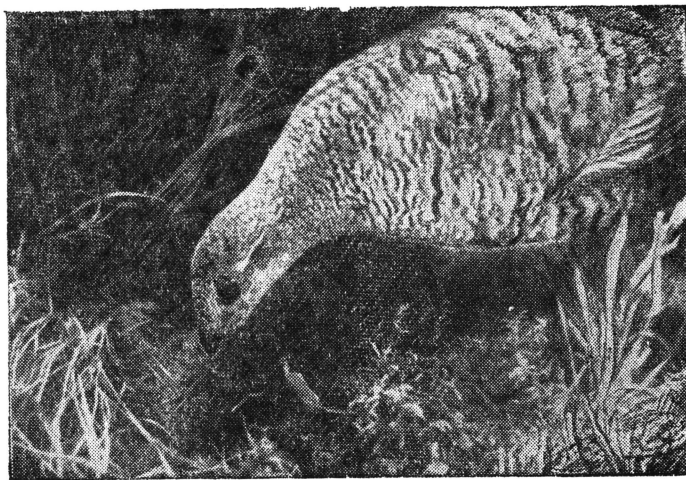

А летом? Внимание мое привлекла молодая березка. Подхожу к ней. По стволу дерева быстро поднимаются, как по проторенной дороге, полчища муравьев. Там, наверху, на свежих побегах березы находятся муравьиные «стада» тлей, и насекомые спешат собирать сладкую жидкость. Тысячи их ежедневно проходят по этому пути вниз и вверх, причем двигаются муравьи, соблюдая правила движения: по левой стороне ствола — вверх, по правой — вниз.

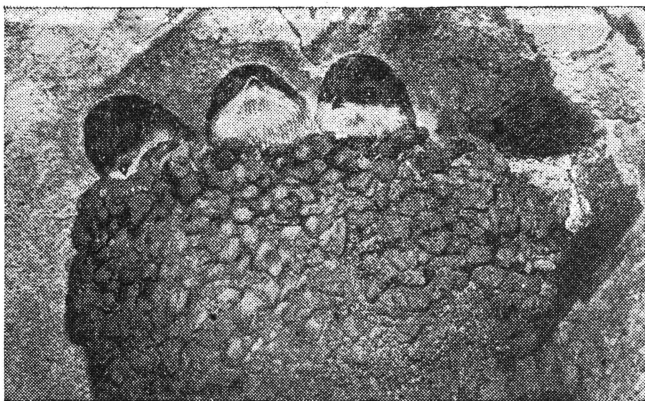

Рядом на камне при-
мостилась юркая яще-
рица. Еще раз щелкнул
затвор фотоаппарата.

На вырубленной ле-
сосеке я «поймал на
мушку» тетерку с моло-
дыми птенцами. Смелая
мамаша дала себя сфо-
тографировать с близ-
кого расстояния, пока
все птенцы прятались в
густой траве.

Интересные снимки
можно сделать и дома.
Посмотрите на это се-
мейство ласточек. Я за-
снял его с балкона жи-
лого дома. Они еще не
умеют летать, но их
ждут дальние страны.
Перед своим первым в
жизни полетом из гнез-
да неплохо и сфотогра-
фироваться.

В любой момент надо
быть начеку — и везде:
в лесу, в поле, в горах
и просто в городе. Мо-
жет встретиться нема-
ло интересного и не-
ожиданного.

А. КЛЕБАНОВ,
инженер

ЛЕГЕНДА О БЕЛОМ КРЫЛЕ

Из книги *маленьких историй* *„Золотой след“*

Михаил ЧЕРНОЛУССКИЙ

Рисунки В. Бубенищикова

До черного орешника я всегда хожу напрямик, через лозняк. Там наша многоводная Непуть разветвляется: вправо от реки отходит узкий рукавок, где едва проходит плоскодонка. И вот, если начинать отсюда путешествие, надо крепко поработать часа два веслами, чтобы попасть в камыши — на Птичье озеро. У нас, в Забаре, старики утверждают, что все, какие есть в мире птицы, пошли с этого озера. Так говорится в самой легенде о белом крыле.

Никто не знает, сколько веков прошло с тех давних-предавних времен. Известно только, что тогда не было городов, сел, дорог и даже лошади были дикие. Люди занимались охотой и жили в пещерах. И было тогда три царства: водяное, земное и небесное. В воде царствовала рыба, на земле царствовал человек, а в небе — никто, потому что птиц не было.

Все звери имели свою родину. Но многие звери не могли переносить стужу и каждую осень уходили в дальнюю теплую Африку, а весной возвращались снова домой. Из года в год так шло. Но однажды случилось землетрясение, поднялись из недр горы и преградили путь в теплые края.

Немало зверей тогда погибло. Но часть уцелела. По ущельям, каменным завалам, через болота и леса они добрались все-таки до теплого края и там остались жить.

Постепенно звери начали забывать свою родину. Только немногие тосковали по ней. Немного прожив в Африке, они стали собираться в обратный путь.

— Вы погибнете, — сказали им те, кто решил остаться навсегда в Африке.

— Как-нибудь проберемся, — ответили смельчаки.

Труден был обратный путь. Звери гибли в дороге.

Приближались горы. С южной стороны они казались совсем неприступными — вершины скрывались в облаках.

Тут остановились звери и стали смотреть на мертвую, непроходимую стену гор.

— Нет, — сказали одни, — дальше мы не пойдём. — И повернули обратно.

Вперед пошли только самые смелые. Их ничего не могло остановить. Они ползли по камням, истекая кровью, пробирались к ущелью.

А по ущелью как раз в то время шли охотники — брат и сестра. Они увидели зверей.

— Смотри, — сказал брат.

— Куда они? — спросила сестра.

— Они хотят перебраться по ту сторону гор. Там — их родина.

— Они очень смелые, — сказала сестра. — Им надо помочь.

У брата был лук, а у сестры копье. Они остановились и стали думать, как помочь зверям. Брат был сильный, смелый и самый меткий стрелок. Одеждой его была тигриная шкура, и лук у него был самый тяжелый. А златоволосая сестра носила на голове веночек из белых цветов, и платье у нее было тоже белое, хотя очень грубое, потому что тонко ткать тогда не умели.

Немного помолчав, брат, наконец, сказал:
— Я придумал. Подожди меня здесь.— И он побегал.

По ту сторону ущелья, в глубокой неприступной пещере жил злой мудрец. Он знал про все на свете, но не любил людей, не хотел помогать им советами и поэтому ушел жить в скалы. Даже в самое трудное время, когда свирепствовали голод и болезни, никто не обращался к мудрецу за помощью, потому что он предупредил всех: «Тот, кто получит мой совет и передаст его другим, превратится в камень».

К этому мудрецу и побегал молодой охотник. Он достал из колчана стрелу, отравленную ядом, и крикнул, остановившись у входа в пещеру:

— Эй, мудрец, вылезай! Не то моя стрела найдет тебя и в пещере!

Пещера молчала. Тогда охотник натянул тетиву своего тяжелого лука.

Тут показался мудрец. У него была большая голова, которая все понимала; большие уши, которые все слышали; большие глаза, которые все видели; и маленький рот, который не хотел говорить.

— Чего тебе надо? — пропищал злой старик.

Охотник показал на дно ущелья.

— Видишь этих несчастных зверей?

— Я все вижу.

— Им надо перейти на ту сторону гор.

— Я все знаю.

— Они любят свою родину и хотят вернуться туда.

— Я все понимаю.

— Тогда помоги им!

Мудрец побледнел от злости, но посмотрел на лук и сказал:

— А ты знаешь, что тебя ждет, если передашь другим мой совет?

— Знаю.

— Ну что ж, тогда слушай. Видишь самую высокую гору по ту сторону ущелья?

— Вижу.

— «Подножием солнца» оно называется. Звери должны взобраться на нее и прыгнуть вниз.

— Но они разобьются!

— Нет. При падении у них вырастут крылья, и они долетят до своей родины. Ты меня понял?

— Понял, спасибо.

— Прощай. Я буду смеяться, когда ты превратишься в камень.

Охотник вернулся к сестре и сказал ей:

— Иди за мной!

Они побежали к ущелью, и охотник крикнул:

— Звери! Если вы хотите вернуться на родину, идите за мной! Я вам помогу.

В те далекие времена люди охотились только на хищных зверей, а нехищных животных не трогали и понимали их язык. Звери тоже понимали человеческую речь.

— Куда ты нас поведешь? — спросили они охотника.

— На вершину горы «Подножие солнца».

— Что мы там будем делать?

— Я вам не могу этого сказать. Я и сестра пойдем с вами. Верьте нам и ни о чем не спрашивайте, иначе мы вам не сможем помочь.

Звери посоветовались и ответили охотнику:

— Веди нас! Мы тебе верим.

Стали все взбираться на гору. Впереди брат и сестра. За ними — измученные дальней дорогой животные.

К заходу солнца дошли только до середины горы и заночевали прямо на камнях. А наутро снова в путь. Ослабевшие животные скатывались в пропасть, а часть из них вернулась к подножию, отказавшись идти за охотниками. Только самые смелые, самые гордые, которым родина была дороже их жизни, пошли дальше.

Под вечер второго дня храбрецы добрались до вершины. Тут почти всегда был день, солнце лишь опускалось на землю и потом, с другой стороны гор, появлялось опять.

ПАТЕНТ СВЕРХНОВОЙ

Роман ЯРОВ

Рисунки С. Кирпина

С высокой горы звери сразу увидели вдали родные леса, и усталость у них пропала. — Слушайте все, — сказал охотник. — Теперь вы должны прыгать с этой вершины вниз. Вы не разобьетесь.

Но звери попятились назад.

— Если ты уверен, что мы не разобьемся, — сказали они, — то прыгни первым, мы посмотрим.

Не мог охотник рассказать все, что узнал от мудреца, и долго думал, как ему быть.

— Хорошо, — сказал он наконец, — я сделаю, как вы просите.

Он бросил на землю свой любимый лук и рванулся к обрыву. Но сестра испугалась, что брат разобьется, и схватила его за руку. Брат споткнулся, упал на колено, и одна стрела с ядовитым наконечником вонзилась ему в ногу. Он отбросил стрелу, но яд действовал быстро.

Сестра припала к брату, прижала его голову к своей груди и заплакала.

Охотник сказал:

— Перестань, сестра, плакать. Надо помочь зверям. Слушай меня внимательно. Кто прыгнет с этой горы — у того вырастут крылья, он не разобьется, а полетит. Ты не должна этого никому рассказывать, иначе окаменеешь. Прыгни сама, первая, и звери прыгнут за тобой. Не бойся, ты будешь первым человеком с крыльями, и тебя назовут красивым именем.

Как только сказал это охотник — он, еще не успев умереть от яда, тотчас окаменел. Может, одну смерть он одолел бы, а две не смог.

Наверное, в это время внизу захохотал злой мудрец. Но зря он хохотал.

Девушка в белом подошла к обрыву и вместо брата прыгнула вниз. Тут же у нее выросли по бокам белые крылья, и она полетела.

Увидели это звери и смело бросились вслед за девушкой с обрыва, и все превратились в птиц — маленьких и больших, черных, сизых, красноголовых — всяких-всяких; сколько было разных зверей, столько стало и разных птиц. Все они полетели вслед за белой птицей к родным лесам и полям.

Белая птица опустилась на камышовом озере. Люди ее назвали лебедем, что на старинном языке значило — царица. И другие птицы прилетели на озеро, которое и прозвали потом Птичьим.

С той поры летом за осоковыми зарослями каждое утро можно увидеть на озере белых лебедей. Говорят, если подкрасться к тому месту поближе, то можно услышать, как старый лебедь на своем птичьем языке что-то рассказывает молодым лебедем. Люди, которые чуть понимают птичий язык, — а у нас в Заборе пока живут такие знатоки, — уверяют, будто старый лебедь вспоминает о той девушке, которая первой прыгнула с высокой горы. Имя ее среди птиц бессмертно. А люди так и не узнали, как звали девушку.

Она появилась неожиданно безлунной августовской ночью. Сначала ее увидели астрономы в дальнем, не доступном глазу уголке неба, где созвездия обозначены буквами и цифрами, подобно телефонным номерам. Потом ее заметил какой-то любознайка из шестого «Б», вонзившись с чердака в ночное небо допотопной подзорной трубой. А потом и все люди на земле выходили по вечерам из своих домов и, собираясь кучками, рассуждали о новой звезде. А она росла, она становилась все ярче, ночами затмевая луну, а днем отчетливо проступая на потускневшем от облачной пелены небе.

Наука искоренила в людях веру в знамения. Но зато до сведения каждого было многократно доведено, что Земля — песчинка и что Вселенная полна неожиданностями, не всегда, кстати, безопасными. Пока это ограничивалось разговорами, можно было спокойно слушать такие лекции в городском саду, а потому гулять по аллеям. Но вот и впрямь появилось что-то...

— Не беспокойтесь, — снисходительно вещал с телеэкранов молодой «звездочет» из обсерватории, — это вспышка сверхновой звезды. — И обращался к такому же коллеге: — Помните 1054 год?

— Скорее похоже на 1582-й, — отзывался тот.

В материалах для изучения недостатка не было. Переставали работать приемники. Полярные сияния спускались в средние широты.

— Когда же это кончится? — спрашивали астрономов.

— Сверхновые сопровождаются мощным радиоизлучением, — отвечали те. — Но потеряйте: они существуют недолго.

* * *

Домик стоял на отлогом берегу реки, метрах в двухстах от песчаной отмели. Кругом степилась равнина, перебиваемая местами низ-

ким лесом. А рядом возвышались горы. Метеорологический пост был поставлен как раз на границе двух рельефов и двух климатов. Там, в горах, среди льда и скал, бушевали ветры, ползли темные тучи, и черта, ниже которой кончается снег, оставалась с предгорий невидимой. У подножия было помягче, хотя тоже не сладко: вечная мерзлота, полугодовая ночь, долгая и холодная зима. И триста километров по хребтам и оврагам до ближайшего селения.

Евгений Сыркин, метеоролог, не унывал. Летом он рыбачил и добывал столько рыбы, сколько хотел. Выслеживал зверя, но не стрелял, а фотографировал. Жизнь текла размеренно и точно. Три раза в день, с интервалом в восемь часов, зимой и летом Евгений обходил свой небольшой участок, снимал показания приборов, потом садился за передатчик и отправлял сведения на центральную станцию. Он прожил на посту уже полтора года. Оставалось еще шесть месяцев. Но Евгений не представлял другого человека в этом домике, где стены были увешаны фотографиями подкарауленных зверей. Домик и вправду был заманчив — дюралюминиевый, с утеплителями из пенопласта и стекловаты, с двойными плексигласовыми стеклами. Состоял он из трех помещений — рабочей комнаты, кухни и тамбура. В комнате находились стеллаж с приборами, стол, распределительный щит и рация, ящик с землей — для огурцов, а в уголке печка. Продукты и инструменты хранились в кухне. В тамбуре разместились аккумуляторы. Из кухни можно было вылезти на крышу через аварийный люк. Несколько окон располагалось прямо в потолочных перекрытиях.

В оборудование поста входил прибор не совсем обычный — радиотелескоп. Кто-то доказал, что в северных широтах небо должно хорошо прослушиваться, и на площадке возле ящика с барометром появилась новенькая блестящая параболическая антенна. Дополнительные обязанности не очень обременили Евгения Сыркина: требовалось лишь передавать показания самописца. Но зато гордость его возросла многократно. Благодаря радиотелескопу он причислил себя к исследователям космоса...

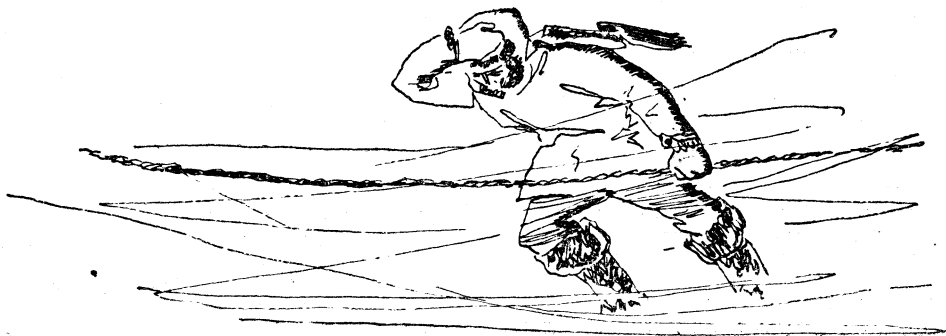
В умеренных широтах было еще лето, а в краю, где трудился Евгений, наступала уже зима. Незаходящее солнце висело низко над горизонтом и скоро должно было закатиться на полгода.

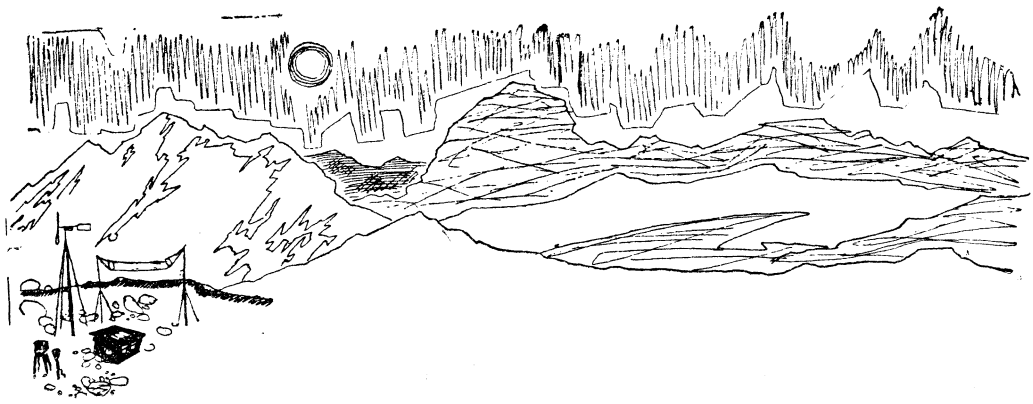
В этот день, придя с заготовки дров домой, Сыркин поспешил к приборам. Нужно было успеть снять показания к началу радиосеанса. И он успел. Но что-то творилось сегодня в эфире. Женя не выключил приборы радиотелескопа, и лента все ползла да ползла. Зубцы и пики на ней были несколько большей величины, чем обычно. Евгений знал, как выглядят на ленте радиосигналы возмущенного солнца. Он пожалел, что радиотелескоп его не оборудован системой самонаведения — имела бы как бы прекрасная возможность не упустить радиолуч.

Без двадцати восемь Евгений проснулся и взглянул на регистратор скорости ветра. Кривая тянулась равномерными ступеньками — это означало, что ветер порывистый. Барометр показывал нормальное давление. Термометр, психрометр, осадкомер — все показания записал в блокнот. Ничего необычного не случилось, только вчерашнее бледное пятно на небе стало ярче и больше. Евгений вернулся домой и отправил сводку новостей. Трудности при передаче усилились, временами его не слышали. Приходилось повторять. Закончив сеанс, он взял лопату и пошел в огород, где посадил весной картошку на горстке привезенной земли, и теперь, дабы посрамить всех скептиков, хотел собрать урожай.

Урожай оказался ничтожно малым. Листья и стебли у картофеля выросли нормальными, а клубни — мелкими. А под иными кустами их не было совсем. Евгений перекопал весь огород, подбирая клубни размером с фасолинку. Но все равно их набралось очень немного.

Зима наступила рано. Солнце светило два, три часа в сутки, не более. Уже можно было измерять уровень снега. Зубцы на ленте радиотелескопа все увеличивались и стали теперь больше тех, которые давали бури на солнце. В эфире стоял беспрерывный треск, и

редко что можно было уловить. В метеорологической таблице не было графы для подобных наблюдений. Евгений записывал их отдельно и как-то раз даже ухитрился передать все на станцию.

— Это наблюдается сейчас по всей Земле. Произошла вспышка сверхновой звезды, — ответили ему. — Она прекратит свое действие быстро.

Уже кончив передачу, держа в памяти интонации собеседника, Евгений догадался, что разговаривал с начальником станции Гуровым. Этого человека, пожилого, бородатого, многознающего, быстрого в словах и действиях, он очень уважал, как и все.

Евгений выходил из домика, когда темноло, и смотрел на небо. Сверхновая стала больше и ярче луны.

Сильный и резкий ветер смел с земли снег. Евгений шагал через огород к жалюзийной будке — там помещался психрометр. В темноте нога натолкнулась на что-то твердое. Нагнувшись, Евгений поднял этот предмет и осветил фонариком. Картофелина! Откуда она взялась? Он отчетливо помнил, как подбирал на огороде самые мелкие клубни. Такую картофелину он не пропустил бы ни за что. Осветив участок фонариком, Евгений нашел еще несколько клубней.

Дома он внимательно разглядел каждый. Какие-то странные. Тверже обычных, и на поверхности сетка. Геометрически правильные ромбические ячейки сплетены как бы из тонкой проволоки. Евгений попробовал разрезать одну ножом. Разрез получился металлического цвета и быстро покрылся пленкой. Евгений долго думал, куда спрятать находку, и решил положить в ящик с землей, стоявший под столом. Придет весна, можно посадить эти странные клубни, а пока пусть не мешаются.

Зима наступила окончательно, и солнце ушло за горизонт. Хрипы и трески забивали эфир. Приступая к обходу, Евгений глядел в небо. Там сияла все увеличивающаяся сверхновая.

С вечера барометр показал приближение бури. Высоко в горах Евгений заметил свер-

кание молний и слегка испугался: такого еще не бывало. А утром, проснувшись, он увидел в свете, падавшем из окон, сплошное клочко-чущее белое месиво. Но, привязав себя к штурмовому тросу, все же обошел свои приборы, вернулся и включил передатчик.

В эфире царил такой треск, что на этот раз сомнений не было: его не услышат. Громадные, вылезавшие за пределы ленты пики ползли из-под пера самописца радиотелескопа. В потолочных окнах стояла глухая темнота: их завалило снегом.

Сквозь шум ветра донесся странный гул. У Евгения мелькнула мысль, что это падает мачта с ветродвигателем или радиотелескоп. Но какая сила могла бы повалить многотонные, на бетонной основе махины? Что-то очень тяжелое, громадное обрушилось вдруг на домик. Прогнулась, заскрипев, крыша, стены выпятились внутрь комнаты, погас свет. Евгений пробрался к окну. Оно было так же непроницаемо, как стена. Что-то снаружи закрыло стекла. Евгений бросился к выходной двери и распахнул ее: дверь открылась внутрь — предугаданная, полезная при заносах. Но перед ним оказался не снег, а большой камень, перегородивший весь дверной проем. Щели между камнем и стенкой домика были забиты снегом. Аварийный люк в кухне не открывался, потолочные окна тоже. И Евгений понял, что произошло. С гор обрушилась лавина. Что вызвало ее, неизвестно. Но выйти из домика невозможно.

Продуктов, правда, запасено надолго, дрова есть, хотя пользы от них мало: труба дымохода забита. Домик, сверхпрочный, сверхудобный, превратился в герметичную нору. И воздуха не хватит надолго. Все это небольшое, тесное пространство начнет заполняться углекислым газом... От этой мысли стало не по себе. Евгений сжал кулаки, стиснул зубы, прищурился в темноте: нельзя дать вырваться страху.

Ветродвигатель, должно быть, свалило. Остались аккумуляторы. Их энергию надо расходовать очень экономно. Сигнал бедствия — вот что надо передавать все время. Не подробное описание случившегося и не объяснения, а координаты поста и сигнал бедствия. И только. Круглые сутки, за исключением нескольких часов сна. Начиная с этой же минуты.

Радиосводки с поста «Предгорный» перестали поступать на станцию в конце сентября. Факт потребовал бы немедленных действий, если бы речь шла только об одном этом poste. Но молчали все пятнадцать. Быть может, люди на них исправно и аккуратно передавали в эфир полученную информацию, а может быть, их уже не было в живых. Никто не знал этого из-за радиобури.

Начальник станции Гуров через два дня после того как поступил последний сигнал, вызвал самолет и трех человек из спасательной команды. Облет постов начался.

Все были живы, все здоровы. Единодушно жаловались только на дьявольский треск в эфире, на недавнюю сильную метель.

— Она уже отшумела, — успокаивал Гуров. — Радиобура — максимум деятельности Сверхновой — скоро тоже пойдет на убыль. Эфир очистится, и начнется наша прежняя прекрасная жизнь. Вы у меня молодцы, ребята!

Так Гуров облетел четырнадцать постов, подбодряя, объясняя и успокаивая. Оставался последний — самый дальний, самый глухой — пост Евгения Сыркина.

Самолет прошуршал лыжами по снегу и остановился. Спасатели выскочили. Летчик тоже вышел.

Все встали поодаль от самолета, чтобы ничто не мешало видеть оба берега в свете вращающегося прожектора.

Один берег крутой, другой пологий. На крутом чернеет незанесенный склон, на пологом — груда камней.

— Место я помню отлично, — проговорил Гуров. — Но здесь же совсем не то.

— Координаты точны, — отозвался летчик.

Помолчали, вглядываясь.

— Что-то поблескивает, — один из спасателей показал на самый верхний камень гряды. — Видите?

И вправду, всякий раз, когда луч скользил по тому месту, что-то загоралось, будто вылетало мгновенное пламя. Спасатели бросились бегом.

Краешек отполированной металлической лопасти торчал из снега.

— Ветродвижитель, — сказал подоспевший Гуров.

Лопаты застучали о камни, полетели комки грязного желто-серого снега. Камней становилось все больше и больше, некоторые приходилось откапывать руками. Расчистили вторую лопасть. Стали спускаться вниз. Такого еще в их практике не бывало. На всех других постах метеорологи, заслышав шум самолета, выбегали из домиков и мчались к месту посадки. Здесь встретили их молчаливые следы катастрофы...

— Лавина была, — Гуров вздохнул. — План поста дайте, пожалуйста.

Ему подали планшет. Он осветил его фонариком, приложил масштабную линейку.

— Пятнадцать метров прямо на восток — и встанем над крышкой люка.

Копали несколько часов. Светили два фонаря да самолетный прожектор. Настроение у всех было подавленное: мысль о зрелище, которое предстояло вот-вот увидеть, не радовала.

Евгений Сыркин не мог остаться в живых под такой грудой камней и снега. Допустим, его не раздавило. Но буря пронеслась две недели тому назад. За это время он должен был погибнуть от недостатка кислорода.

Спасатели продолжали работу, углубляя каменистую воронку. И когда фонари уже перестали освещать дно, послышались глухие удары снизу...

* * *

Все разместились в рабочей комнате. На обеденный стол поставили сразу оба фонаря. Евгений Сыркин вглядывался в лица товарищей, тряс руки. Он никак не мог опомниться. — А я уж думал: все! Завещание написал! — он потряс над головой бумажкой. — Все изложил, как было. Для науки! Последние наблюдения вписал. И тут задыхаться начал. Сознание потерял. Очнулся — воздух чистый, свежий. Никогда не дышал таким — ни в лесу сосновом, ни на берегу морском.

— Любопытно. — Гуров сидел вполоборота на стуле, покачивал лохматой головой. Борода его терлась о воротник пальто. — О причине не задумывался?

— Должно быть, слой снега и камней неплотный. Где-то открылась течь воздуха.

— Не знаю, не знаю. Судя по всему, щелей не было.

— Давайте ужинать, — пригласил Евгений. — Вытащим стол на середину.

Он первым взялся за ножки стола, ему помогли. На освободившемся пространстве все увидели ящик с землей. Из него, распрямляясь, покачиваясь на длинных стебельках, поднимались необыкновенные цветы: с серебристыми широкими лепестками, со слегка вогнутыми, без остроугольной части листьями, напоминающими боковую поверхность цилиндра.

— Что это? — Евгений провел пальцем по листу. — Я ничего не сажал, не сеял...

— Сами выросли? — спросил Гуров.

— Да, да! — Женя поднял глаза к потолку, припоминая: — Нашел я на огороде что-то похожее на картошку, принес, спрятал сюда, чтоб не мешалась. Смотрите: выросло!

— Когда-то я занимался ботаникой, — Гуров наклонился, понюхал цветок. — Оставил черт побери... И вот жалею. Пригодилось бы первый раз в жизни. Но, напрягая всю свою память, могу сказать: ни цветов таких, ни листьев не видел.

— Ну, ладно. — Евгений достал белую скатерть, развернул ее. — Вырос и вырос! Будет у нас ужин с цветами.

А Гуров все наклонялся, щупал цветы, шептал что-то.

Ели и пили долго, потом пошли восстанавливать ветродвигатель. Наконец, усталые и замерзшие, улеглись спать. Евгений спать не собирался. Ему хотелось после долгого молчания поговорить с живыми людьми. И, кроме того, он слишком много спал в недавней полной темноте. А что, если поговорить с соседними постами! Как они там? Он надел наушники и услышал четкий сигнал приема. Эфир был чист — ни хрипов, ни тресков не раздавалось. Сверхновая исчезла.

Евгений работал, не отрываясь, до полуночи. Потом встал и глубоко вздохнул. Все спали вповалку. Один лишь Гуров бодрствовал. Он сидел, прислонившись спиной к стене, и думал. Бородка его была всклокоченной, в руке дымилась сигарета.

— Вы не спите? — удивился Евгений.

— Все размышляю, — отозвался тот. — Энергетика процесса, вы понимаете? Цветок вырос у вас в полной темноте, иначе вы бы раньше его заметили, не так ли?

— Конечно!

— Но ведь растение не может развиваться в темноте! — Гуров заволновался. — Не может поглощать углекислоту и выделять кислород, который вас спас, чудак вы этакий! Фотосинтез — знаете такое слово? Химические реакции начинаются в зеленом листе не раньше, чем на него упадет луч света. Предпочтительнее всего солнечного. Но можно и от лампы накаливания, и от газонаполненной. И от керосиновой. И от свечи, на худой конец. Лишь бы фотоны, так сказать, летели. А у вас их не было. Ведь вы даже спичкой не чиркнули. Верно?

— Спички и кое-какие запасы такой каменной придавило, что и сказать трудно.

— Ну, вот. А цветок между тем вырос. И свежим воздухом вас напитал, да еще побольше его выделилось, чем в иной основой роще. Щелей-то не было, я проверял. Замуровало вас в лучшем виде. Что вы на все это скажете?

— Не знаю, — смутился Евгений, — право, как-то... Я ведь не изучал ботанику Фотосинтез, энергетика... Я, когда вернусь, возьмусь за учебу, конечно. А сейчас...

— Ну, ладно, — вздохнул Гуров — Сейчас ложитесь-ка вы лучше спать...

Сперва Евгений спал спокойно, потом ему казалось, что кто-то ходит вокруг, потом его переложили в постель. Он чувствовал, что все это делается наяву, но не было сил проснуться окончательно.

Евгения поднял будильник. Вокруг ничего не было. На стеллаже с приборами лежала записка. Евгений схватил ее.

«Дорогой Женя, — начал он читать, — спать вы умеете здорово. Желаю вам надолго сохранить это прекрасное качество. Я провел за вас первые сегодняшние наблюдения и поставил будильник, чтобы вы не проспали вторые. Не обижайтесь за отбытие без прощания — жалко было вас будить. Все равно скоро увидимся. Цветок ваш вместе с озерной землей я забрал. Кажется, цветок этот стоит больше всех озерцов вместе взятых. Я провел ночью кое-какие опыты — скромные, конечно, насколько позволяли оборудование и обстановка. Цветок поглощает радиоволны. Они и дают ему необходимую для жизни энергию. Ведь, в сущности, и световые, и радиоволны — явление одного и того же порядка, разница лишь в длине. Но радиосинтез мы на Земле до сих пор не знали. Должно быть, один из путей эволюции заключался в его использовании, но был отвергнут природой за нецелесообразность. Ведь световое излучение Солнца неизмеримо сильнее, чем радиоволны. Но способность к этому виду энергетического питания не исчезла безвозвратно. В каких кладовых природы она хранилась миллионы лет, я не знаю. Быть может, в молекулах воздуха, которым мы дышим, в пыли, несомой ветром. Пришел день, когда эта способность воскресла. Она спасла вам жизнь. Это не только наука, это и техника. Сравнительно небольшие листья принимают радиоволны любой длины. А мы, люди, вынуждены строить радиотелескопы с гигантскими антеннами. Вот вам патент природы, да еще какой! Быть может, я ошибаюсь. Ну что ж, поправят меня быстро. Мне кажется, что существуют целые миры, где вся жизнь строится на основе радиосинтеза. Радиомиры! Возможно, там и сознательные существа есть. Интересно знать, как они выглядят, какие у них органы чувств? Жизнь неуничтожима, она найдет способ проявиться в любых условиях. Меня торопят, до свидания. Изучайте биологию. Я и то думаю: не начать ли снова? Ваш Гуров».

Евгений, дочитав письмо, постоял, задумавшись, и вышел из дома. Там, где весь вчерашний день светилось сквозь снег бледное пятно самолетного прожектора, теперь была темнота. Дул ветер. Женя стоял и пытался представить себе существо из радиомира.

Рассказ

Она появилась, когда гроза, отгромыхав над деревней, уходила, бушуя, за ржаные поля. Гигантской аркой она нависла над осиновым перелеском, вымытая, сияющая, словно сказочные ворота в неведомую страну.

Часто в те послевоенные годы мы, мальчишки, убегая от грозы, прятались под нависшим краем соломенной крыши старого амбара. Мы прижимались мокрыми спинами к теплым потрескавшимся бревнам и пережидали дождь, помешавший нам играть в шаровки на заокочном лугу. Молнией слепило глаза, от грома дрожал старый амбар. Мы тряслись не то от страха, не то от холода.

Но вот ливень начинал затихать, откуда-то из-за крыши слабо, золотым сиянием проглядывало солнце, и тогда неожиданно раздавался голос Сеньки Конопатого:

— Гля, робя! Радуга!

Она появлялась внезапно, молчаливая в своем великолепии. Мы считали ее цвета, удивлялись, как на глазах становилась она то заметнее, то бледнее. И никто из нас не мог объяснить, почему один

ее конец всегда ярче другого. Только однажды Сенька таинственно объяснил:

— А я знаю, почему!

— Да ну-ну?!

Сенька вытирает свои словно разбавленные молоком глаза и взъерошил рыжие вихры.

— Точно знаю. Это она воду набирает. Где воды много, там она концами и припадает!

И Сенька предлагал побежать посмотреть, где радуга пьет воду.

Открытие еще не было явным, но после Сенькиных слов нам показалось: вон за тем перелеском, из заросшего осокой болота поднимаются в призрачное многоцветье хрустальные капли, мелкие, как бисеринки, и исчезают в высоко уходящем излучье радуги.

— Побежали! Посмотрим... Вот же она, совсем близко!

И босая короткоштанная команда под редкими, но еще крупными каплями понеслась к перелеску...

Так было не раз.

Но радуга всегда оставалась недосыгаемой.

Мы не очень горевали и на опушке осинника находили свое ребячье, тех годовных лет, лакомство — бледно-зеленые с бархатистой кожей пиканы. С трубчатых стеблей мы сдирали ворсистую кожуру и ели, причмокивая, эту зелень с тонким травяным ароматом.

И возвращались по домам.

А жизнь шла дальше, гремели летние грозы, бушевали проливные дожди, другие мальчишки бегали за перелесок глядеть, как пьет радуга воду.

Мы становились почти взрослыми прежде, чем это было положено, и поступали в ФЗО, на заводы. Мы становились самостоятельными. Нам сияли новые радуги. Их было много — разноцветных, открывающих сказочное и необыкновенное. Что-то вечно недостижимое, неуловимое, как призрачный радужный блеск на фоне грозовых облаков, звало идти вперед, находить, познавать. Я не жалел, что на смену одной радуге приходили другие, а вместе с ними и то, что называем мы беспокойной, но неповторимой жизнью...

В это лето я побывал в родных краях. Так, заглянул мимоходом. Гроза громогласная, веселая загнала меня к старому амбару. Я стоял под нависшей соломой и вовсе не думал о детстве. Я промок и досадовал на грозу. Кто-то, спасаясь от нее вроде меня, — только не один, а двое, — стал за углом. Я слышал, как они прошлепали босыми ногами. Я их не видел. Они смеялись и обрадованно восклицали:

— Вот так гроза, папа!

— Да, Витька, гроза мировая!

А потом затих ветер, солнце глянуло в разрывы туч, и детский голос за углом громко крикнул:

— Да смотри же ты, папа! Радуга!..

Верно, радуга. Ох, какая радуга разукрасила небо! Ее цвета пели, улыбались всему миру, звенели радостью!

— Знаешь, Витька, она сейчас воду пьет. Видишь, один ее край ярче другого, — задумчиво, как будто вспоминая что-то, сказал отец мальчишки.

— Бежим, папа! Посмотри, близко-то как!

Они побежали, и я их увидел. Две рыжие головы, две пары глаз, восторженных и словно разбавленных молоком, оба веснушчатые до плеч. И мальчишка — точь-в-точь Сенька Конопатый в детстве, только волосом чуть потемнее.

Е. РЫБНИКОВ

Рисунок Л. Полстоголовой.

В ТАЙНЫ ЖИВОГО

Ю. ТАСКАЕВ

Биологически активные вещества... Изучение их сулит немало приятных сюрпризов. Сколько легенд и волнующих рассказов связано с волшебными свойствами женьшеня или пантов марала! Страшные язвы, экземы, гипертония и даже старость отступают перед их чудесным исцеляющим действием. «Лекарствами от тысячи болезней» называют на Востоке эти лечебные средства. И это соответствует действительности. Но секрет изготовления подобных снадобий подчас или утерян, или, на Востоке, например, тщательно оберегается служителями религиозного культа.

Воссоздать таинственный лечебный препарат — только полдела. Не менее важно найти способ его массового изготовления. Найти, если представляется возможным, равноценные заменители.

Ученые Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР разгадали тайну «корня жизни» — женьшеня. Они открыли, что такими же свойствами обладает

экстракт довольно распространенного в Приморском крае растения — элеутерококка колючего. Сейчас дело за химиками. Они должны исследовать вещество, и тогда можно будет выпускать новый препарат в широких промышленных масштабах.

Пантокрин — биологически активное вещество пантов марала и изюбря — редких и ценных пород животных. Наши ученые получили недавно подобное вещество из рогов северного оленя.

А сколько скрыто загадок в водах мирового океана! Если обыкновенная лампочка накаливания светится, используя электрическую энергию с коэффициентом полезного действия в 8—10 процентов, то у морских животных свечение происходит за счет химической энергии с коэффициентом полезного действия в 90—95 процентов. Невиданный в технике коэффициент перехода одного вида энергии в другой! Сейчас ученые изучают это явление. И если удастся природный эффект перенести в промышленность, то энергетика страны без больших затрат увеличит мощность существующих машин в десятки раз.

В истории жизни рыб и морских животных вообще много еще нераскрытого. Например, вопрос долголетия. А нельзя ли, используя принцип обмена веществ обитателей морей, бороться с человеческой старостью? Можно легко представить, что получают люди в случае успешного решения этой проблемы.

Всем этим и занимаются ученые Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. На базе двух лабораторий исследуются биологически активные вещества женьшеня, элеутерококка, пантов марала, изюбря и северного оленя. Сейчас центр тяжести перенесен на изучение морской флоры и фауны. Для этого здесь исключительно благоприятные условия. Дальневосточный академический городок, единственный в стране, имеет непосредственный выход в океан.

Недалеко от города Владивостока находится остров Попов, где расположены крупнейшие рыбоконсервные комбинаты. Сюда рыбаки свозят улов. В сети зачастую попадают экземпляры уникальных видов морских животных. Так что без лишних хлопот исследователь может составить хорошую коллекцию многих видов рыб, моллюсков и водорослей. Кроме того, ученые договорились с двумя крупнейшими рыбопромышленными организациями Владивостока о снаряжении научных экспедиций на разведывательных судах. В этом году состоится первая — в воды Японского моря.

Для различных экспериментов будет организована морская станция и четыре заповедника. На вооружении ученых будут самые прогрессивные методы исследования.

Знаешь ли ты Урал?

Озера Свердловской области

● В области свыше тысячи озер. Расположены они в основном на восточном склоне Уральского хребта. Из них 463 озера площадью в 50 000 гектаров — в пределах одного только Гаринского района.

● Самое большое озеро области — Пелымский туман. При ширине в 5 километров оно вытянулось в длину на многие десятки километров. В сухое время года площадь его зеркала — около 60 квадратных километров, а в разлив увеличивается в десятки раз.

● В водах наших озер насчитывается 42 вида рыб. Но 36 из них местные, а 6 — «гости», переселенные из других краев и ранее на Урале не известные.

● В черте города Свердловска, у Обсерваторской горки, обнаружены отложения древнейшего озера Урала, занимавшего миллионы лет назад огромную территорию, включая нынешние Исетское и Шитовское озера.

● Таватуй — одно из самых крупных горных озер края, его зеркало превышает 20 квадратных километров, а объем водной массы — около 120 миллионов кубометров. Озеро собирает воду с площади 265 квадратных километров. Свыше трех десятков больших и малых горных речек питают его.

Проектируется около трех четвертей всей береговой полосы озера превратить в зону отдыха. Здесь смогут одновременно отдыхать до 30 тысяч человек.

● Подсчитано, что в озере Молтаево более 8 миллионов тонн сапропеля — ценного лечебного ила, служащего также сырьем для извлечения многих химических продуктов. 85 грязелечебниц Свердловской, Тюменской и Челябинской областей пользуются этим илом. Если даже тратить в сутки по 25 тонн (а этого достаточно для обслуживания 1000 больных), то и в этом случае запасов озера хватит почти на тысячу лет.

● Много интересных рассказов и преданий связано с озером Куртугуз. Вода его болезненно действует на кожу человека, за одну минуту разъедает рыбацкие сети, но совершенно не действует на многочисленных обитателей озера — карасей.

● Одно из замечательных озер края — озеро Бездонное, в 30 километрах на юго-запад от Нижнего Тагила. Уже в 3—4 метрах от берега встречаются глубины 30—35 метров, а в центре глубина превышает 50 метров. И это при площади озера всего около 3 гектаров!

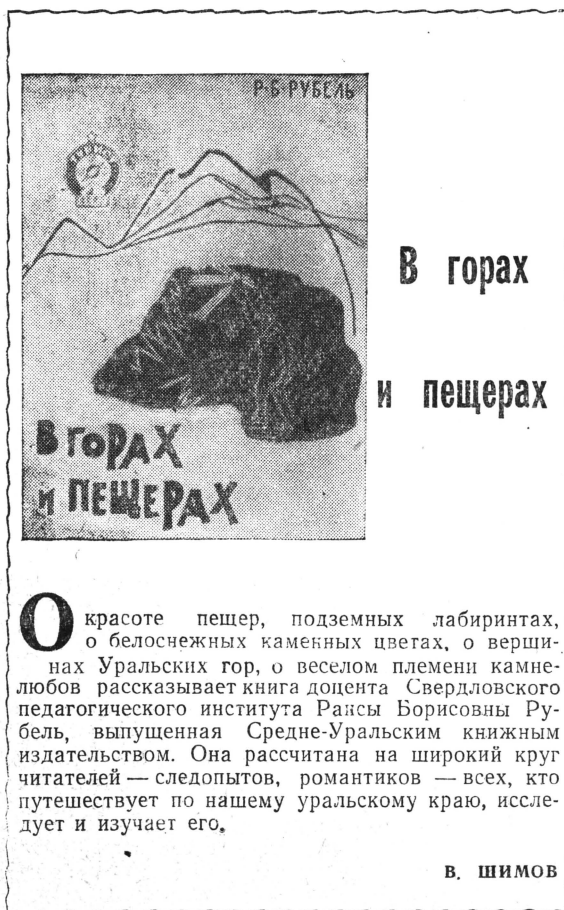
На дне озера есть «подводный лес» — это огромные глыбы известняков, из которых сложены берега, сползли некогда в воду вместе с деревьями.

Книжная полка следопыта

ГОЛУБЫЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

Слава об уральских озерах идет далеко за пределами края. То обрамленные цепью живописных гор, то привольно раскинувшиеся на обширных равнинах, то неожиданно возникающие перед путником в дремучей чаще хвойной тайги, они являют собой чудесные приметы края,

В горах и пещерах

О красоте пещер, подземных лабиринтах, о белоснежных каменистых цветах, о вершинах Уральских гор, о веселом племени камнелюбов рассказывает книга доцента Свердловского педагогического института Раисы Борисовны Рубель, выпущенная Средне-Уральским книжным издательством. Она рассчитана на широкий круг читателей — следопытов, романтиков — всех, кто путешествует по нашему уральскому краю, исследует и изучает его.

В. ШИМОВ

придающие ему редкостное своеобразие. Тот, кто видел их, едва ли когда-нибудь забудет. О тех же, кто вырос около них, сроднился с ними, и говорить нечего: куда бы ни забросила его судьба, до конца дней своих носит он в душе теплую память о голубых жемчужинах родной земли.

Немало восторженных строк посвятили уральским озерам и Д. Н. Мамин-Сибиряк, и В. И. Немирович-Данченко, и П. П. Бажов.

А все же, как ни странно это, знаем мы об озерах Урала до обидного мало. Возьмите в руки не так давно вышедшую книгу В. Головки «Озера нашего края»¹, изданную Средне-Уральским книжным издательством, и вы с грустью согласитесь с этим, хотя книга посвящена озерам только лишь одной Свердловской области.

Сколько в области озер? Чем они, кроме красоты, примечательны? Какую роль играют в жизни области, в ее народном хозяйстве? Многие ли свердловчане знают об интереснейшей исторической судьбе озера Шарташ, входящего в годскую черту?

Молодой свердловский ученый, инженер-гидролог В. К. Головки любит свой край, настойчиво изучает его, открывая в нем все новые и новые черты, и, как и подобает краеведу-энтузиасту, спешит поделиться радостью этих открытий с земляками.

В. Головки в своей книге не только сообщает специально научные сведения об озерах области, но и интересно, с увлечением рассказывает о живописной прелести их, о скрытых от ненаблюдательного глаза особенностях, об использованных и неиспользованных возможностях, о богатой событиями истории, наконец, о недалеком и не менее богатом новыми событиями будущем их.

Хочется отметить еще одну особенность книги. Автор ее не только приводит результаты научного изучения озер области, но и прямо-таки втягивает в эту работу читателя. Он не просто призывает краеведов, туристов, следопытов ехать и любоваться этими озерами, но и дает целую программу для самостоятельных исследований. Надо думать, что многие следопытские коллективы края с готовностью воспользуются его советами и указаниями и отправятся изучать озера своей округи. Особенно это касается отрядов, включившихся в соревнование за право участия в III Всеуральском слете следопытов.

Книга В. Головки об озерах Свердловской области показала, как может быть одновременно полезна и интересна такая работа. Стоит пожелать, чтобы появились подобные им, например, о пещерах края, о лесах и горах, о флоре и фауне, о месторождениях полезных ископаемых. Они быстро найдут своего читателя.

¹ В книге 135 страниц, тираж ее 7000 экз., цена 17 коп.

А. ПОХОДОВ

Ничья с Ботвинником

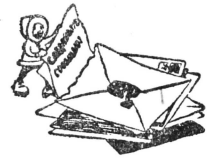
Толя Карпов живет в Златоусте, учится в шестом классе, ему двенадцать лет. Он — самый юный в Челябинской области кандидат в мастера по шахматам.

Начал играть Толя пяти лет. Второклассником он участвовал в городских соревнованиях школьников. Затем «сражался» с юношами и взрослыми. В 1960 году на республиканских соревнованиях выполнил норму первого спортивного разряда.

Особенно победным был для мальчика прошедший год. В первенстве города по шахматам среди взрослых он завоевал первое место, на областных соревнованиях — второе и стал кандидатом в мастера. А в международном пионерском лагере «Орленок» ему присвоили звание чемпиона лагеря.

Встретился Толя в Златоусте и с Виктором Корчным, который давал сеанс на 25 досках. Гроссмейстер не сумел одержать победу и предложил ничью. Центральный совет общества «Труд» пригласил мальчика на занятия школы совершенствования юных шахматистов в Москву. Здесь экс-чемпион мира Михаил Ботвинник дал сеанс одновременной игры на шести досках. И тут златоустовский школьник добился ничьей.

А. ОСТРЯКОВ

Камень преткновения

Антонова гора — в Борзенском районе Забайкалья. Когда-то здесь, в вершине пади, срубил первую избушку старатель дядя Антон... Бродил по возвышенности, добывал «железный волчек» — черную, как спелая черемуха, вольфрамовую руду, сдавал на рудник Арбуи. Один за другим пристраивались старатели возле Антоновой избушки. Не прошло и двух лет, как вырос маленький поселок, разбросанный зигзагами по косягу.

В каждом поселке бывает «выдающаяся личность». Такой личностью в новом поселке считалась жена старателя Шитова — огромного роста сибирячка лет сорока, сильная, подвижная, прямая противоположность мужу — очень застенчивому человеку, который с уважением называл ее Лукиничной.

Жили они вдвоем: он работал в канавах, расчистках, шурфах и рассечках; она развозила на лошади воду по руднику.

Однажды осенью, спу-

саясь спозаранок к горному ключу метрах в ста от избушки, Шитиха (так называли Лукиничну все селяне) поскользнулась на большой глыбе белого камня, упала и сильно ушиблась. Сгоряча она схватила большую кувалду и принялась размалачивать этот «камень преткновения», подставивший ей подножку. Первые же удары принесли сюрприз: развалившаяся на куски глыба хранила гнездо «лапчатого» вольфрамитового вороньего крыла. И за какие-нибудь полтора часа Лукинична добыла 35 килограммов отборного концентрата.

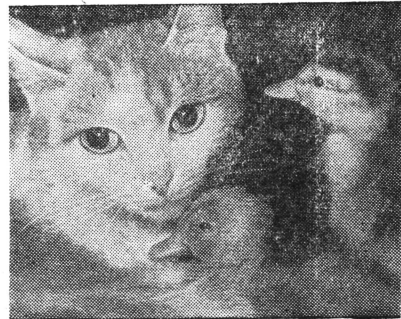
И это не все. Раскромсав тот камень, Шитиха поняла, что глыба похожа на «развал» рудного тела, поднялась выше по склону и обнаружила мощную жилу кварца, богатую вольфрамитом. За свое открытие она получила большую премию. А жилу назвали в честь ее Шитовской.

А. ЖУКОВ,
Кемеровская область

Мушка- воспитатель

На снимке вы видите кошку Мушку среди своих питомцев — утят и цыплят. Она водит их гулять в огород и на озеро, защищает от врагов — соседских кошек и собак, а вечером, как настоящая мама, оберегает сон.

А. КАМЕНСКИЙ

Молекула

Рассказ

В милицию Ивана Спиридоновича доставили завернутого в афишу. Дежурный оторвал глаза от книги и чуть было не прыснул: вот это видок! Но тут же спохватился и, скрипнув ремнями, вполне официально спросил:

- Как фамилия?
- Ци-ци-цероночкин...
- Ограбили?

Цицероночкин как-то неопределенно помотал головой.

«Псих!» — подумал лейтенант и на всякий случай отодвинул чернильницу.

— Что нарушил?

— Я лично? Упаси боже! Да я и не возражаю, пусть будет наука-волшебница, или как еще ее... ангид-д-дриды,— Цицероночкин зябко поежился.— Но при чем тут лично я? Это не опыты... это хулиганство!

— Давайте по порядку,— перебил дежурный.

Но если рассказывать по порядку, то все началось еще с утра.

* * *

— Пап, а пап! Какая, думаешь, формула у молекулы соли? — загадочно спросил за утренним чаем Вовка.

— Боже мой, и тут химия! — воскликнул Иван Спиридонович и в сердцах шлепнул сына по руке.

Солонка, которую рассматривал в этот момент Вовка, покатила по столу.

«К ссоре!» — констатировал про себя Цицероночкин-старший и решил идти напропалую.

— И чего вы все заладили: химия, химия! На работу придешь — химия. Телевизор включишь — химия! Еще не известно, есть ли в ней прок. Вот пока дурь одна!.. — Иван Спиридонович сердито ткнул пальцем в сторону сына. Вовка прикрыл ладонью дыру на коленке, прожженную накануне кислотой.

— Зря ты, Ваня,— заступилась жена.— Химия нынче в моде. Ты знаешь, какую я шубку в «Синтетике» видела!

— Знаем мы эти полумеры... — проворчал Иван Спиридонович, уловив тонкий намек.

— Не полумеры, а полимеры,— насыпая, поправил Вовка.

Это был предел. Цицероночкин-старший встал из-за стола.

На лестнице он чуть было не наступил на кота Васюку, с воплем метнувшегося из-под ног. Кот вытаращил из темного угла зеленые фосфорисцирующие глаза.

— Алхимик! — обругал его Иван Спиридонович и вышел на улицу.

До работы оставалось еще добрых полтора часа: У газетной витрины возле почтамта толпились люди. Цицероночкин привстал на цыпочки и пробежал заголовки: «Химию — в жизни!», «Заменитель крови», «Пластмассы вместо стали»...

— Опять химия, — буркнул он, но никто почему-то не поддержал. А поговорить хотелось. Взвинченное настроение требовало сочувствия.

— Я говорю, опять химия... Уже приелось! Поговорили — и хватит. Нельзя всюду-то — и в суп, и в чай...

На Цицероночкина удивленно посмотрели и посторонились.

— Вот пишут, какую-то смесь вместо крови... Это что, выходит, и сердце ненастоящее можно приделать? А я лично думаю, пустое это. Конечно, наука, но зря уж на нее так много возлагают!

— Сразу видно, что вы не химик, — отозвался, наконец, молодой человек в кепке.

— Я химик? Упаси боже! Жил без этой химии и дальше проживу. Вот, к примеру, искусственная кожа, пластмассы разные... А мне их и даром не надо. Да по мне, пропади они пропадом. Хоть сейчас!

И тут случилось невероятное. Очки на носу Ивана Спиридоновича погнулись, обвисли и растаяли, как стеариновая свечка. Стекла жалобно звякнули об асфальт. Любимые желтые полуботинки как-то странно сморщились и исчезли.

Цицероночкин, заподозрив злую шутку, подслеповато прищурился.

— Кто это? А ну, не балуйте! А то я вас с вашими вискозами-глюкозами живо отведу куда надо... — и тут же почувствовал, как голубая рубашка вздулась на спине парусом.

— Хулиганье! — бросил он изумленным читателям газеты и побежал к перекрестку, где всегда в прозрачной будочке сидел милиционер. — А еще химики! Образование получают... — бормотал он на ходу. — Черт бы вас побрал вместе с вашей синте...

Цицероночкин резко затормозил. Брюки стали неудержимо сваливаться. Иван Спиридонович подхватил штаны рукой, но было поздно. Встречные испуганно шархнулись в сторону. Сбоку заулюлюкали мальчишки.

Цицероночкин ошалело прикрылся

портфелем и, ласково глядя его по крутым бокам, вдруг умоляюще залепетал:

— Друг ты мой, пластмассовый!..

Портфель остался в руках.

* * *

— Да, — недоверчиво произнес дежурный по отделу милиции. — Так, значит, все само собой и исчезло? И хорошая одежда была?

— Почти новая, — кивнул Цицероночкин, глубже заворачиваясь в афишу. — Брюки немнущиеся...

— Лавсановые, — заметил лейтенант.

— Вы так считаете? Может быть... Отличные брюки, должен вам сказать, — с еще неосознанной надеждой проговорил Иван Спиридонович и вдруг ощутил на поясище знакомую тугость ремня. Он обрадованно скинул афишу.

— Ха-ха! Мои! Вот они!..

Дежурный протер глаза. А Цицероночкин тем временем в самых лестных выражениях торопливо перечислял остальные предметы исчезнувшего туалета. Невесть откуда прилетели рубашка, галстук, желтые полуботинки... Массивные, в коричневой оправе очки шлепнулись на переносицу дежурному и потом, словно передумав, перепорхнули в жилетный карман Цицероночкина.

...После двукратного прикладывания к носу пузырька с нашатырным спиртом лейтенант, наконец, пришел в себя.

— Химия! — восхищенно произнес Иван Спиридонович и постучал ногтем по флакону. — Всегда помогает в таких случаях.

* * *

Предполагаю, что многие из читателей сочтут описанное выше происшествие чересчур неправдоподобным. Не стану спорить. За что купил, за то и продаю. Но, с другой стороны, ведь признаем же мы, что химия полна чудес?! Своих друзей она щедро одаривает, а с теми, кто к ней равнодушен или более того, не прочь и шутку сыграть... Не зря еще Михайло Ломоносов говорил: «Широко распространяет химия руки свои в дела человеческие».

В том-то и соль!

Кстати, молекула соли обозначается так: NaCl.

Это теперь даже Иван Спиридонович знает.

В. СУББОТИН

Рисунок В. Бубенщикова.

В НОМЕРЕ:

ПИСЬМА С ФРОНТА	1
ЗНАМЯ ПОБЕДЫ. Л. Семенов	6
АТАКУЮЩИЕ ПРАВДИСТЫ. Виль Дорофеев. Очерки	8
В ОДНОМ ЦЕХЕ. Э. Ермакова	18
УРАЛХИММАШЕВСКИЙ ЧАС. А. Магницкий	18
СМОТРИТ ИЛЬИЧ С ПОРТРЕТА. Н. Новоселов. Стихотворение	19
СТО СНАРЯДОВ. В. Матэр. Отрывок из повести	20
ЛЕД ЧИСТИТ ОЗЕРА. А. Мальцев	26
ГАЗ ОБКАТЫВАЕТ ДВИГАТЕЛЬ. Л. Кеккелев	26
ЭХО. Н. Мережников. Поэма	27
РАССКАЗ ОБ ОГНЕННОМ КОМАНДИРЕ. В. Пролетки. Поиски, находки, открытия	31
БЫТЬ МОЖЕТ В ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ГЛУБИ... Л. Румянцева. Стихотворение	32
К ПЕРВОПРОХОДЦАМ. А. Тумбасов. Из дневника художника	33
«СЕВЕРЯНКИ» УСТРЕМЯТСЯ К ЮГУ. В. Чистяков	38
ТЕРЕМОК ДЕДУШКИ КОРНЕЯ. Михаил Зуев-Ордынец. Очерк	39
К ТРЕТЬЕМУ УРАЛЬСКОМУ	43
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	43
ЮНГА. В. Хмелинин. Документальный рассказ	46
РАЗВЕДЧИК ТРУДНЫХ ДОРОГ. Виктор Утков. Статья	49
БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ. Е. Харитонова	51
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. Ю. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман. Книга вторая. Продолжение	52
ИЗ СЛОВАРЯ УРАЛЬСКИХ ОХОТНИКОВ. Г. Бабаков	64
МОИ ТРОФЕИ. А. Клебанов. Фоторассказ	64
ЛЕГЕНДА О БЕЛОМ КРЫЛЕ. Михаил Чернолуцкий	66
ПАТЕНТ СВЕРХНОВОЙ. Ромэн Яров. Конкурс научной фантастики	68
РАДУГА. Е. Рыбников. Рассказ	73
В ТАЙНЫ ЖИВОГО. Ю. Таскаев	74
ОЗЕРА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	75
КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛЕДОПЫТА	75
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	77
МОЛЕКУЛА. В. Субботин. Юмористический рассказ	78
ПЕВЕЦ КРАЙНЕГО СЕВЕРА. Л. Тимашева	80

На первой странице вкладки фото И. Тюфякова. На четвертой странице рисунок А. Тумбасова.

Обложка В. Бубенщикова и М. Заводчикова.

Певец Крайнего Севера

Дмитрий Афанасьевич Брюханов родился в Новосибирске в 1915 году. С раннего детства увлекался рисованием.

Любовь к рисованию привела его в художественную студию Пролеткульта. Тогдашняя система обучения имела очень много недостатков, но стремление молодого художника к знаниям, его вдумчивое изучение лучших образцов мирового реалистического искусства помогли выбрать из всего, преподносимого в студии, рациональное зерно.

Окончив студию, Дмитрий Афанасьевич начинает работать в новосибирской комсомольской газете «Большевикская смена».

К середине 30-х годов Дмитрий Афанасьевич приезжает на Колыму. Суровый северный край, его могучая и почти еще не тронутая природа, люди, пришедшие, чтобы покорить ее, глубоко взволновали художника. С этого времени тема Севера становится основной в его творчестве.

Книга «Сказки народов Северо-Востока», оформленная Дмитрием Афанасьевичем Брюхановым, была тепло встречена читателями и критикой, экспонировалась на Всемирной выставке книг в Лейпциге.

Уже эта первая серьезная работа Брюханова отличалась строгостью и продуманностью композиции, стремлением проникнуть в поэтический мир народных образов и стремлением найти свой творческий почерк.

Не все в ней, правда, было одинаково хорошо. Отдельные иллюстрации грешили эклектичностью, излишней детализацией, но в целом эта первая серьезная работа автора показала, что в Магадане появился интересный и очень самобытный художник.

Вслед за первой книгой появились и другие: «Эскимосские сказки», «Эвенский фольклор», появились и станковые листы: «Заседание первого Ревкома Чукотки», «В тушной фактории американца» и т. д.

Дмитрий Афанасьевич начал работать и в линогравюре. Именно в этой технике были им выполнены иллюстрации к книге Ю. Рытхэу «Время таяния снегов», которая в 1961 году экспонировалась на Выставке достижений народного хозяйства. Автору была присуждена серебряная медаль.

Большой успех принес художнику 1961 год. Его линогравюра «Северный танец» экспонировалась на Всесоюзной художественной выставке. Строгая, как бы замкнутая в круг композиция, точно найденные ритмические повторы в движениях фигур и их выразительность помогли художнику создать интересное и глубоко эмоциональное произведение.

В 1962 году в Магадане решением правления Союза художников РСФСР было создано отделение Союза. Председателем отделения магаданские художники избрали Дмитрия Афанасьевича Брюханова. В этом же году художником была оформлена книга «Сказочник Кивагма». Все композиции книги, тонко найденное размещение иллюстраций, заставок и концовок, глубокая образность, виртуозное владение техникой сделали книгу произведением большого искусства.

В настоящее время Дмитрий Афанасьевич упорно и много работает над серией линогравюр о чукотском и якутском народах для зональной выставки художников Дальнего Востока.

Л. ТИМАШЕВА.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор Г. Стороженко

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производ. отдел. Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 24/IV 1964 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л. Уч.-изд. л. 11,2. НС 29441. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ № 160.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Д. А. БРЮХАНОВ

иллюстрации

к чукотским сказкам

30 коп.

73413